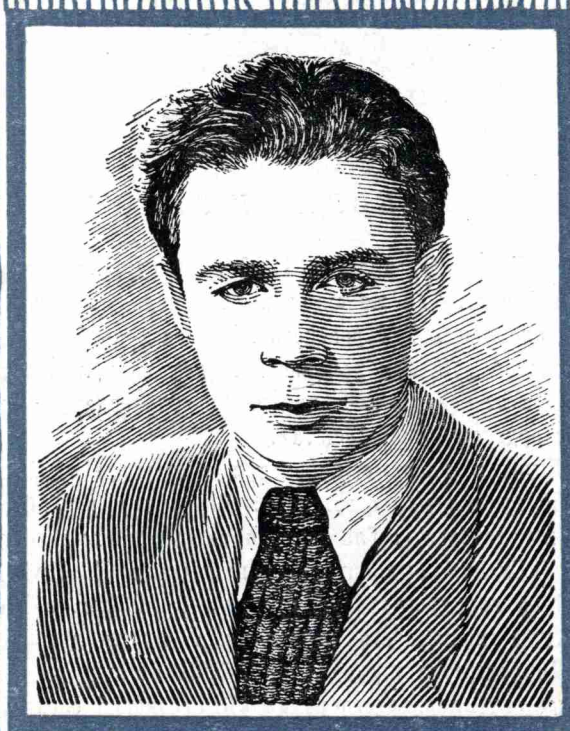

Роман-газета
3(87)

НИКОЛАЙ ШУНДИК

БЫСТРОНОГИЙ ОЛЕНЬ

ГОСЛИТИЗДАТ

1953

НИКОЛАЙ ШУНДИК

Николай Елисеевич Шундик родился в 1920 г., в семье крестьянина-бедняка, в дальневосточной деревне Михайловке. Там же он окончил начальную сельскую школу.

В 1939 г., после окончания Хабаровского педагогического училища, Н. Шундик выехал на Чукотку, где проработал учителем начальной школы семь лет, причем четыре из них — в глубокой тундре, среди оленеводов-кочевников. За учительскую деятельность на Чукотке Н. Шундик награжден орденом «Знак Почета».

В 1948 г. Н. Шундик впервые напечатал в журнале «Дальний Восток» очерковые записки о Чукотке «На краю земли советской». Через год в Хабаровском государственном издательстве, а затем в издательстве Главсевморпути вышла его повесть «На земле Чукотской». В 1949 г. в журнале «Смена» был опубликован рассказ Н. Шундика «Гибель каменного дьявола», получивший на конкурсе вторую премию. В 1952 г. в Государственном издательстве детской литературы вышла его повесть «На севере дальнем», получившая первую премию на конкурсе Министерства просвещения РСФСР на лучшую детскую книгу. В этом же году журнал «Октябрь» опубликовал его роман «Быстроногий олень».

В 1952 г. Н. Шундик окончил Хабаровский государственный пединститут. Николай Елисеевич Шундик является депутатом Хабаровского городского совета.

Роман-газета

3(87)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1953

Николай Шундик

БЫСТРОНОГИЙ ОЛЕНЬ

РОМАН
В 4-х ЧАСТЯХ

*Коммунистам и комсомольцам
Чукотки посвящает автор.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Гивэй остановился, устало воткнул в землю копьё. Прямо перед ним, за ослепительной полосой лагуны, виднелся посёлок Илрнэй. Искаженные миражем строения колыхались в мареве, как тени. Песчаной косы, отделявшей море от лагуны, не было видно. Казалось, что дома и яранги стоят прямо на воде. Силуэты их то отрывались от воды, то приближались, то вдруг уходили куда-то вдаль, исчезая в синеватой дымке.

Мягкая голубизна моря неудержимо влекла к себе. Гивэй невольно сделал несколько шагов вперед и снова остановился. Угрюмые глаза юноши постепенно теплели. Сняв легкий, летний малахай, он вздохнул глубоко всей грудью. Смуглое тонкое лицо его будто осветилось изнутри; задумчивая и вместе восторженная улыбка тронула губы, затрепетала в черном пламени глаз. Над морем возник призрачный, подвижный город. Это пловучие льды, как в зеркале, отразились в небе. Льды были где-то за десятки километров, а казалось, что они вот здесь, совсем рядом. Четкие грани их то наливались густой синевой, то

выцветали, напоминая замысловатый узор, вытканый на небе из легких облаков. Порой ослепительно вспыхивал солнечный луч, отраженный в невидимой льдине. И тогда длинные густые ресницы Гивэя вздрагивали, а черное пламя глаз становилось еще жарче.

— Ай, хорошо, большие льды идут. Людям в охоте удача будет, — шептал он, безошибочно определяя своим опытным глазом морского охотника движение невидимых льдов, отраженных в гигантском зеркале неба.

И вдруг Гивэй всем существом своим почувствовал беспокойство. Из-за гряды гор, идущей вдоль берега лагуны, выползали плотные, черные тучи. Ударил порыв ветра, за ним второй. Крикливые чайки заметались в небе, падая в косом полете к темнеющему морю. Прижав к груди малахай, Гивэй смотрел на небо. Тучи, идущие на разной высоте, металась в хаотическом беспорядке. Одни из них ползли с севера на юг, другие — в обратную сторону; разрываемые в клочья воздушными течениями, они ежесекундно меняли форму, сшибались, соединялись в сплошную черную массу, закрывая полнеба.

«Будто и не тучи, а дым — оттуда, где города горят, где огонь даже железо, как сухую траву, сжигает», — подумал Гивэй, крепко охватывая цепкими руками копье, служившее ему походной палкой. И тут пришла другая мысль:

«Вот в таком же небе сбили его... Он теперь огнем обожжен, мой брат Тэгрын».

От поселка к поселку, от стойбища к стойбищу передавалась на-днях из округа печальная весть: крылатый человек Тэгрын опасно ранен, лежит в госпитале.

Весть эта взволновала все побережье и тундру Чукотки. Не было ни одного чукчи, ни старого, ни малого, кто не знал бы бесстрашного летчика Тэгрына. Именно здесь, на Чукотке, он впервые поднялся в небо, показал на своем примере, что и у его народа выросли крылья. И не однажды чукчи, глядя на летящий самолет, с гордостью произносили новое имя Тэгрына — Крылатый человек.

Тучи ползли и ползли из-за гор. Море, недавно еще ласковое и нежное, теперь вздыбилось косматymi волнами. Синеватое-маревое миража сменилось черной, мстами, как дым, клубящейся мглой. Гивэй оглянулся вокруг и снова замер. На какое-то мгновение ему почудилось, что он уже там, у Сталинграда, где огонь сжигает железо, где дрался в небе с врагами его брат Тэгрын.

— Пойду в Кэрвук... В райисполком, в райком! — Юноша подставил разгоряченное лицо холодному ветру. — Они отпустят меня. Я научусь летать. Я знаю мотор, я хорошо знаю мотор. Ого! Гивэй такой человек!..

Нахлобучив на голову малахай, Гивэй тронулся в путь. Но острая боль в натруженных, усталых ногах заставляла его остановиться.

«Отдохнуть надо, — уныло подумал он, — километров пятьдесят, пожалуй, прошел сегодня от Янрая. А может, в Илриэй заглянуть? Как раз половина пути. — Юноша снова повернулся лицом к поселку, видневшемуся за лагуной. — Нет, прямо пойду, брод через лагуну искать не хочется...»

Спустившись в овраг, Гивэй набрал сухих сучьев, нашел место, где послабее дул ветер, разжег костер.

— Чайку попью, дальше пойду, — приговаривал он, извлекая из походного нерпичьего мешка небольшую кастрюлю.

Вода в кастрюле закипала. Гивэй вытаскивал из самодельного нерпичьего портфеля одно письмо за другим, задумчиво перечитывал.

Мысли в голове плыли, будто караваны перелетных птиц в хмуром, осеннем небе. Да, грустно, очень грустно Гивэю. Вот уже год, как он пишет письма Оле Солнцевой, учительнице своего родного поселка Янрай, но ни одно из них отдать ей так и не решился. Сколько раз подходил к ее двери, заносил руку, чтобы постучать... Но в самое последнее мгновение решимость покидала его.

Много, очень много писал он Оле, но не все еще сказал ей. Разве сказал он, что когда находится с нею рядом, то чувствует себя так, будто далеко, очень далеко видит — и не как охотник, не глазами, а сердцем... Оля с сердцем его сделала что-то такое, от чего хочется обойти весь мир, все опутать своими руками, хочется все, все узнать, понять, обо всем догадаться... Ай, Оля, Оля, как она красива! Слово первая заря после полярной ночи. Как о ней не будешь думать?..

И все же письма сейчас он одно за другим бросит в костер. Пусть горят. Наступит время, когда он напишет ей новые, оттуда, издалека! Ого! Это будут настоящие письма. Он напишет ей, как сумел заменить своего брата Тэгрына, как беспощадно мстит за него, уничтожает врага. Вот тогда Оля, быть может, к груди прижмет его письма, быть может, подумает, что и он, Гивэй, настоящий мужчина, такой же, как его брат, Крылатый человек.

Да, то будут настоящие письма. А эти... пусть горят!..

Гивэй поднес пачку писем к костру. В глазах юноши мелькнуло что-то страдальческое, губы дрогнули. Но тут же лицо его стало бесстрастным, словно высеченным из камня: сильный человек должен скрывать свои чувства, так говорит чукотская народная мудрость.

2

Омкар быстро вошел в кабинет секретаря Кэрвукского райкома партии Ковалева и остановился у двери, тяжело дыша, вытирая малахаем смуглое, с черной редкой бородкой, лицо. Возбужденный, явно расстроенный, он старался взять себя в руки, прежде чем заговорить с человеком, беседовать с которым в повышенном тоне ему казалось немислимым. Секретарь райкома, откинувшись на спинку кресла, с любопытством наблюдал за председателем илриэского колхоза: он хорошо знал причину его несколько необычного состояния.

— Ну что ж, Омкар, я вижу, тебе очень хочется поговорить со мной громким голосом. Давай говори. Громким голосом говори.

Омкар смущенно кашлянул, переступил с ноги на ногу и, вдруг улыбнувшись, сказал:

— Здравствуй, Сергей Яковлевич!

Ковалев вышел из-за стола, Омкар пожал протянутую ему руку и спросил, хитро прищурившись:

— Может, сердце мое зря так часто бьется? Может, это лживая весть до ушей моих дошла, что Гэмаля от нас забрать хотят?

— Нет, люди говорят правду, — чуть помедлив, спокойно ответил секретарь.

Омкар привстал. Казалось, он не хотел верить своим ушам.

— Это почему так, а? Наш колхоз самый большой, наш колхоз уже пять лет самый лучший в районе, наш колхоз миллионер! Людей много, хозяйство большое! Нам хороший парторг нужен, нам такой, как Гэмаль, парторг нужен! Ни за что не отдадим Гэмалю!

Омкар хотел что-то добавить, но в это время дверь в кабинет отворилась и на пороге показался Гэмаль.

В полувоенном костюме из черного сукна, туго подпоясанный широким офицерским ремнем, он выглядел подтянутым, сдержанным. Спокойствием, уверенностью веяло от его плотно сбитой фигуры.

— Правильно ли это, Сергей Яковлевич, человека с одного места на другое бросать? — негромко, с еле уловимой ноткой обиды, спросил Гэмаль, пожав руку секретарю.

— Бывает так, что очень нужно настоящего человека, коммуниста, перевести с одного места на другое, на более трудное, на более ответственное.

Сергей Яковлевич сказал это тихо, совсем тихо, но Гэмаль выпрямился и весь подобрался, а Омкар чуть подался вперед, ожидая чего-то важного, исключительного.

Ковалев облокотился на стол, задумчиво потер жилистыми руками крутой лоб и улыбнулся. В смуглом лице его с прямым носом, в темносерых глазах, озабоченных, строгих и в то же время порой, в прищуре, лукаво-насмешливых, сразу угадывались и ум, и воля, и сердечность. Волосы у него были черными, и оттого еще резче выделялась в них серебристая извилина седой пряди.

— Без хорошего парторга янрайцы и в этом году не выполнят план по пушнине. А вы знаете, что значит сейчас, когда враги рвутся к Сталинграду, не выполнить план?

— Нельзя им план не выполнить. Поругать их надо, заставить как следует работать, как наши люди работают, — запальчиво ответил Омкар.

— А почему ты забыл сказать, что им помочь надо? — с мягким укором спросил Ковалев. — Когда тебе было трудно с большим хозяйством управиться, мы в помощь твоему колхозу Гэмаль послали.

Чувствуя себя прижатым к стенке, Омкар потупился, но вдруг, прямо глянув в глаза секретаря, сказал:

— Парторга все равно не отдам... Давай думать, как по-другому янрайцам помочь можно.

Гэмаль молчал. Он уже понял, что новое назначение его вызвано самой острой необходимостью. Четкий, с горбинкой, нос, плотно сомкнутые, подобранные губы придавали его лицу властное выражение. Но в умных, широко раскрытых глазах парторга было что-то простодушное, располагающее, и это смягчало его суровую властность.

Ковалев перевел свой взгляд на Гэмалья.

— Ну, а что ты скажешь?

— Вижу, надо ехать, Сергей Яковлевич. — Повернувшись к Омкару, Гэмаль мягко добавил: — Не обижайся на меня. В Январе я родился... Там трудно... надо помочь.

Поспешно набив трубку, Омкар отвернулся к окну. Лицо его было сердитым, угрюмым. Но вот он метнул сердитый взгляд в сторону Гэмалья.

— Ты хотя бы два слова сказал, что думал. Сердцу моему легче бы стало.

Парторг усмехнулся.

— Сердце твое пустыми словами не успокоишь.

Омкар махнул рукой и стал еще мрачнее.

— Значит, едешь? — сказал секретарь и встал.

— Еду, — тихо, но твердо ответил Гэмаль. — Только как же я буду парторгом в колхозе, где даже маленькой партгруппы нет?

— Создашь. Люди там есть. Хорошие люди, которые созрели для вступления в партию.

Гэмаль и Омкар вышли из райкома молча, не глядя друг на друга.

— Пятнадцать лет уже его знаю, — наконец произнес Гэмаль, садясь на перевернутый кверху килем вельбот на берегу моря.

— Сергея Яковлевича? — тихо спросил Омкар.

— Да, его. — Гэмаль не спеша закурил. — Помню, мальчишкой еще, вдруг тревожный разговор услышал, что русский учитель в Январе приехал. Шаман Тэкыль, помню, к нам в ярангу зашел. Сквозь сон его голос слышу: «Беда пришла к нам с этим белолицым. Детей

у нас отбирать будут, головы им портить будут. Возненавидят дети отцов и матерей своих!» Совсем проснулся я, когда услышал слова эти. Боязно стало. Сильно хотелось на страшного белолицего посмотреть, и в то же время чувствую, что сердце бьется, вот-вот из груди выскочит...

Гэмаль умолял, поправляя тесемки на своих легких нерпичьих торбазах.

— Ну и как, не выскочило сердце? — нетерпеливо спросил Омкар.

— Сейчас расскажу, — Гэмаль поудобнее уселся на вельботе. — Собрались мы первый раз в школу, за парты сели, осматриваемся. А я дрожу, как на холоде, не знаю, что со мной учитель делать будет, как учить меня будет. Наверное, это очень больно, когда учитель учит, — думаю. Интересно, как это он меня ненавидящим отца и мать делать станет? И только он вошел в класс, я птицей к двери! От волнения не в ту сторону потянул, никак не открою.

— Тебе что, на улицу хочется? — вдруг спрашивает учитель. Говорил он тогда по-чукотски плохо. Но слышу, голос совсем не сердитый. Посмотрел я в лицо учителю, вижу — улыбается, и весь страх сразу пропал.

— Наверное, ты уже раздумал на улицу идти, наверное, ты сейчас на свое место сядешь? — сказал он.

— А ты бить не будешь? — спрашиваю. Сергей Яковлевич засмеялся, повернулся к классу и так ответил:

— Нет. Я никогда не бью маленьких и другим не позволю бить.

Совсем осмелел я и сел на свое место. Не знал я тогда, что с этой минуты у меня другая жизнь началась, что с этой минуты меня учитель как бы на руки взял и стал вверх подымать. Думаю, что ты хорошо понимаешь, о чем сказать я хочу. Дальше говорить, или ты все еще сердисься на меня?

— Говори, говори дальше, — вздохнул Омкар, — слушать буду, хотя очень с тобой поругаться хочется, даже язык, как юкола¹, пересох.

— Ладно, дальше говорить буду, — согласился Гэмаль. — Мне вот приходилось книги разные читать. И вот узнал я по книгам, а еще боьше по рассказам учителя, что есть люди, которые думают, что у нас, у чукчей, голова по-другому устроена: неспособна будто понимать то, что белолицые понимают. А Сергей Яковлевич за то, что я хорошо учился, в шутку великим талантом меня называл, тетради мои собирал, в Москву даже посылал. В журнале «Огонек» фотографию моих тетрадей напечатали. Хорошие слова обо мне по радио передавали. Так вот, понимаешь, о чем рассуждаю я? Учитель мой громко, на весь мир, сказал: «Чукча Гэмаль — человек. Чукча Гэмаль — настоящий человек!» Может, тебе сначала покажется, что здесь ничего особенного нет, может, ты никогда об этом не думал?

— Головой... не думал, а вот сердцем... не меньше тебя об этом думал, — отозвался Омкар.

— Пора нам домой собираться, — неожиданно заключил Гэмаль. — Так догадываюсь, что ты уже успокоился немножко?

Омкар промолчал, задумчиво глядя вдаль, где темная синева открытого моря сходилась с небом.

¹ Ю к о л а — вяленая рыба.

Рабочий день секретаря райкома продолжался. По его вызову в кабинет вошел заведующий райзо, Лев Борисович Караулин.

— Садитесь, — пригласил его Ковалев, указывая на кресло у стола. — Объясните, что произошло у вас с председателем январьского колхоза Айгинто.

Караулин задумался, собираясь с мыслями, чтобы рассказать суть дела сжато и ясно. Он всегда боялся произвести на секретаря плохое впечатление и при каждом удобном случае говорил, что считает себя его учеником. Но это чувство постоянной ответственности перед секретарем тяготило Караулина. «Кто его знает, что за сила у этого человека. Вечно словно экзамен перед ним держишь», — не раз приходила ему в голову эта мысль.

Был Караулин огромного роста, атлетического телосложения, немного навывкате темные глаза его всегда были живыми, быстрыми. Крупный, без четких линий нос и пухлые яркие губы заметно ослабляли мужественное выражение его лица со здоровым, во всю щеку, румянцем. Буйная, в крупных кольцах, рыжеватая шевелюра, широкие плечи и грудь придавали внешности Льва Борисовича, как принято было говорить в кругу его друзей, «что-то львиное».

— В Январе я пробыл полмесяца, — начал свое объяснение Лев Борисович, — к работе колхоза «Быстроногий олень» присмотрелся достаточно хорошо. И пришел к выводу, что председатель колхоза Айгинто не на своем месте. Слишком молод он для председателя, слишком горяч, не сдержан. Но самое печальное то, что он берет под свою защиту шаманские элементы. Так, когда я забрал у шамана Ятто его божков, его амулеты, Айгинто при народе посмел накричать на меня, как на мальчишку; потребовал, чтобы я вернул этих идолов. Конечно, я обржал Айгинто, поставил его на свое место.

Заведующий райзо умолк, несколько не сомневаясь, что секретарь одобрит его поступок.

— Да... Это уже приобретает принципиальное значение, — задумчиво произнес Сергей Яковлевич, как бы отвечая на свои мысли.

— Вот, вот, именно принципиальное, — обрадовался Караулин и вдруг осекся под странным взглядом секретаря райкома.

— Так, по вашему мнению, старик Ятто шаман? — тихо спросил Ковалев. В голосе его прозвучало что-то такое, отчего сердце Караулина забило часто, тревожно.

— Конечно, Сергей Яковлевич. Я сам видел, как он на своем чукотском празднике кормил идолов жертвенной кровью. Старик Ятто страшный человек. Это...

— Я очень хорошо знаю, что из себя представляет Ятто, — сухо прервал секретарь. — Это честный старик, замечательный оленевод. И не его вина, что он все еще находится во власти суеверия. — Помолчав, секретарь жестко добавил: — Я, как и председатель январьского колхоза Айгинто, считаю, что со стариком Ятто вы поступили возмутительно. Попрошу вас немедленно аккуратно запаковать всех этих идолов в посылку, написать адрес и принести ко мне в кабинет. Кроме того, хорошо над этим подумайте, так как скоро вам придется объясняться на заседании бюро райкома.

«Ну, это уж слишком», — хотелось возразить Караулину. Но он смолчал.

Проводив Караулина, Ковалев прошелся по кабинету, остановился у окна.

— Ишь ты, развоевался, искоренитель чукотской старины! — сказал он с сердцем и попросил пригласить в кабинет Шельбицкого, бухгалтера-ревизора районной торговой конторы.

Вскоре Шельбицкий уже сидел у стола секретаря райкома. Худое, замкнутое лицо его, с длинным узким носом, с близко посаженными, всегда настороженными глазами, выражало страдание.

— Сергей Яковлевич, все это я прекрасно понимаю, я сам люблю старика Митенко, но государственная копейка есть государственная копейка. — Шельбицкий развел худосочными руками, как бы говоря: ничего здесь поделать не могу.

— Это очень похвально, что вы так бережете государственную копейку. — Ковалев попытался глянуть Шельбицкому прямо в глаза, но тот упорно отводил взгляд в сторону. — Однако же оценивать судьбу честного человека в копейку государство наше считает преступлением.

Шельбицкий вскинул брови и, наконец, на какое-то мгновение встретился со взглядом Ковалева.

— Простите, Сергей Яковлевич, но я вас не понимаю.

— Сейчас поймете. Насколько мне теперь понятно, недостача у Митенко насчитывается исключительно по углю. А вот скажите, при ревизии точно ли был измерен этот уголь?

— До сих пор меня в этом не упрекали. То, что я измеряю, всегда измеряется точно, — с достоинством ответил Шельбицкий и даже попытался забросить ногу на ногу, но тут же одумался.

— А вот скажите... сердце, человеческое сердце, глупину его, вы когда-нибудь пытались измерить? — Секретарь прищурился, и в глазах его мелькнуло что-то холодное, злое. Шельбицкий смущенно прокашлялся, не находя слов, чтобы ответить на неожиданный вопрос.

— Не пытались, а плохо, — ответил за него секретарь. — Для этого прежде всего свое сердце нужно очень чутко выверить, приняв его, так сказать, за единицу измерения. А оно у вас холодное, как чугунная гиря, и, кстати сказать, видимо куда менее точное.

— Помилуйте, товарищ Ковалев, — Шельбицкий крепко впился руками за поручни кресла. — Что вы говорите? Ведь... ваши слова граничат... граничат...

— А знаете ли вы, с чем граничит ваш поступок? — Ковалев встал, тяжело опираясь руками о стол. — Ведь вы же честного человека задумали отдать под суд!

— А как же?.. Неужели вы хотите, чтобы я покрывал растратчиков? — Шельбицкий тоже приподнялся над креслом, но тут же опустился, чувствуя себя словно пригвожденным тяжелым взглядом Ковалева.

— Вот что, бухгалтер-ревизор Шельбицкий, — сегодня я говорил по поводу Митенко с директором райторгконторы. Вам будет предложено тщательнейшим образом перемерить уголь, который находится в подотчете Митенко. — Немного помолчав, Ковалев добавил, глядя в лицо бухгалтера с беспощадной насмешливостью. — Учтите, что Митенко пирогами и водкой встречать вас не будет. Уж такой он вредный старик. Пусть это обстоятельство не послужит помехой для ваших измерений.

Еrome того, постарайтесь совсем забыть о том, что он справедливо отругал вас однажды на собрании. Помните?

Шельбицкий кашлянул в кулак и крепко потер подбородок. На впалых щеках его выступили красные пятна.

— Ну, спасибо... спасибо... — пробормотал он, поднимаясь с кресла.

Когда бухгалтер проходил через приемную, то заметил в одном из кресел погруженного в тяжелую задумчивость старика Митенко.

«И его вызвал, сейчас успокаивать будет». Шельбицкий втянул голову в плечи и вышел, громко хлопнув за собой дверь.

Митенко так был погружен в свои думы, что не заметил бухгалтера. Лицо у старика было хмурым, утомленным, седые усы опущены, под глазами мешки.

«Какой позор на старости лет!» — в который раз думал он, напряженно дожидаясь встречи с секретарем райкома. Готовясь к чему-то, похожему на исповедь, старик невольно оглядывался на свой многотрудный жизненный путь.

Потомок русских поселенцев на Аляске, Митенко всю жизнь, как и его отец, занимался вместе с индейцами, эскимосами, чукчами охотой на пушного зверя и ловлей рыбы. В 1908 году, в одну из лютых эпидемий черной оспы, умерли его мать и отец, жена. Митенко решил покинуть Аляску. В 1910 году он перебрался на Чукотку, с мыслью переселиться потом в центральную Россию. Живя в поселке на чукчанке, Митенко построил себе в поселке Янрай хижину и снова взялся за охоту. Дружно жил Митенко с чукчами. Но насколько его любили чукчи, настолько ненавидел американский купец Стэнли, обогнавший свою факторию в Янрае. Ненавидел за то, что Митенко мешал ему грабить чукчей. Бывало так, что чукчи просили Петра Ивановича быть посредником в их торговле с американским купцом. Ни угрозы, ни подкуп Стэнли на Митенко не действовали.

Вскоре на Петра Ивановича снова обрушилось несчастье — умерла при родах жена, оставив ему девочку. Заботливо растил Митенко дочь. Назвал он ее Ниной. Чукчи дали ей второе имя — Нояно. Когда появилась в Лаврентьевской бухте культбаза, Митенко отдал дочь в школу. Прошли годы. Теперь Нояно училась на Большой Земле на ветеринарного врача, а сам Митенко давно уже бессменно работал заведующим торговым отделением, пользуясь уважением и любовью чукчей не только в поселке Янрай, но и далеко за его пределами.

И вот, словно снег на голову, на него обрушилось несчастье. Митенко был почти уверен, что в ходе судебного разбирательства его оправдают и оставят в покое, но это будет потом, а как быть сейчас? Как теперь смотреть ему в глаза людям? И это в такое время, когда народ кровью и потом обливается в тяжелой войне с фашистами.

Митенко облокотился о колени, закрыл лицо руками и снова замер, погруженный в тяжелые думы.

И вдруг он услышал, что его вызывают. Петр Иванович поспешно встал, зачем-то вытащил очки, снова спрятав в нагрудный карман измятой гимнастерки.

Секретарь райкома вышел из-за стола навстречу Митенко. Какое-то мгновенно старик жадно всматривался в его лицо: нет ли в нем хотя бы тени отчужденности, холода недоверия или, быть может, даже беспощадного осу-

ждения... Но нет, Ковалев встречает его попрежнему. И прищур его глаз с лукавинкой, и дрожащая в уголках губ улыбка, и извилинка седой пряди, порой падающая на высокий выпуклый лоб, — все это старик запомнил давно, до мельчайшей черточкой, и сегодня все это казалось ему особенно знакомым. «Не верит, нет, не верит, что я могу быть сукиным сыном», — мелькнуло у него в голове. И от этого еще сильнее вспыхнуло желание немедленно высказать все, до последней мелочи, чтобы Ковалев мог подумать: «Ну, вот так оно и есть, как я предполагал, старика сильно обидели, оскорбили».

И Митенко начал говорить быстро, быстро, задыхаясь, словно боясь, что его не дослушают до конца.

— Ведь он же... Шельбицкий этот... когда мерял? Когда уголь в овраге снегом завалило... Был сугроб огромный... только вот к осени проклятый растаял...

— Знаю, дорогой Петр Иванович. Все знаю, — Ковалев крепко пожал старика руку. — Садись вот сюда, удобнее, в это кресло.

Растерянный, сконфуженный, с чуть дрожащими руками, на которых резко выделялись синие набухшие вены, Митенко показался Ковалеву как-то особенно старчески беспомощным, усталым.

— Так вот, весной, когда снег отваливали, с ним и угля немало в сторону отшвырнули, а он, знаете, у нас, на Чукотке, больше тысячи рубликов тонна! — снова зашепели Митенко, прижимая руку к сердцу, как бы умоляя поверить, что слова его истинная правда.

— Знаю, знаю, ты говорил Шельбицкому, что нужно подождать, пока снег растает, — подхватил Сергей Яковлевич. — А он сказал, что еще не встречал случая, когда снег превращался бы в уголь. Так, что ли?..

— Да, да, это истинно его слова, а откуда ты знаешь?..

— Знаю, Петр Иванович, и убедительно прошу тебя успокоиться. Тебе пора уже здоровье свое беречь по-настоящему. А уголь твой будет замеряться снова, — как раз вот ты говоришь, что сугроб уже растаял.

Митенко вздохнул так, словно внезапно освободился от чего-то неизменно тяжелого, что стискивало ему грудь.

— Спасибо... спасибо тебе, Сергей Яковлевич, я знал, что честные люди в обиду меня не дадут...

— Ну, так чего же ты так переживаешь? Поди, постарел за эти дни лет на десять.

— Ну, да как же, Сергей Яковлевич? Тут только одна мысль о суде, как воршун, сердце закоптила... и потом обидно: есть же люди, которым засудить человека просто в радость, все равно что свадьбу сыграть... Тыфу ты, вразуми их господь бог, как это говорится, что так нечего делать.

— Не бог, а вот мы, люди, стараемся вразумить, — возразил Ковалев, энергично смыкая лежащие на столе руки в замок. — И так, говорить нам об этом больше нечего. Вызвал-то я тебя, Петр Иванович, совсем по другому делу.

Митенко выпрямился: во всей его по-стариковски грузной фигуре почувствовалось оживление.

— Знаю я тебя давно, пятнадцать лет знаю, — продолжал Сергей Яковлевич. — Многому у тебя научился, когда еще молодым, безусым попал в Янрай. Прекрасно мне известно твое тяжелое, честное прошлое. И вот решил я дать тебе рекомендацию в партию.

— Мне... рекомендацию в партию? — Митенко встал. Седые, косматые брови его поднялись кверху. — Но я же, Сергей Яковлевич...

— Понимаю. Ты никогда никому не говорил, что собираешься вступить в партию...

Митенко закрыл на мгновение глаза.

— Ещё раз спасибо тебе, Сергей Яковлевич, за доверие... Ты не ошибся, что о партии мною думано, передумано... Мог бы я, конечно, обойтись и без этого, как его... без оформления. Но сейчас, когда вражья сила вон куда, к самой Волге катится, оформление это, как я своей старой головой думаю, имеет, пожалуй, свой смысл...

— Да. Ты правильно рассудил: оформление это сейчас имеет свой особый смысл, — подчеркнул Ковалев слова Митенко. Он хотел сказать еще что-то, но тут дверь в кабинет отворилась и снова захлопнулась. Послышались голоса спорящих людей. Ковалев и Митенко недоуменно переглянулись.

— Никак Гивэй буйствует, его голос! — сказал Петр Иванович, прислушиваясь к шуму за дверью.

— Пустите, я говорю... Я уже везде был, сейчас к секретарю райкома пойду. Фашисты опять наступают!.. Почему такое, не понимаете, а? Мне надо!

Ковалев встал. В кабинет ввалился возбужденный, с растрепанной челкой, со скомканым малахаем в руке Гивэй. Остановившись посреди кабинета, он передохнул и вдруг с ужасом почувствовал, что все слова, которые приготовил для секретаря, исчезли.

— Так, значит, на фронт? Воевать собрался? — весело спросил Ковалев.

— Ну, да, — подхватил Гивэй, радуясь, что его здесь сразу поняли.

Несколько минут он доказывал, что ему необходимо стать летчиком, заменить брата на фронте. Сергей Яковлевич, погасив улыбку, внимательно слушал юношу.

— Сядь, Гивэй. Сейчас мы закончим разговор с Петром Ивановичем и побеседуем по твоему делу. Думаю, что мы с тобой вполне договоримся, — мягко предложил он, выбрав момент, когда юноша немного остыл.

— Конечно, договоримся, — обрадовался Гивэй. — Чудак я, но пошел к вам сразу. Давно учился бы в школе летчиков!

4

Шельбицкий пришел домой, набросил на двери крючок и, с раздражением пнув ногой сбившуюся у кровати шкуру белого медведя, тяжело опустился на стул.

«Сердце холодное, как чугунная гири!» — Да! холодное, как чугунная гири!» — Губы бухгалтера желчно искривились. Хрустнув болезненно бледными пальцами, он встал, принялся ходить по своей маленькой запущенной комнате.

— Да! «Холодное, как чугунная гири!» — уже вслух сказал он. — Ну, что ж! Этак-то спокойнее, а от огня пожар случается... Меня не воспламенишь, нет! А вот заморозит кровь в жилах я кое-кому все же постараюсь.

Шельбицкому ясно представились глаза Ковалева, в которых светилась беспощадная насмешливость.

— Ух вы! Как я вас ненавижу... Всюду-то вы суетесь с вашими горячими сердцами... Кого согреть, а кого и обжечь моровите... А мне не надо вашего тепла, не надо!

Засунув руки в карманы, Шельбицкий подошел к окну. Густой низкий туман завлаживал бухту, забитую льдами. Вершины сопки, покрытые снегом, четко вырисовывались на ясном горизонте. Шельбицкому вспомнилось, как он долго смотрел на эти холодные вершины сопки, когда три года назад впервые попал на Чукотку. Удивительная тишина, безмятежное спокойствие чукотских просторов, чувство, как будто он вдруг совершил прыжок в дальнее прошлое, когда и людей-то на земле не было, наполнило его душу еще совершенно неизведанной радостью.

— Один! Только я один! Боже ты мой... Только я, и больше никого! — шептал он, глотая слезы. — И это после того, когда тебя толкали, тормозили, когда тебя тянули за собой эти общественники, эти государственники! О, сколько крови они мне испортили! И даже она... она, эта тихоня, которую я назвал женой...

Мысль о жене снова уколола сердце Шельбицкого. Долго он не решался жениться, выбирал себе такую подругу жизни, чтобы была тихая, скромная, без всяких этих стремлений к собраниям, самостоятельным спектаклям, бережливую и покорную. И как будто ему удалось найти такую. Но, увы! Разочарование пришло очень скоро. Вдруг этой тихой и как будто очень покорной женщине захотелось дружбы, или, как она называла, живого общения с соседями, с теми соседями, которых Шельбицкий не мог терпеть, как и они его.

С каждым днем Шельбицкий открывал все новые и новые недостатки в своей жене. Претензии сыпались одна за другой. То, видите ли, плохо, что муж выдает ей на день определенную сумму денег и требует точного отчета, куда и как она их израсходовала; то вздумалось ей непременно иметь ребенка, о котором Шельбицкий не мог говорить без холодного пота; подумать только — детский плач по ночам, пеленки, присыпки; а однажды она без его ведома подписала за заем, как домохозяйка, на триста рублей, и это тогда, когда он, Шельбицкий, главный бухгалтер крупного торгового учреждения, подписался на двести пятьдесят!

Дальше вообще все пошло колесом. Через пять месяцев супружеской жизни они возненавидели друг друга. Обозвав Шельбицкого трухлявым обломком прошлого века, жена ушла от него навсегда, даже не надев пальто, хотя на улице было тогда довольно холодно. Шельбицкий облегченно вздохнул, спрятал пальто и другие вещи жены как можно дальше и сказал, что скорее отрубит себе руку, чем женится во второй раз.

На Чукотку Шельбицкого привела мечта о больших деньгах, а также и то, что здесь он думал найти настоящее уединение, тишину, спокойствие.

И вот он смотрит на величавые, седые головы сопки, прислушивается к полярному безмолвию и плачет, расстроганный, счастливый.

— Один! Только один! Мой единственный друг! — обращается он к себе. — Наконец-то, кажется, ты нашел рай на земле, на этой-вот земле вечной мерзлоты, среди белого безмолвия.

Но, увы! Понадобилось не так уж много времени, чтобы Шельбицкий убедился: не дадут и здесь ему жить так, как он хочет. Тишина, спокойствие — это только иллюзия. Его очень скоро оценили как хорошего специалиста, но никто не хотел простить ему скарденности, замкнутости, желчности, черствой бездушности.

Все было похоже на то, что происходило с ним и там, на Большой Земле, в городе. И сегодня, после разговора с секретарем райкома, Шельбицкий почувствовал это особенно остро. «Сердце холодное, как чугунная гиря!» И слова-то какие страшные выбрал, — думал бухгалтер, не отрывая взгляда от седых вершин сопок. — Что ж, он хотел, чтобы я простил Митенку? Нет! Я не из тех! Этому зловредному старику, видите ли, не понравилось, что я пару песцов хотел положить себе в чемодан. А у самого, поди, уже целая сотня самых первосортных припрятана. Не верю! Нет, нет! Не верю, что вы такие чистенькие! Честненькие! Не было, нет и не будет таких на свете!»

Резким движением задернув занавеску на окне, Шельбицкий снова принялся ходить по комнате. В это время негромко постучали в дверь.

— Кто там? — спросил Шельбицкий, недоуменно глядя на дверь. Посетители к нему являлись редко.

— Это я, Венедикт Петрович! Вы велели мне притти...

Узнав голос заведующего магазином, Шельбицкий отбросил крючок. На пороге показался невысокий человек, одетый в темносинюю робу, подбитую снизу оленьим мехом.

— Здравствуйте, Венедикт Петрович! — сказал мужчина.

— Здравствуй! — начальственным тоном ответил на приветствие Шельбицкий. — Принес то, что я тебя просил?

— Вот, извольте! — Заведующий магазином угодливо улыбнулся и принялся развертывать сверток, в котором оказалось драповое пальто. — Оформил так, как вы просили. По ордеру это пальто какой-то учитель из тундры должен был забрать.

Шельбицкий взял в руки пальто, подошел к окну, чуть отодвинул занавеску. Долго он осматривал верх, подкладку, воротник, пробовал, прочно ли пришиты луговицы.

Когда заведующий магазином ушел, бухгалтер спрятав пальто в один из своих объемистых чемоданов и впервые почему-то почувствовал, что ему неуютно и душно в его грязной комнате. «Попробовать в клуб сходить, что ли? — пришла неожиданная мысль. — Смешно. Шельбицкий и вдруг в клубе! Чего доброго, все забудут о сцене и на меня уставятся...»

Криво усмехаясь, Шельбицкий повязал засаленный черный галстук и отправился в клуб.

В клубе шел вечер самодеятельности. Едва открыв дверь, Шельбицкий увидел на сцене заведующего складами торговой базы Василия Лукьяновича Савельева. Шельбицкий как-то весь съезжился, словно его облили холодной водой, и прилип спиной к стенке. Савельев пел «Славное море, священный Байкал». Приятный, чуть надтреснутый бас его был сильным, душевным. Едва певец закончил песню, как раздался гром аплодисментов. Люди кричали «бис», яростно хлопали в ладоши. Савельев неуклюже кланялся, вытирая клетчатый платком смущенное, расплывшееся в благодушной улыбке полное лицо и лысину. Публика не желала отпускать со сцены одного из лучших исполнителей поселкового коллектива самодеятельности.

А Шельбицкий все плотнее прижимался спиной к стене, чувствуя себя так, словно кто-то взял его за горло и душит. «Нет, я его убью, я не могу больше... — думал

он о Савельеве. — Сколько это уже длится... год! Целый год! Я с ума сойду!»

Когда концерт кончился, люди стали выходить из клуба. Многие еще продолжали шумно восхищаться голосом Савельева. На Шельбицкого, стоявшего у стены, никто не обращал внимания. Вскоре он заметил Савельева, шедшего об руку с девушкой, руководительницей хора.

— Я так рада, Василий Лукьяныч, что раскопала вас, — с восторгом говорила девушка. — Ведь вы и на скрипке играете... Вы же просто самородок!

— А вы геолог, Женечка! Что же удивительного в том, что вы умеете раскапывать самородки? Хотите, я вам такого женишка откопаю! Все благодарны будете. Вот, например, — и Савельев вдруг указал пальцем на Шельбицкого, останавливаясь напротив него. Шельбицкий выбрал голову в плечи, а девушка звонко расхохоталась.

— Что-то робкий очень! — сказала она, сочувственно глядя на жалко улыбавшегося бухгалтера.

Вскоре Савельев и его спутница скрылись в толпе. Шельбицкий поднял воротник пальто, надвинул на лоб шапку и тоже направился к выходу.

5

Поселок Янрай стоял на пологом берегу моря. Большинство янрайцев жили в домах, но на окраинах по одну и по другую сторону поселка еще ютились яранги. Полдесятка домов выглядели совсем новыми. Выстроены они были недавно и теперь заселялись семьями лучших колхозников.

Янрайцы радовались, что скоро в их поселке не останется ни одной яранги. Но были среди них и такие, которые не соглашались покинуть свое старое жилище. Отец комсомольца Рультына, старик Анкоче, узнав, что сын собирается ломать ярангу и переселиться в дом, положил рядом с собой винчестер и мрачно сказал:

— Я родился в яранге, в ней и умру. Если при жизни моей станет ярангу ломать, — не успеете снять рэтэм¹, как я перекочую в долину предков.

Анкоче выразительно показал глазами на винчестер. Рультын был обескуражен. Раздосадованный, он пошел жаловаться председателю колхоза Айгинто.

Председатель торопился на охотничьи участки.

— А ты с ним не разговаривай. Ты же молодой, сильный. Возьми его на руки и перенеси! — запальчиво сказал он Рультыну.

— Не хочется со стариком ругаться. Отец же... — не очень уверенно возразил Рультын. — Слышал я, что к нам снова Гэмаль прибыть должен. Может, его подождать? Может, мой отец Гэмалья послушается.

— Что ты, как мальчик все равно, рассуждаешь! Думаешь, что у Гэмалья только и дела будет, чтобы с твоим стариком разговаривать! — вспыхнул председатель. Черная жесткая челка Айгинто падала на его жаркие, в узком и длинном разрезе, глаза. Он то и дело встряхивал головой, забрасывая челку вбок, направо. Тонкие ноздри его сухоощавого носа вздрагивали.

Выглядел Айгинто совсем еще юношей, тонким и гибким. Движения его были порывисты, беспокойны. Он вечно

¹ Рэтэм — покрывка яранги.

торопился и беспрестанно торопил других. Так и на этот раз он быстро натягивал на ноги торбаза, подгоняя старушку мать со сборами походной сумки.

— Беги скорее домой, бери Анкоче на руки и неси его в новый дом! — снова обратился он к Рудьтыну. — Поругается старик немного, а потом привыкнет.

Рудьтын смущенно переступил с ноги на ногу, почесав озадаченно свой густой черный ежик под малахаем и, немного подумав, пошел к учительнице Оле Солнцева.

Солнцева внимательно выслушала Рудьтына, отодвинув в сторону стопку ученических тетрадей.

— Ничего, Рудьтын, сейчас мы твоего отца уговорим. Вместе уговорим! — весело сказала она. Тонкое ее лицо с нежным подбородком, с чуть вздернутым, словно выточенным носиком, было решительным. Казалось, Олянисколько не сомневается, что упрямство Анкоче они непременно победят. По-детски лукавые, живые глаза девушки придавали ее лицу оттенок беспечности. Но где-то, в строгом ли рисунке маленького рта, в двух ли тонких морщинках на высоком лбу у переносья, или в манере щуриться, как бы на миг прицеливаясь, чувствовалось что-то настойчивое, по-взрослому серьезное.

— Пойдем в ярангу, попробуем с ним говорить! — Солнцева встала из-за стола.

Перед ярангой Оля остановилась. Сейчас, когда рядом стоял новый дом, древнее чукотское жилище выглядело особенно убого. Яранга имела шатрообразный вид, с чуть смещенной в сторону входа верхушкой. Хрупкий каркас ее из выгнутых жердей был обтянут остриженными оленьими шкурами. Дверью в ярангу служил откиннутый край покрышки. Внутри было темно и неуютно. На закопченных перекладинах висела одежда, оружие, рыба, куски мяса. Примерно третью часть шатра яранги занимал полог¹. Перед пологом на цепи, прикрепленной к верхушке яранги, висел медный чайник. Место для костра было огорожено небольшим кругом из камней. Сильно пахло дымом, дубленой кожей.

Когда Солнцева забралась в полог к Анкоче, старик прикрыл шкурой лежавший на его ногах винчестер, подозрительно посмотрел на учительницу. Сморщенное лицо его выражало спрадание, тревогу. Он часто кашлял, тяжело дышал.

— Трудно дышать тебе. Наверное, грудь болит? — участливо спросила Солнцева. Глаза Анкоче подобрели: ему нравились люди, которые с участием относились к его здоровью.

— Наверное, редко на улицу выходишь. А на улице воздух свежий, легче дышится.

— Да, ты правду говоришь, — неожиданно четким и довольно сильным голосом сказал Анкоче. — На улице легче дышится. Но вот трудно мне из полога выходить и назад возвращаться.

— А знаешь, можно очень хороший выход найти. Посмотрел бы ты на новый дом, который рядом с твоей ярангой стоит. Какие большие там окна. Свету много, воздуху много, дышится легко, почти как на свежем воздухе...

Лицо Анкоче вдруг стало сердитым, неприветливым.

— Можешь дальше не говорить, — мрачно заявил он. — Я думал, ты ко мне с добрым сердцем пришла,

о здоровье моем хотела справиться, а ты ко мне с лисьей хитростью явилась.

Солнцева тяжело вздохнула и задумалась.

— Грустно мне, старик, слышать такой упрёк, — наконец сказала она. — Меня в жизни никто хитрой лисой не называл.

— Никто лисой тебя не называл? — спросил Анкоче, принимая от сына трубку. — Как знать, может я ошибся. Может, про дом ты так сказала. Может, ты и не думала предлагать мне покинуть мою ярангу.

— Нет, Анкоче, как раз именно это я и хотела тебе предложить. — Солнцева посмотрела в глаза старику. — Так, значит, грудь у тебя болит?

— Болит, — согласился Анкоче.

— Почему же ты не хочешь в такое жилище переселиться, где воздуха много, свету много?

— У меня, русская девушка, не только грудь есть... У меня еще и сердце есть, а оно помнит, что я в этой яранге родился, вырос... и, видишь, до старости дожил.

Солнцева на миг смутилась, но тут же овладела собой и с мягкой улыбкой учтиво возразила:

— Ты прости меня, старик, что я, совсем молодая еще, спорю с тобой. Но я хочу сказать, что ты и сердце свое не жалеешь. В светлом доме веселее, радостнее станет твоему сердцу. Где свету много, чистого воздуха много, там всегда радостнее и легче сердцу. Там жить веселее.

— Да, да, ты правду говоришь, — неожиданно вмешался Рудьтын. — Когда у отца с сердцем плохо, мы его на улицу выводим, и ему легче становится.

Анкоче враждебно посмотрел на сына, медленно перевел взгляд на учительницу.

— Хорошо! Уж так и быть: старика вы переспорили. Ломайте мою ярангу. Но знай, девушка, я в дом жить не пойду, я к тебе в школу жить пойду. Ведь это будет лучше, чем дом моего сына! — Анкоче сделал паузу, бесцеремонно разглядывая лицо Солнцевой, чтобы проверить, какое впечатление произвели его слова. — Да, да, я к тебе жить пойду. Уж, конечно, у тебя в жилище много воздуха, свету много. Я думаю, ты не откажешься? Ты же очень за грудь мою беспокошься. — Анкоче выпрямился, повысил голос. — Только знай, девушка, плохо тебе жить со мной придется. Сердитым я стал под старость. Буду ругать тебя, если чаю мне не дашь во-время, если трубку мою раскурить опоздаешь. Ну как, нравятся тебе слова мои?

— Хорошо, старик, собирайся, — сказала Солнцева, не сразу справившись со смущением.

Глаза у Анкоче зло сузились. Минуту он молчал, пораженный словами девушки, и вдруг вышел из себя.

— Давайте мне мой торбаза, давайте мою кухлянку! — почти в бешенстве закричал он. — Я нашел себе дочь. Она очень любит меня, она день и ночь за мною смотреть будет, я пойду к ней жить!

Рудьтын вопросительно посмотрел на учительницу.

— Одевайте его, — спокойно сказала Оля. — «С характером старик! Ну, ничего, — подумала она, — поучаюсь неделю-другую, а там он помирится с сыном и уйдет жить в свой дом...»

В тот же день Анкоче переселился в комнату учительницы, а Рудьтын вместе с женой, не теряя ни минуты, сломали ярангу, перешли в дом.

¹ Полог — спальное помещение из оленьих шкур.

Анкоче потребовал, чтобы угол, занятый им в комнате Солнцева, оборудовали точно так же, как в пологе. Ему настелили теплых мягких шкур, повесили на стене у постели кухлянку, торбаза, малахай.

Солнцева, поговорив с учениками, выделила мальчика и девочку для шефства над стариком. Когда Анкоче потребовал, чтобы его обули, они вбежали в комнату.

— Сейчас, сейчас мы тебя обуем, — торопливо сказала девочка Мэмлей, снимая с гвоздя торбаза.

— А вы кто такие? — зловеще спросил Анкоче. Мэмлей в страхе попятилась назад. — Уходите сейчас же отсюда! — кричал старик. — У меня дочь есть, она очень любит меня! Ей мое сердце жалко, она не позволит, чтобы кто-нибудь другой меня обувал!

Солнцева улыбнулась, спокойно живнула ученикам, чтобы они вышли, и принялась сама обувать Анкоче. Старик пристально наблюдал за каждым движением учительницы. Правую ногу Оля обула спокойно, но не успела дотронуться до левой, как старик быстро ее отдернул, скривившись от боли.

— Ну, как же это ты так, дочка? — сказал он, не скрывая усмешки. — Плохо, значит, меня любишь, раз не видишь на ноге у меня раны. Я недавно ножом ногу порезал, табак крошил. Может, ты половчее ногу эту обуешь, может, ты даже полечишь мне эту ногу?

— Давай, попробую. — Оля внимательно осмотрела рану, достала из походной аптечки мазь, бинты. Прохладная мазь освежающе подействовала на рану. Лицо Анкоче заметно подобрело.

— Ладно, девушка, я доволен заботой твоей. Иди, у тебя своих дел много, — уже с ноткой добродушия сказал старик.

Оля поспешила к Рультыну, чтобы помочь ему переселиться в новый дом.

— Спасибо тебе, комсорг! — крикнул Рультын еще издали, нагруженный домашним скарбом. — Потом мы его как-нибудь из твоей комнаты сюда, в дом, перетащим.

— Ничего, ничего, Рультын. Он меня не на шутку в свои дочери записал. Теперь я тебе сестрой стала, — засмеялась девушка.

Когда Солнцева пришла домой, Анкоче спал. Проснулся он только на следующее утро. Молча съел поданное Олей вареное оленьё мясо, напился чаю. Позавтракав, старик обхватил колени руками, погрузился в раздумье. Солнцева ушла в класс. Анкоче с любопытством начал изучать обстановку комнаты. Прямо перед ним, на стене, висело большое зеркало. Увидев свой желтый, лысый череп, старик дотронулся до него руками. «Ну, прямо, второй Анкоче сидит там, — подумал он. — Да, стар я стал. Нехорошо, что у старых людей лицо такое некрасивое становится. Вот придумали бы что-нибудь русские, чтобы старый снова мог молодым стать. Они же большие выдумщики. — Анкоче перевел взгляд на самовар, стоявший на тумбочке под зеркалом. — Вон какую штуку придумали. Интересная вещь — и печка и чайник, все сразу».

Прошли еще сутки. Анкоче чувствовал себя спокойно. До слуха его доносились из класса голоса ребят, учительницы. Постепенно он стал привыкать к отдельным голосам, понимать, чем живут, чем интересуются школьники. Однажды по их испуганным взглядам он понял, что кто-то из ребят разбил лампу. Все ждали, что будет дальше. Сразу наступила тишина.

— Ольга Николаевна! Я лампу разбил, — наконец послышался чей-то виноватый голос.

— За то, что ты сам сознался, я перед всеми ребятами скажу: ты честный мальчик, и за честность тебя похвалить надо.

«Ишь ты, — улыбнулся Анкоче, — за честность мальчика хвалит... Хорошо».

Наставив ухо в сторону двери, Анкоче слушал, как Солнцева объясняла, что с лампой нужно обращаться осторожно, иначе можно вызвать пожар, сжечь школу.

Случай этот заставил старика задуматься.

Ну, что ж, он, Анкоче, знал: должно было получиться именно так. Она же учительница! А что это значит, Анкоче было известно. Неважно, что сам он последние годы больше в яранге сидел, редко на улицу показывался. Нет, жизнь не проходит мимо Анкоче, как проходит лед мимо скалистого берега. Он знает, очень хорошо знает все, что на его земле происходит. Разве не знает он, что навсегда из поселка голод ушел? Разве его заклятый враг, бывший богатч Эчилин, не работает теперь наравне с другими? Уже давно потерял власть свою Эчилин над жителями поселка. Как воле подбитый, поджал свой хвост Эчилин, собакой ласковой хочет казаться.

А разве не думал Анкоче, почему все это произошло? Не потому, конечно, что какой-нибудь особенный ветер подул, особенный дождь прошел. Люди с Большой Земли, хорошие люди, жизнь переделали!

И разве он, Анкоче, не знает, что это за люди, не он разве встречал таких людей, как Ковалев? И не они ли с ним разговаривали и даже порой совета доброго спрашивали, потому что видели, что у него голова седая, а на лбу сетка морщин мудрости?.. Знает Анкоче и таких людей, как Гэмаль, которые по тропе Ковалева пошли. Это они вместе с русскими, следуя за ними, жизнь переделывают...

Размышления старика прервала девочка Мэмлей, она сообщила ему, что в поселок вернулся Гэмаль.

— Вернулся? — оживился Анкоче, пытаясь встать на ноги. — Скажи, что я хочу видеть его, я буду ждать его.

Гэмаль скоро пришел. Подавшись всем корпусом навстречу гостю, Анкоче пристально всматривался в него: не слишком ли гордым стал, не смотрит ли теперь на людей, как гусь сытый на букашку смотрит? Гэмаль догадался, о чем думает Анкоче. Широко улыбувшись, он подсел к старикау на корточках.

— Однако сильно-сильно важным начальником стал ты, Анкоче: своих сородичей не узнаешь. Не рад возвращению моему, так говорю, что ли?

— Рад, сильно рад, — поспешил заверить Анкоче. — Как сыну, рад!

— Рад и я, старик, тебя видеть, — сказал Гэмаль и извлек из кармана новенькую курительную трубку. — На вот, возьми, подарок тебе привез.

Анкоче бережно взял трубку, продул ее, набил табаком.

— Ну, что ж ты молчишь? Почему не ругаешь меня, что я к учительнице переселился, мешаю ей? — спросил он, не глядя на Гэмаль.

— Да вот думаю, с чего начать, как спросить, чтобы не обидеть тебя, — ответил Гэмаль, принимая от Анкоче

раскуренную трубку. — Как же это ты на такое решился, а?

Анкоче почесал мизинцем лысину, досадливо поморщился.

— Да я уже и сам об этом думал. С сыном вот поругался. Совсем старый стал, из ума выживаю.

— Слышал я, что учительница у вас очень хорошая. Правду ли говорят люди? — спросил Гэмаль, глядя на Анкоче в упор.

— Правду, правду говорят люди, — заторопился Анкоче. — Разве не знаешь ты ее? Ну да, конечно не знаешь. Без тебя она к нам в поселок прибыла... Подай-ка мне мой торбаза, собираться буду, к сыну отвезешь меня.

Гэмаль скрыл улыбку и с серьезным видом, как будто ничего особенного не произошло, стал помогать Анкоче надевать торбаза.

Когда Анкоче и Гэмаль вышли из школы, навстречу им попались Рутьгин и Солнцева.

Анкоче смущенно улыбнулся учительнице и сказал:

— Пойду попробую с сыном пожить. Может, не выгонит. А мальчишка, который лампу разбил, ты правильно похвалила за честность. Детей честности надо учить. Настоящим человеком может быть тот, у кого честное сердце. Ну, веди меня в свое новое жилище, — с напускной ворчливостью обратился Анкоче к сыну. — Но только знай, что часть палок из яранги я сегодня же заставлю тебя прибить к крыше дома. Как ни говори, они видели, как я на свет родился.

Когда Анкоче и Рутьгин ушли, Оля рассмеялась звонко, весело.

— Вот какой он у нас, старик Анкоче!

— Какой? — не без умысла поинтересовался Гэмаль. В глазах его отразилось что-то нетерпеливое, испытующее, почти беспокойное.

— Да такой, как бы вам сказать... — Оля запнулась, не находя подходящего выражения. — В общем, очень хороший, по-настоящему хороший. Вы же слышали, что он на прощанье мне заявил: «Настоящий человек тот, у кого честное сердце...»

Гэмаль сдержанно вздохнул и признался:

— Вот и я сейчас сердце увидел... ваше!

Оля удивленно вскинула брови.

— Не удивляйтесь, — засмеялся Гэмаль. — Не удивляйтесь. Вижу я, будем друзьями!..

6

Распровавшись с Солнцевой, Гэмаль подошел к морскому берегу, уселся на огромную кость китовой челюсти. С моря дул резкий ветер. Тяжелые валы прибоя один за другим катились на берег. На черной линии горизонта, там, где кипящее море сходилась с небом, покрытым снеговыми тучами, виднелась сплошная гряда льдов. Отдельные льдины подходили к берегу. Одна из них напоминала огромную, высунутую из воды руку, зывающую о помощи. Порой то там, то здесь показывалась на гребне волны круглая, как шар, голова нерпы. Высоко в небе тревожно кричали гуси. Огромная стая морских уток, почти касаясь волн, пролетела у самого берега. Начинаясь осенний отлет птиц.

Гэмаль прислушивался к привычным звукам непогожего северного дня. Мелкие росинки перегоняемого ветром тумана покрыли густым бисером его лицо, одежду.

Парторг понимал одно: назначение его в янрайский колхоз потеряет смысл, если здесь в скором будущем не произойдут ощутимые изменения к лучшему.

«Надо начинать сразу, — думал он. — Надо все осмотреть, всех послушать, все понять, а потом найти самое главное, за что браться... С Айгинто я сумею идти рядом. Правда, вроде-необъезженный он. Из стороны в сторону бросается, сам за всех все сделать хочет, много кричит бестолку. Кажется, у него даже прозвище нехорошее появилось: «Рваная глотка». Нужно, чтобы забыли люди прозвище это. Ругаться, конечно, мне с ним придется, но надо так сделать, чтобы люди прежде всего оценили нашу дружбу».

Время шло, а Гэмаль все сидел один на том же месте. У него было такое ощущение, словно он находится в самом начале большой, трудной дороги, которую нужно пройти как можно быстрее. Вот он сейчас докурит трубку, встанет и пойдет. И тогда уже нельзя будет останавливаться ни на минуту...

«Ничего, у меня здесь немало помощников будет, — подумал Гэмаль, и ему ясно представилось светлое, веселое лицо учительницы. — Когда такая домой на Большую Землю придет, то многое о Чукотке расскажет, — думал Гэмаль, набивая трубку. — И, конечно же, не услышат от нее люди о том, какого темного старика чукчу она видела, какого дикого чукчу видела, как он со шкурами, с торбазами своими к ней в комнату забрался. Нет, она не об этом рассказывать станет. Она расскажет людям, как Анкоче честность любил, каким, по его словам, сердце человека должно быть».

Гэмаль встал, вздохнул всей грудью и зашагал широко, размашисто к дому председателя колхоза.

— Ну, теперь я пошел по тропе своей, — вслух сказал он. — Теперь пошел, нельзя останавливаться...

Председателя Гэмаль застал за работой над какими-то бумагами. До этого они уже виделись, и теперь Айгинто, торопясь что-то дописать, только улыбнулся гостю, жестом пригласил сесть у стола. Сломав перо, Айгинто бросил ручку на стол, выругался.

— Не отвлек ругаться? — спросил парторг, осматривая просторный дом председателя. В доме было чисто, уютно. Рядом с тумбочкой, над которой висело большое зеркало, на небольшом столике стоял патефон; у опрятной кровати разостлана огромная шкура белого медведя; на окнах замысловато вышитые шторы.

— И все, как прежде, торонишься? — добавил Гэмаль.

Айгинто взмахом головы откинул со лба непослушную челку и спросил в свою очередь:

— Гивэя, брата моего, видел в Кэрвукэ? Смотри-ка, в район захотелось! Мальчишка!

— Видел. Скоро домой вернется.

— Ай и побью же я его! Как собаку побью и за волосы на шриманку песцам в тундру выволоку! — Айгинто пристукнул кулаком по бумагам. — Ну и брат же у меня, совсем как у нерпы глухой голова его. Зато вот Тэргын... Крылатый человек! Письмо из госпиталя получили, плохо ему...

Оба долго молчали.

— Вот сижу и списки на каждую бригаду составляю, — наконец сказал Айгинто, — думаю, как людей по-другому в бригадах переставить.

— А ну-ка, дай списки, — попросил Гэмаль.

Айгинто протянул ему несколько листов бумаги.

— Неправильно ты бригады составляешь, — заметил парторг, просмотрев списки — вот, например, ты же знаешь: Илай и Пытто недружно между собой живут. Нельзя же их в одну бригаду.

— Илай ни с кем дружно не живет. Однако скоро побью его, не выдержу, — мрачно заявил Айгинто.

— Бить Илая не надо, — спокойно возразил Гэмаль. — А вот давай пойдем по домам и ярангам, посоветуемся с охотниками, их желание спросим, потом подумаем вместе, как бригады составить.

— Хорошо, пойдем, — повеселев, согласился Айгинто.

Они побывали в каждом доме. Гэмалья, работавшего здесь не так давно председателем январского сельсовета, встречали весело, приветливо. Было видно, что январцы рады его возвращению.

— Умывальников нет, стекол для больших ламп нет, стульев нет, — скороговоркой тараторила бойкая на язык жена охотника Туркина.

— Стекло нам надо такое, которое каждому человеку лицо его показывает, — сказал старик Анкоче, принимая гостей в своем новом жилье. — Правда, у нас уже есть такое стекло, — старик показал на зеркальце, стоявшее на столе, — но оно маленькое.

— Надо записать нам с тобой, Айгинто, — обратился к председателю колхоза Гэмаль. — Все записать, что люди просят, потом в райторге потребуем.

Не доходя до яранги Пытто, они услышали ругань.

— Да ни за что я тебе не прощу, полоумная женщина! — кричал тоненьким голосом Пытто.

— Сам ты полоумный! — закричала в ответ Пэпэв.

Когда Гэмаль и Айгинто вошли в ярангу, они с удивлением увидели, что возле костра лежит большая куча исколотого дерева. Пытто и Пэпэв умолкли.

— Что-то вы очень громко разговаривали, на весь поселок слышно, — сказал Гэмаль, осматривая ярангу.

— А это что такое? Кто доски такие хорошие испортил? — Айгинто с возмущением окинул взглядом хозяев яранги.

Пытто тяжело вздохнул, открыл было рот, но, боясь накричать на жену при посторонних, промолчал. Ему вспомнилось, как он тащил эти доски на себе от разбитого кунгуса, выброшенного морем километрах в двадцати от поселка, как строгал их, сколачивая стол, табуретки. Вспомнилось, как ему весело было возвращаться домой с охотничьего участка с мечтой о настоящем доме. И вот приходит он домой и видит вместо стола и табуреток большую грудку чурок и щепок. Жена с топором в руках полутрусом, полуторжествующе глянула на него и сказала:

— Видишь, сколько у нас теперь топлива для костра!

Пытто задохнулся от гнева, выхватил из рук жены топор, выбежал на улицу и забросил его далеко в сторону. Началась семейная перепалка, приход Гэмалья и Айгинто остановил ее.

— Так это, значит, ты наделала? — Айгинто круто повернулся к Пэпэв. Во всей его тонкой, гибкой фигуре

появилось что-то хищное, устрашающее, в жарких глазах — пламя ярости. Пэпэв поспешно приблизилась к мужу, хотя тот был не менее зол, чем Айгинто. Гэмаль незаметно дернул председателя за рукав гимнастерки.

— Чего ты дергаешь? Ты посмотри, хорошо посмотри, что она наделала! — Айгинто схватил кусок от крышки стола. — Да я же всех январцев заставил смотреть, какой стол, какие табуретки сделал Пытто, чтобы у него учились, а не ждали, когда гуся им на крыльях принесут.

— Да. Это верно, Пэпэв совсем плохо сделала, — спокойно согласился Гэмаль. — Она и сама теперь об этом думает.

— Ничего она не думает! — не выдержал Пытто. Круглое курносое лицо его покраснело. — Разве есть у нее, чем думать?..

— А мы вот заставим ее подумать, — запальчиво угрозил Айгинто. — На правлении... слышишь, на правлении завтра тебя ругать будем! Косы тебе обрежем, чтобы голова твоя хоть немного на мужскую стала похожа, может быть, чуть умнее станет.

Пэпэв испуганно скомкала свои длинные косы, прижала к груди. Тень тревоги промелькнула и на лице Пытто.

— Зачем косы отрезать?.. Я не хочу, чтобы жена моя посмешищем стала...

Гэмаль укоризненно посмотрел на Айгинто. Пэпэв уловила его взгляд. Чувствуя поддержку, она с вызовом перебросила косы за спину, резко наклонилась в сторону председателя и зачастила:

— Чего ты с громкими словами в мой очаг пришел, а? Тут тебе не правление колхоза. Там кричи. Там рви свою глотку. Не пойду я в дом жить! Или ты хочешь, чтобы и я, как Анкоче, в комнату учительницы жить ушла? Или, быть может, хочешь, чтобы к тебе в дом пошла?.. Нет, не пойду. У меня муж есть...

— Ну, теперь закрывайте уши, оглохнем, — посоветовал Пытто и сам крепко зажал уши руками.

Чувствуя, что в споре с Пэпэв очутился в смешном положении, Айгинто сердито откашлялся, пытаясь придумать, как бы ему закончить спор, не потеряв при этом собственного достоинства. Но тут заговорил Гэмаль.

— Новость тебе сказать хочу, — обратился он к Пэпэв с таким видом, словно продолжал миролюбивую, задушевную беседу.

Женщина невольно умолкла на полуслове и даже попыталась улыбнуться, как это полагается приветливой хозяйке. В глазах ее появилось острое любопытство.

— Новость такая: старик Анкоче уже не живет у учительницы, в дом к сыну жить перешел, — продолжал в том же тоне Гэмаль.

— Перешел в дом... к сыну? — изумилась Пэпэв.

— Да. Вот сейчас только мы с Айгинто были у него. Старик просил, чтобы мы помогли купить ему зеркало... знаешь, такое большое, светлое, как у учительницы.

— Зеркало? — живо переспросила Пэпэв и тут же с почти детской непосредственностью мечтательно добавила: — Зеркало... большое, светлое... Вот бы мне такое!..

Гэмаль незаметно подмигнул Айгинто.

— Куда же ты ставить его будешь, полоумная женщина? — ехидно спросил Пытто. — В дом-то переходить не хочешь, а в пологе, кроме твоего ночного горшка, ничего не помещается.

— Подожди, подожди, Пытто, — Гэмаль поднял руку. — Попросить тебя хочу, давай оставим жену твою одну, пусть подумает над новостью, которую сообщил я ей. Она же знает: Анкоче мудрый, очень мудрый старик и вот, однакоже, в дом к сыну жить перешел... Тут есть над чем подумать. Так, что ли, говорю?

— Большое зеркало... Уже давно мне его сильно хочется, — с прежней мечтательностью произнесла Пэпэв и вдруг машинально поправила косы, как бы всматриваясь мысленно в то самое зеркало, которое ей так хотелось иметь.

Когда вышли на улицу, Гэмаль остановил Айгинто и тихо спросил:

— Ну, теперь, кажется, ты и сам понял, что на сварливую женщину был похож?

Тонкие ноздри Айгинто вздрогнули, губы поджалась.

— Ну почему, почему они такие, эти люди, а?! Их руками, зубами тащишь... К свету, к воздуху чистому тащишь, а они, как олень заркаченный, упряются!

— Зачем тащить, а? Звать надо, сердцем звать, чтобы верили, чтобы сами шли, вот как звать надо, — изменив своей привычной сдержанности, также горячо заговорил Гэмаль. — Когда кого-нибудь тащат, он все равно упрямься будет, бояться будет, не поверит, что его к свету, к чистому воздуху, как говоришь ты, тащат...

Айгинто молчал, глядя себе под ноги.

— Совет тебе дать хочу, — снова обратился к нему Гэмаль. — Позови к себе Пэпэв вместе с мужем и отдай ей свое большое зеркало... Потом новое купишь.

Айгинто с изумлением вскинул голову.

— Подожди, до конца выслушай, — попросил его Гэмаль. — Ты видел, какие у нее глаза были, когда она о большом зеркале говорила?

— Злые глаза, как у всех женщин сварливых, — буркнул Айгинто.

— Зачем так говоришь! — возразил Гэмаль. — Смотреть надо, думать надо. Если она возьмет твоё зеркало, то многое, может быть, в нем увидит...

— Да, и стол и табуретки, которые поломала, увидит, — с иронией заметил Айгинто. — Нет, завтра же я ее на правление позову. Три дня после этого, как лисица, красной от стыда ходить будет. От зеркала, как от медведя, бежать захочет, чтобы лицо свое не увидеть...

Гэмаль вздохнул и промолчал, думая, что, прежде чем начать серьезный разговор с Айгинто об его ошибках, следует подумать, с какой стороны к нему лучше всего подойти.

Первым нарушил молчание Айгинто.

— А вот и конец поселка. Смотри, яранга Иляя. Я туда не пойду. Его тоже хочу на правление вызвать, пусть и он красной лисицей ходит...

Гэмаль почувствовал, как у него заколотилось сердце. Он уже давно поглядывал на эту ярангу, изо всех сил стремясь заглушить волнение.

— А Иляя в дом переселить не думаешь? — спросил он, помедлив, хотя прекрасно знал, что получит отрицательный ответ.

— Иляя... в дом? — изумился Айгинто. — Не-ет! Тут пока настоящим охотникам домов нехватает, а о таком ленте, как Иляя, и говорить нечего.

— Ну что же, иди домой, я сам в ярангу Иляя схожу, — после некоторого колебания сказал Гэмаль. — Потом я зайду. О бригадах нам теперь легко договориться.

В тяжелом раздумье, заложив руки за спину, Гэмаль остановился напротив яранги Иляя. Ему казалось чудом, что это убогое жилище до сих пор не опрокинута и не разбросано ветром по тундре. «Лень он, однако, всосал в себя вместе с молоком матери», — подумал Гэмаль об Иляе.

Жалкий вид яранги раздосадовал ларторта. Он повернулся лицом к морю, навстречу резкому северному ветру, и долго стоял так, думая о том, что тропа его жизни опять скрестилась с тропой Иляя, с мужем женщины, которую Гэмаль любил уже давно.

Тэюне сидела у полога, выкраивая из лагачьей шкуры подошвы для торбазов. Увидев у входа в ярангу Гэмалья, она поспешно отодвинула от себя шкуру, сунула куда-то в сторону лежавшую посреди яранги кастрюлю, собрала разбросанный на полу хворост.

Перебросив с груди на спину тяжелые черные косы, Тэюне вытащила из-за полога белую шкуру, разостлала ее на полусломанной нарте, пригласила Гэмалья сесть. В миловидном лице ее, с быстрыми озорными глазами, с ярким маленьким ртом, было смешанное выражение смущения и радости.

— Значит, все же вернулся ты! — глухим от волнения голосом сказала она.

Губы Гэмалья чуть дрогнули. А в немигающих глазах его было столько теплоты, что Тэюне ничего, кроме них, не видела.

— Да, вернулся, — ответил Гэмаль и, помолчав, добавил: — Послали. Район послал, а так, может, и не вернулся бы.

Тэюне опять перебросила косы на грудь, нервно затеребила концы их тонкими пальцами.

— Это кто там в мою ярангу пришел?.. Гэмаль, кажется? — вдруг послышался из-за полога голос Иляя.

Тэюне вздрогнула. В глазах ее метнулся испуг.

— А ты все спишь, как прежде? — насмешливо спросил Гэмаль.

Чоыргын¹ поднялся кверху, и показалось заспанное лицо Иляя. Маленькие глаза его, похожие на залятые с острыми хвостиками, ревниво скользнули по Тэюне и остановились на Гэмале.

— Значит, вернулся к нам в поселок? — спросил Иляя, прикрывая полные плечи чоыргыном. Притворно зевнув, он как бы невзначай спросил: — Новость слышал такую, будто ты женился в Иллириэ?

Тэюне вопросительно вскинула тревожные глаза на Гэмалья. Иляя, глядя в лицо жены, растянул в недоброй улыбке свои толстые губы и ни с того ни с сего расхохотался.

— Ты что это? Смешной сон вспоминаешь, что ли? — с невозмутимым видом спросил Гэмаль.

— Не знаю, как ты, а Тэюне хорошо понимает, чему смеюсь я, — ответил Иляя, не спуская глаз с жены.

Тэюне вспыхнула.

— Ничего я не знаю!

— Скоро зима придет, а яранга у тебя совсем никуда не годится. Зимой в ней и одного дня нельзя будет прожить, — заметил Гэмаль.

¹ Чоыргын — передняя стена полога, служащая дверью и открывающаяся снизу вверх.

— Не ты в моей яранге жить будешь, — неприязненно ответил Ильяй.

— Я вот по всему поселку прошел. Все люди в домах живут или в хороших, теплых ярангах. А такой скверной, как у тебя, ни у кого нету.

— Ну и хорошо. Ни у кого нет такой яранги, а у меня есть!

Ильяй еще хотел что-то сказать, но жена его перебила:

— Завтра сама начну ярангу переделывать. Не могу я больше жить так. Люди в дома переходят, а мне из-за того, что муж лентяй, здесь жить приходится. Зимой, как щенки, замерзнем.

В голосе Тэюне прозвучало озлобление и отчаяние. Ильяй с недоумением посмотрел на жену.

— Ничего, Тэюне, Ильяй завтра сам за дело возьмется, — как можно спокойнее сказал Гэмаль.

Ильяй промолчал.

— Так вот, я в Янрай вернулся совсем. Парторгом буду у вас, — близко подошел к Ильяю Гэмаль. — Если надо помочь, приходи ко мне, помогу.

Ильяй промолчал и на этот раз. Тэюне сдержанно вздохнула и пристально посмотрела на Гэмалья. Безграничное уважение, нежность и давняя, устоявшаяся тоска отразились в ее глазах.

Гэмаль встал и вышел из яранги.

«Ну что ж, все очень хорошо. Итти надо... все время итти... Нельзя останавливаться», — размышлял он, пытаясь не думать о Тэюне.

Как только Гэмаль ушел, Ильяй снова закрыл полог, задумался.

«Уйдет теперь жена от меня, совсем уйдет. Имя Гэмалья она даже во сне называла...»

Взгляд Ильяя тоскливо блуждал по стенам полога. Заметив сумку Тэюне, набитую тетрадами и книгами, он взял ее, вытряхнул содержимое на шкуры.

Перелистав одну из тетрадей, аккуратно исписанную рукой жены, он невесело улыбнулся и подумал: «Как же это она научилась всему этому? Неужели женщина может быть умнее мужчины? Почему я никак не могу понять значков этих?»

Отложив тетрадь в сторону, Ильяй высунул голову из полога и приказал жене:

— Сегодня не ходи в школу! Торбаза лучше почини мне, завтра в море пойду.

— Вернусь с занятий — починю, — сухо ответила Тэюне.

— Мне скучно одному здесь будет.

Тэюне посмотрела на мужа долгим взглядом и неожиданно предложила:

— Пойдем со мной! Как ты не понимаешь, это так весело, так хорошо, когда учишься!

— Не пойду, надо мной все смеются, когда учительница спрашивает о чем-нибудь.

— Это оттого, что ты ничего не знаешь! — отрезала Тэюне.

— Верно, не знаю и знать не хочу! — рассердился Ильяй. — Что так смотришь на меня? Или и ты думаешь, что у меня башка совсем пустая?

На лице Ильяя было смешанное выражение обиды и досады.

Тэюне на миг стало жаль мужа.

— Нет, Ильяй, о другом думаю, — невесело сказала она. — Мне кажется, что если бы ты каждый день в ликбез ходил, то учился бы не хуже Пытто! Пойдем со мной... Ну, пойдем, я прошу тебя...

В голосе Тэюне прозвучала мольба, которая тронула Ильяя. «Какой голос у нее сегодня хороший! — заволновался он. — Странные эти женщины, как дети все равно!» Ни слова не говоря, Ильяй принялся разыскивать свои тетради.

На занятиях Солнцева поругала Ильяя за то, что он пропустил несколько уроков, раскрыла перед ним букварь и предложила:

— Читай вслух вот здесь.

Ильяй долго разбирал буквы, беззвучно шевелил губами. В лице его было такое напряжение, что Пытто не выдержал, засмеялся.

— Словно моржа один из воды вытаскивает, — сказал он.

Ильяй вскочил, швырнул в Пытто букварем и ушел домой.

Когда вернулась Тэюне, он накричал на нее и заявил, что больше никогда не пойдет на занятия и ее не пустит.

Тэюне молча починила мужу торбаза, приготовила все необходимое для выхода в море.

«Ну, что, что мне делать теперь? — мысленно обратилась она к Гэмально, который неотступно стоял у нее перед глазами. — Зачем ты снова в Янрай вернулся!..»

8

Правление колхоза собралось в доме председателя. Мать Айгинто поставила на стол опромный, красной меди чайник, и заседание началось.

Долго пили чай, молча вытирая обильный пот. Айгинто часто отставлял кружку в сторону, что-то быстро записывал в блокнот.

Когда выпили весь чайник, Айгинто встал, застегнул пуговицы на гимнастерке, хотя ему все еще было жарко от горячего чая, и сказал:

— Вот так, значит: с парторгом мы долго думали, что прежде всего надо делать нам, чтобы илирэйцев догнать, чтобы не быть последними в районе. Завтра состоится у нас общее колхозное собрание. Там нужно такое сказать, от чего янрайцам всю ночь не спалось бы, чтобы у них появились мысли особенные. Попробуем сейчас сами так думать. Давай, Пытто, начинай, — неожиданно заключил он.

Пытто вскинул красное, разопревшее от чая лицо, замигал узенькими быстрыми глазами:

— Что начинать?

— Думать вслух начинай.

Пытто смущенно улыбнулся, глаза его почти закрылись.

— Ну как тут особенно думать будешь? — наконец отозвался он. — Ну вот, значит, было лето, осень подошла, зима надвигается. Скоро капканы ставить, много ставить капканов. Фронту помогать надо. Потому что война! Фашистов бить надо!

— Мало. Об этом мы и раньше думали, — невесело вздохнул Айгинто.

— Сам тогда думай! — вдруг вспыхнул Пытто. Лицо его стало сердитым, обиженным. — Скорей давай думай, да смотри, чтобы голова не лопнула.

— Не лопнет моя голова, она, однако, покрепче твоя, — с достоинством ответил Айгинто и круто повернулся к Рультыну.

— А ну ты, бригадир комсомольской бригады, думай, как с комсомольцами своими разговаривать будешь?

Рультын встал, провел руками по густому черному ежику, перебрал в карманах многочисленные наконечники карандашей, вытащил толстый цветной карандаш, заложил его за ухо. Все улыбнулись, зная страсть Рультына к карандашам, замысловатым фучкам, блокнотам и нагрудным значкам.

— Зима надвигается! Охотиться надо! — громко, как на митинге, начал он, заглядывая в блокнот. — Нельзя, чтобы план не выполнить. Тяжелая война идет, фронту помогать надо. Спать нельзя, отдыхать нельзя, чай распивать долго нельзя. Работать, только работать!

— Хо! Так и умереть можно. Как же это не спать, чай не пить! — насмешливо заметил бригадир Тиркин.

— Так это не то же ли самое, что и я говорил! — зашевелился Пытто. — Только у Рультына голос погромче!

— Подожди ты, — отмахнулся от него Рультын. — Дай подумать немножко. — А то вот тут как будто все понятно, а вот здесь еще нет. — Рультын выразительно постукивал себя сначала по груди, потом по голове.

Отодвинув в сторону кружку с недопитым чаем, Гэмаль внимательно прислушивался к словам членов правления, которых он мысленно уже представлял себе партийной группой янрайского колхоза. В глазах его была строгая озабоченность, пытливые любопытство. «Хорошо сказал Рультын, — отметил он про себя, — в сердце как будто все понятно, а в голове еще не все. Очень верно сказал, умный парень». Порой Гэмаль чувствовал на себе взгляды своих товарищей, он понимал, что они к его выступлению отнесутся с особой взыскательностью: парторг, посланный райкомом в помощь!

Жадно, с непотухающим чувством какой-то особенной ответственности вникал Гэмаль в эти дни в дела колхоза. И сразу же вышло то, чего он так боялся: фолхозники, минуя своего председателя Айгинто, шли к нему, требуя советов, указаний и даже распоряжений. Гэмаль всегда в подобных случаях с подчеркнутым уважением обращался к председателю и с таким подкупающим чистосердечием советовался с ним, не пропуская без внимания ни одного его слова, что колхозники невольно говорили: а, однакоже, это правда, что он очень ценит нашего председателя.

Айгинто сначала хмурился, но вскоре разобрался и перестал сердиться на парторга. Сейчас, на заседании, он ловил себя на том, что старался невольно копировать Гэмаль, и боялся, что это слишком для всех заметно.

— Ну что ж, теперь нашего парторга послушаем. Основное дело его и есть языком работать! — с напускной грубостью пошутил он: смотрите, мол, не подумайте, что я, как мальчик, на него с открытым ртом смотрю, забыв даже нос вытереть.

Гэмаль улыбнулся шутке председателя, обнажая ослепительно белые крепкие зубы. Наступила тишина.

— Вот только что Рультын хорошие слова сказал, очень хорошие, — тихо начал он, ласково глядя на вспых-

нувшего юношу. — Сердцем мы все хорошо понимаем: надо фашистов бить; надо еще сильнее их бить! А вот как этого добиться? Тут уж головой хорошенько надо подумать, чтобы потом руками делать. Вот так и выходит, что сердце, голова и руки человека — как родные братья. Если дружны эти братья, то и сила большая! Ого! Какая еще сила!

— Это и вправду, как три родных брата! — выкрикнул Пытто.

— Потерпи! — строго кинул ему Айгинто.

— Сердце — это всегда вместительнее больших желаний, — уже громко продолжал Гэмаль. — Но пожелать — это одно, а вот сделать, как желашь, — совсем другое. Кто из нас, охотников, выезжая в море, не думает о богатой добыче! И все знают, что много шерп, моржей на ледяных полях в море. А вот к какому полю путь направить — не знают. В одно место бросятся, в другое место бросятся, в третье, четвертое, а к вечеру домой с пустыми байдарками возвращаются. А почему так получилось, что с пустыми байдарками вернулись?

— Потому что плохие охотники! — не задумываясь, выпалил Рультын. — Море плохо видят, не знают, какие льды зверь любит!

— Вот, вот! Опять Рультын очень хорошо сказал! — живо подхватил Гэмаль. — Сердце сильно желало большую добычу, руки на веслах до мозолей работали, а вот голова... голова плохо работала.

— Да, третий-то брат бестолковым оказался, — сокрушенно вздохнул Пытто.

Все засмеялись.

— Верно, не умеют эти охотники как следует видеть, — повторил слова Рультына парторг. — А вот те, у которых зоркие глаза и умная голова, которые заранее все осмотрят и заранее разведчиков пошлют, те не виляют туда-сюда, а прямо идут, быстро, уверенно идут к богатой добыче, к большому моржовым лежбищам, потому что правильный путь нашли. Подумаем же сейчас все, как лучше нам поступить.

— Надо точно знать, где ледяное поле с моржовым лежбищем, чтобы не вилять туда-сюда, а прямо идти! — не выдержал Айгинто.

— Вот, вот, знать, видеть надо. А что же нам видеть надо? Где та тропа, которая приведет нас прямо к удаче? — спросил Гэмаль и тут же ответил: — Выполнение, а еще лучше перевыполнение плана по добыче пушнины — вот что должны мы видеть.

— Правильно, Гэмаль, это самое главное! — вдруг загорелся Тиркин. — Если мы не меньше, чем илриэйцы, песцов, лисиц поймем, тогда и во всем остальном не уступим. Кому захочется отставать от илриэйцев после того, как догоним их в самом главном — в охотничьем уменье, в славе охотничьей?

— Об этом ты и скажи на собрании! — вскочил со своего места Пытто.

— Теперь я вижу, что мы уже так себя чувствуем, как должны себя чувствовать все колхозники после общего собрания, — улыбнулся Гэмаль. И вдруг, став серьезным, добавил: — Вот мы с вами историю партии учим. Слова Ленина читаем. А Ленин говорит, что в каждом деле надо главное найти, за него ухватиться. Допустим, нам надо в штормовую погоду вельбот на берег вытащить. Как его вытешить? Если за корму хвататься —

волной тебя с ног спишет, вельботом раздавит; если за борт хвататься станешь — перевернется, вельбот и тебя покалечит. А вот если за выброску схватить, если носом вельбот через волны к берегу повести, значит наверняка вытащишь. — Гэмаль сделал энергичный, выразительный жест руками, крепко смыкая кулаки, как бы показывая, каким образом следует ухватиться за выброску. Члены правления колхоза залюбовались парторгом: большая сила, уверенность, упорство чувствовались во всей его ладной фигуре.

Свое выступление парторг закончил просто и ясно:

— Перевыполнить пушной план, чтобы поймать песцов не меньше, чем илирнэйцы, — вот эта выброска. Если ухватимся за нее — весь колхоз на первое место вытащим!

— Постой, постой! — снова вскочил на ноги Пытто. — Значит, как это получается? — Глубокомысленно наморщив лоб, Пытто старался до конца понять то, что сказал парторг. — Ну да, ясно: надо знать, за что ухватиться! В любом деле знать это надо. — Немного помолчав, он пошевелил губами, мысленно повторяя только что услышанные от Гэмалья слова. — Ай, здорово! — вдруг хлопнул он об пол своим малахаем. — Почему здесь нет охотников?! Пусть сюда идут! Послушай, Гэмаль, почему ты говоришь это не на собрании?..

Айгинто, Тиркин и Рультын громко рассмеялись, глядя на разволновавшегося Пытто. А Гэмаль рассматривал его пристально, с любопытством.

9

Собрание колхозников прошло очень оживленно. Большинство согласилось с тем, что с подкормкой песка медлить нельзя. Но были и такие, которые не соглашались с этим.

— Раню еще подкормку в тундру везти. Песцы все мясо съедят, на зиму ничего для приманок не останется, — сказал пожилой охотник Нотат, выходя из клуба после собрания.

— В море надо ехать, нерпу бить. А с подкормкой рано еще возиться. Тут бы для себя заготовить мяса, а песцы и мышами сыты будут, — поддержал охотника Эчилин.

— А почему же на собрании вы об этом не говорили? — крикнул кто-то в толпе. — Если так рассуждать будем, никогда илирнэйцев не догоним.

— А нам никогда их и не догнать, — услышался голос Илая. — Илирнэйцам всегда везет. Не уйдешь от судьбы, как не уйти песцу из капкана.

Гэмаль посмотрел в сторону Илая. «Судьба... капкан, — с раздражением подумал он. — Веками чукчи сидели в этом проклятом капкане. И вот капкан раскрылся, совсем раскрылся, а такие, как Илай, все еще ногу в нем держат...»

Чтобы не было заминки с развозкой подкормки, Айгинто после собрания решил еще раз поговорить с теми охотниками, на которых не очень надеялся. Прежде всего он явился к Илаю.

— Завтра поедешь с бригадой Рультына. Вставать надо чуть свет...

Илай, успевший уже к этому времени улечься в постель, широко зевнул, с наслаждением потянулся и равнодушно сказал:

— Ладно, если выплусь, встану чуть свет. Ну, а если сон хороший под утро приснится, встану попозже.

Айгинто смотрел на полные плечи Илая, на его короткие, мускулистые руки, перевязанные чуть выше локтей засаленными ремешками, на которых болтались на нитках из оленьих жил синие бусы, и старался не поддаваться закипавшей ярости.

— Нет, ты точно скажи: встанешь завтра, как все охотники, или придется будить тебя?

Илай снова потянулся, зевнул:

— Что ж, пожалуй, приди разбудить меня. А то, сам знаешь, какой по утрам крепкий сон бывает...

Этого председатель уже не мог вынести. Он вплотную приблизился к Илаю и, тяжело дыша, сказал сдавленным голосом:

— Если ты, рваный торбаз, завтра не встанешь раньше всех, — самого тебя на подкормку песцам выброшу!

Илай не выдержал взгляда жгучих глаз Айгинто, смущенно кашлянул, повернулся спиной. Председатель быстро вышел из яранги.

Поговорив еще с двумя охотниками, Айгинто направился в ярангу Эчилина, стоявшую на отшибе. Не только для разговора с Эчилином спешил в эту ярангу Айгинто. Ему не терпелось повидать Тимлю, падчерицу Эчилина, он сегодня еще ее не видел.

Внимательно выслушав председателя, Эчилин сказал неопределенно:

— Ну что ж, хорошие охотники никогда без дела сидеть не будут. Настоящие охотники завтра настоящими делами займутся...

Айгинто жеско поглядывал на полог, надеясь, что из него выйдет Тимлю. Эчилин хорошо понял его.

— Новость тебе сейчас скажу: Тимлю в тундру к шаману Такылю ушла, совсем ушла, жить у своей сестры будет, — сказал Эчилин, любуясь впечатлением, которое производят на председателя его слова.

Айгинто мгновенно сидел с закрытыми глазами и вдруг, посмотрев с ненавистью в лицо Эчилина, вышел из яранги и быстро зашагал к морю, навстречу пронзительному холодному ветру.

Сложными были отношения между Айгинто и Тимлю. Любил он эту девушку так же сильно, как ненавидел ее отчима. Горячий и нетерпеливый, он ждал от нее слов любви, решимости: Но девушка страшно боялась отчима. Пугал ее и Айгинто своим неугомонным, беспоконным нравом, своей неприязнью к Эчилину. И когда отчим сказал ей, чтобы она ушла из его яранги к своей сестре, Тимлю даже обрадовалась. Ей хотелось отдохнуть в тундре от неусыпного, изнуряющего страха.

Долго стоял Айгинто на одном месте, не слыша шума морского прибоя.

Ну что ж... Он, Айгинто, не станет унижаться. Ого! Он стиснет зубы и стерпит обиду, не побежит за ней, как мальчишка. Зачем он будет показываться на глаза девушке, которая на него смотреть не хочет? Если бы это было не так, разве она ушла бы из поселка, не повидав его!

Эчилин наблюдал за председателем, сидя у входа в свою ярангу.

— Мальчишку над настоящими охотниками главным поставили, — бормотал он. — Но ничего, я буду делать

так, как мне нравится, а мальчишка покричит, покричит и успокоится.

Низенький, коренастый, с короткими кривыми ногами, Эчилин казался не по годам подвижным и ловким. На крупном лице его, обрамленном снизу редкой черной бородкой, прежде всего замечались тяжелые, словно чугунные, скулы и узенькие щелки-глаза со взглядом твердым и острым, как нож охотника. Нос у него был длинный, на конце приплюснутый, на широкой переносице две поперечных линии татуировки.

— Молокососа поставили главным над охотниками, — повторил Эчилин, думая о том, что навсегда, однако, ушло то время, когда он был самым богатым, самым уважаемым человеком в этих местах как на берегу, так и в тундре. Ушли те годы, как уходит лед в море, унося с собой надежды охотников на богатую добычу.

Невеселыми были думы Эчилина. Но не такой он был человек, чтобы долго отдаваться печали.

Э, ничего!.. Пригоняет ветром лед к берегу, и тогда наступает для охотника праздник. Как знать, может, и в его жизни ветер начал поворачивать в другую сторону: война идет по Большой Земле, и нелегко русским придается. Сильные, видно, фашисты. Дошли до его ушей и такие еще вести, что находятся будто теперь в большой дружбе американцы и русские. Но как могут дружить русский Ковалев и американец Стэнли, которого когда-то отсюда, как волка, прогнали? Нет, что-то здесь непонятное. Притаится надо, как притаивается умка¹ у тороса, глядя на шерпичью отдушину. А сейчас громким голосом везде кричать надо, что ты за колхоз, что ты хороший колхозник. За громкими словами, за хитрыми делами, как умка за льдинами, прятаться надо.

Заветной мечтой Эчилина было попасть в доверие к Айгинто, стать колхозным бригадиром. Немало сделал он, пытаясь достичь желанного результата, но все безуспешно. И вот решил он на завтра чуть свет выехать с лучшими охотниками в море, надеясь на большую удачу. «Пусть тогда Айгинто попробует ругать меня. Не ругать такого человека придется, а бригадиром поставить за то, что богатую добычу привез».

Ранним утром Эчилин с небольшой группой январцев выехал в море. Айгинто не досчитался пяти охотников, которые должны были вывозить мясо на подкормку песка. Иляй, к его удивлению, был уже на ногах.

— Ты что, тоже в море собрался уходить?

— А тебе что? — буркнул Иляй, поворачиваясь к Айгинто спиной.

— Послушай меня, — спокойно сказал председатель, подражая Гемалю, — давай разговаривать, как настоящие мужчины, а не как сварливые старухи. Тебе хочется зимой много песцов поймать, а?

— Чужак человек: если повезет — много поймаю, не повезет — мало поймаю.

— Упрямый же ты, — досадливо промолвил Айгинто, протягивая трубку Иляю.

То, что председатель колхоза протянул ему свою трубку, очень польстило Иляю. Он сладко затыкнулся и сказал хвастливо:

— Упрашивал меня Эчилин. Хотел, чтобы я с ним в море ушел, но я же знаю, что сегодня подкормку на песка развозить надо.

— Ну, хорошо, приступай к работе, Иляй. Видишь, бригада уже вся на ногах, — хмуро отозвался председатель.

К вечеру половина подкормочного мяса была развезена по охотничьим участкам. К наступлению темноты вернулся и Эчилин с десятком нерп и двумя лагтаками¹ в байдаре. В толпе, собравшейся на берегу, послышались завистливые возгласы. Эчилин, возбужденный и обрадованный удачей, разгружал байдару наравне со всеми.

Гемаль и Айгинто стояли чуть в стороне, не принимая участия в разгрузке.

— Побить бы Эчилина, как собаку, — скороговоркой сказал Айгинто, крепко обхватывая руками ремешок на жулянке.

— Не волнуйся, — спокойно отозвался Гемаль. — Он у нас еще подожмет хвост, как паршивая собака.

— Люди! — послышался громкий голос Эчилина. — Перетаскивайте добычу к колхозному складу. У нас сегодня большая удача. А если председатель разрешит, то берите мясо, несите по домам, по ярангам. Кому не хочется поесть свежей нерпы!

Люди вопросительно смотрели на Айгинто и Гемалья, не решаясь брать мясо.

— Что делать будем? — мрачно спросил Айгинто.

— Пусть растаскивают по домам, — тихо ответил Гемаль.

— Берите мясо! — разрешил Айгинто.

— Вот хорошо, — обрадовался Эчилин. — Если в согласии жить, всегда порядок будет. Сегодня мы хорошие ударники. О нас и в газете можно написать!

— Ой, хитрая лиса! — Айгинто круто повернулся и ушел в свой дом. Гемаль спокойно смотрел, как мужчины и женщины подходили к куче выгруженных нерп и лагтаков, прямо на месте разделявали их и разносили куски мяса по домам.

— Послушайте, люди! — вдруг выкрикнул бригадир комсомольской бригады Рультын. — Вы не охотники, а песцы, которые пошли на приманку, поставленную Эчилином. Смотрите не попадитесь в его капканы!

Эчилин, возившийся с байдарой, быстро выпрямился. Сердце его тревожно сжалось. Он очень боялся, что поступок его расценят именно так, как расценил этот безусый парень Рультын. «Однако я забыл свою осторожность», — пронеслось в его голове.

— Ничего, — громко ответил комсомольцу Гемаль. — Охотники наши не такие глупые, как думает Эчилин. Люди попросту съедят мясо, и на том дело кончится. А с Эчилином мы еще поговорим на правлении колхоза, выясним, почему он колхозной дисциплине не подчиняется.

В голосе парторга было столько спокойствия и силы, что Эчилин еще острее почувствовал тревогу.

— Зачем на правлении, а? Зачем за большую добычу ругать собираешься, а? — закричал он, наступая на Гемалья. — Разве на нерпу плана нет?.. Вон льды подходят, морской зверь со льдами подходит. Разве не видишь, какая удача у меня?

¹ Умка — белый медведь.

¹ Лагтак — разновидность тюленя.

— А о том, что на собрании решили, ты забыл? — негромко, со сдержанной силой спросил Гэмаль.

— Рано мясо на подкормку везти. Никогда в Январе так рано не вывозили! — снова закричал Эчилин, поглядывая на охотников. — Съедят песцы сейчас мясо, а зимой чем будем приманивать? Подумали вы с председателем об этом? Почему вперед не смотрите, а?

— Будет мясо и на зимнюю приманку. Мы-то как раз и смотрим вперед, а вот ты, я вижу, все назад поглядываешь. — Гэмаль усмехнулся ядовито, с издевкой.

— В район писать буду! Жаловаться буду! — погрозил Эчилин. — А завтра снова в море уйду за богатой добычей!

— Если уйдешь, то только сам. Ни один охотник с тобой не пойдет.

Собравшаяся толпа охотников одобрительно загудела. Эчилин быстро окинул взглядом ненавидимые ему лица и зашагал прочь к своей яранге, часто-часто семеня короткими, кривоватыми ногами.

И все же на следующее утро Эчилин снова с небольшой группой охотников собрался выехать в море.

— Вы не охотники! Вы капризные, вышедшие из ума старухи! — закричал на них Айгинто, подбегая к байдаре.

— Зачем так кричать на ударников? — оскорбился Эчилин. — Письмо на тебя напишем, жаловаться будем.

— Вы... ударники? — еще громче закричал Айгинто и снова обозвал охотников сварливыми бабами, которые делают то, что им вздумается.

— Зачем, Айгинто, настоящих мужчин нехорошо обзываете? — вдруг послышался сильный голос подходившего к байдаре Гэмалья. Охотники повернулись в сторону парторга. Гэмаль подошел к байдаре. Все напряженно ждали, что будет дальше.

— Подайте-ка сюда весла, — попросил Гэмаль. Приняв весла, он положил их на гальку и сел на них.

— Как по-вашему, песца в эту зиму много будет? — спросил он таким тоном, будто начинал мирную беседу за чаем.

— Да, следов много, — послышался простуженный голос с байдары.

— Вот, вот, следов действительно много, — оживился Гэмаль. — А разве года четыре назад мало было следов? Еще больше! Но подкормку мы во-время не выставили, и все песцы ушли с наших участков. Кто-то позавчера на собрании вспоминал об этом.

— Да, в ту зиму мало песцов поймали, — отозвался Нотат, человек пожилой, осторожный.

— Я так думаю, что в эту зиму мы тоже плохо жить будем, если не побеспокоимся заранее, — тяжело вздохнув, продолжал Гэмаль. — Плана не выполним — фронту, значит, как следует не поможем. Позор нам будет.

— Это почему же плана не выполним? — заволновались охотники.

Эчилин, сообразив, к чему клонит Гэмаль, подошел к нему и сказал:

— А ну-ка подымись, мне весла нужны.

Гэмаль словно не заметил Эчилина.

— Плохо жить будем, — продолжал он. — Песца сейчас на наших участках много, но если мы его не задержим подкормкой — уйдет песец. А ведь на это всего-то два-три дня нужно, если дружно возьмется.

— Встань, мне весла взять надо, — повысил голос Эчилин. — Ты забыл, что у нас и на нерпу план есть, и на моржа план есть. Тоже выполнять надо.

— Сейчас, Эчилин, сейчас отдам тебе весла, — спокойно ответил Гэмаль и снова обратился к охотникам: — Айгинто только что назвал вас капризными старухами. Обидно, конечно, это слушать. Но не может быть, чтобы вы не понимали того, что, если не вывезти во-время подкормку на участки, плохая будет зимой охота. Так, что ли, говорю, а?

— Да, пожалуй, ты разумно рассуждаешь, — согласился Нотат, — зря привыкли мы только на проходных песцов надеяться, оттого капканы наши часто пустые бывают.

Минуту постояв в нерешительности, он взял свой винчестер, копьё и выпрыгнул из байдары. За ним выпрыгнули еще двое.

Вскоре байдара оказалась пустой.

На лице Айгинто бродила виноватая улыбка.

«Правильно парторг сделал: без крика, без ругани сумел убедить людей, а я?..»

— Ну что же, Эчилин, теперь бери свои весла, — сказал Гэмаль, поднимаясь на ноги.

Острый взгляд узеньких глаз Эчилина на мгновение скрестился со спокойным, насмешливым взглядом парторга, затем скользнул в сторону.

— Я что же... Я хотел, чтобы лучше было, чтобы о нашем колхозе похвальные слова говорили, — наконец отозвался Эчилин. — План на морского зверя тоже выполнять надо...

— Об этом не одному тебе заботиться, — снова усмехнулся Гэмаль, давая понять, что хорошо знает цену беспокорности Эчилина о плане.

— Ну, ладно, — согласился Эчилин. — Давайте и мы развезить приманку. Это тоже дело нужное.

Голос его прозвучал беззаботно и весело. Но на душе у него было нехорошо.

«Большая, очень большая сила теперь у них, — рассуждал он, глядя на море, залитое солнечным светом. — А я на своем открыто настаивал...»

10

Вечером в дом Айгинто пришел парторг.

На столе немедленно появился традиционный чай.

— Не верят люди наши, что мы можем илирнэйцев догнать, — сказал Айгинто, ожесточенно дуя на горячий чай в блюдце.

— Не знают еще январьцы сил своих по-настоящему, — задумчиво отозвался Гэмаль. — А неуверенность в силе своей — это почти как туман перед глазами. Да... — Отпив несколько глотков, Гэмаль помолчал и весело добавил: — Я вот к тебе зачем. Как думаешь, хорошо для колхоза будет, если мы соберем человек двадцать и поедем к илирнэйцам хозяйство их смотреть?..

Айгинто отодвинул блюдце с недопитым чаем и, не задумываясь, ответил:

— Что-то ты совсем лишнее придумал. Некогда нам по гостям разъезжать.

— Нет, это важно, очень важно, — решил настаивать на своем Гэмаль. — Пусть люди посмотрят, как

лучше можно жить. Пусть теперь особенными глазами на хозяйство своих соседей посмотрят, пусть хорошо подумают, почему у нас нет того, что есть у них.

— Какие там особенные глаза могут быть! — Айгинто нетерпеливо махнул рукой, потянулся к полотенцу, чтобы вытереть с лица обильный пот. — Просто наши люди в гостях чаю попьют, позавидуют немного...

— Ага! Вот-вот... позавидуют! — подхватил Гэмаль. — Зависть эту надо как большой костер разжечь. Это хорошо, Айгинто, когда у человека такая зависть.

— Работать надо, а не в гости ездить, — упрямо возразил председатель. — Вот мы подкормку на песца вовремя вывезли. Ого, какое это полезное дело. Теперь все видят: песцы не уходят, следов песцовых еще больше стало, все ждуют большой удачи в зимней охоте.

Долго упорствовал Айгинто, но парторг настоял на своем. Было решено, что янрайцы поедут в Илирнэй, используя морской путь туда для охоты на моржа и нерпу.

Моторная флотилия янрайцев прибыла к соседям под вечер. Добротные домики Илирнэя весело поблескивали голубыми окнами. В центре поселка стояло просторное здание школы под цинковой крышей, рядом — колхозный клуб. Чуть в стороне от поселка размещались колхозные хозяйственные постройки: мастерская по пошивке меховой одежды, косторезная мастерская, склады, питомник для собак, огромный ледник для мяса морского зверя, вешала для сушки ююлы. И еще дальше, на обширной поляне, заканчивалась постройка пункта для забоя оленей.

Хозяева высыпали из домов встречать гостей. Приветственные возгласы, шутки, смех огласили морской берег.

— Чего приехали?.. Парторга у нас забрали, теперь и председателя увезете?

— За ветряной машиной вашей приехали. Э-лек-тричество нам надо, — тут же отозвался на шутку илирнэйца Пытто.

— Хс!.. Новость смешная до моих ушей дошла: будто янрайцы решили догнать нас, — донесся из толпы илирнэйцев чей-то насмешливый голос.

Многие из гостей помрачнели.

— Видно, только до ушей твоих и дошла эта новость, а до головы еще не добралась, — обратился Омкар к колхознику. — А вот когда она до головы твоей дойдет, тогда поймешь, что об этом не со смехом, а с уважением говорить надо.

— Скажите, нет ли у вас доброй вести о Тэгрине? Не поднялся ли снова в небо Крылатый человек? — спросил седой, сгорбленный илирнэец. Сразу наступила глубокая тишина. Все смотрели на Айгинто, который наполнил своим обликом старшего брата.

— Лежит, как прежде, Тэгрин, — тихо ответил Айгинто. — Не летает, а лежит Крылатый человек...

— Что это за собрание такое? — весело прозвучал громкий голос Караулина. Хозяева и гости повернулись в сторону подходившего к берегу заведующего райзо.

— Давно он здесь? — спросил Айгинто у Омкара с явной неприязнью во взгляде: спор с Караулиным из-за амулетов старика Ятто был еще памятен ему.

— Вчера приехал, — ответил Омкар и, глянув на Гэмаль с улыбкой, понятной только им двоим, добавил: — На открытие убойного пункта прибыл, в газетах ведь об этом писать будут...

Огромного роста, в высоких резиновых сапогах, похожих на ботфорты, в расписном малахае, Караулин выглядел очень живописно. За плечами у него было двуствольное ружье, патронтаж доотказа набит патронами, по бокам висели бинокль и фотоаппарат «лейка». Узнав о причине приезда янрайцев, Караулин резко повернулся к Айгинто:

— Так, та-а-а! — с издевкой протянул он. — Значит, решили, как до войны, за двести километров чайку попить... Вот за это спасибо, обрадовали! Молодцы! Сразу видно — хорошо понимаете, чем фронту помогать надо.

«Ого, что он говорит, крикун этот», — пронеслось в голове Айгинто.

— Вы бы еще всех своих старух, детей в гости пригласили, — повысил в общей тишине голос Караулин.

— Почему ты с нами таким громким голосом разговариваешь, а? — вдруг как-то вкрадчиво и совершенно спокойно спросил Айгинто. Янрайцы удивленно посмотрели на своего председателя. Но спокойствия Айгинто хватило ненадолго. Тряхнув челкой, он ступил на шаг ближе к заведующему райзо и заговорил быстро, горячо, сам не замечая, что почти повторяет слова Гэмалья:

— Надо сердцем звать людей к хорошему! Ты думаешь, мы просто чай пить приехали?.. Нет, мы сюда приехали, чтоб хорошо посмотреть, особенными глазами посмотреть, как лучше нам жить. Надо, чтобы большой костер в сердцах янрайцев зажегся, надо, чтобы Илирнэй снился нам!

Караулин минуту слушал Айгинто, затем пренебрежительно махнул рукой, повернулся к Гэмалю.

— Ну, а ты что скажешь, товарищ Гэмаль, по этому поводу?

— То же скажу, что и Айгинто, — с подчеркнутым спокойствием ответил Гэмаль.

— Странно, странно, что ты, такой умный человек, и вдруг...

— Ладно, хватит спорить, — вмешался в разговор Омкар. И тут же громко обратился к илирнэйцам: — Уводите по домам гостей, покажите, как вы рады своим соседям!

После чая начался осмотр хозяйства илирнэйского колхоза. Янрайцы шумной толпой шли за гостеприимными хозяевами, жадно рассматривая все, как будто попали в Илирнэй впервые. Электрические точила, станки и сложные инструменты косторезной мастерской, огромные столы пошивочной мастерской, залитые электрическим светом, чистые кормушки питомника собак — все это оцупывалось руками, пристально разглядывалось, оживленно обсуждалось.

— Смотрите, смотрите, какие лапы у этих колымских щенков! Это же медведи настоящие! — кричал Иляй, осматривая одну кормушку за другой.

Рультын, вытащив из кармана один из своих многочисленных карандашей, что-то записывал с глубокомысленным видом.

— Нет, вы послушайте, что Омкар говорит, — вдруг воскликнул он и послушав карандаш. — Он говорит, что

питомник каждый год в колхозную кассу сорок тысяч рублей добавляет!..

— Да, это не то, что у нас — не какой-нибудь десяток этой сильной колымской породы, — сокрушенно вздыхал Нотат. — Себе нехватает, не то чтобы на сторону продавать.

— А свет, свет какой здесь у собак! Э-лек-три-че-ство! — многозначительно произнес Пытто, указывая на яркие лампочки. — А у нас Иляй ярангу свою нерпичьим жирником все еще освещает. На керосин себе не заработал.

Иляй открыл рот, чтобы ответить на неприятную реплику Пытто, но возразить ему было решительно нечего. Да, что верно, то верно, действительно он, Иляй, освещает свою ярангу жирником, тогда как у илирнэйских собак горят электрические лампочки. Тяжело вздохнув, Иляй осторожно протянул руку к выключателю, дважды повернул его.

— Э-лек-три-че-ство! — тихо произнес он. — Э-лек-три-че-ство!.. Словно кусочки солнца вложил кто-то в эти стекляшки.

Узенькие глаза Иляя, улыбаясь, смотрели на яркие лампочки.

— Все, все осматривайте, — наставлял своих колхозников Айгинто. — Потом спрашивать будем, кому что понравилось, кому что хотелось бы перенять для нашего колхоза.

— Ну, что ж, пойдем дальше, — предложил Омкар. Янрайцы не без сожаления один за другим покинули питомник.

Гости и хозяйева проходили мимо многочисленных рядов высоких вешалов, на которых вялилась юкола.

— Ай, сколько юколы! — окинул жадными глазами вешала Айгинто, вдыхая густой запах сушеной рыбы. — Да, собаки ваши не будут зимой выть от голода!

Караулин тоже принял участие в осмотре хозяйства колхоза. Сначала он молчал, потом сам стал давать янрайцам объяснения, не пропуская случая упрекнуть их в нерадивости, неорганизованности. Айгинто, слушая его нотации, отходил в сторону, а Гэмаль делал вид, что не слышит, или пытался сгладить грубые упреки веселой шуткой. Парторгу не понравилось, что Караулин, говоря о достижениях илирнэйского колхоза, многое связывал со своим именем.

— А вот сейчас посмотрим убойный олений пункт, — уже совсем забыв о руководителях илирнэйского колхоза, продолжал заведующий райзо. — Не напрасно я сам лично наблюдаю за строительством этого пункта. Настоящий завод соорудили!

Олений убойный пункт вызвал у янрайцев восхищение. Они переходили из одного отделения в другое, пробовали, как действуют блоки, при помощи которых оленьи туши для освежки подвешивались к специальным балкам, осматривали огромные чаны для промывки отходного кишечного сырья, заглядывали в котлы для выварки костного жира.

— У нас олени попрежнему разделяются прямо на земле, — бормотал бригадир янрайской оленеводческой бригады Мэвэт. — Холодно, неудобно, да и много добра пропадает... А здесь у них ничего не пропадает.

— А видели воду? — уже почти кричал Караулин, поворачивая краны от подведенной к чанам воды. — У вас

и через двадцать лет так не будет. Поворачиваетесь, как тюлени, — лениво, медленно, вяло!

Гэмаль не выдержал, встал прямо перед Караулиным и насмешливо посмотрел ему в глаза:

— Почему через двадцать лет у нас не будет? Вот завтра вы приедете к нам и построите... По вашим словам выходит, что здесь, в Илирнэе, только из-за вас все успехи.

Караулин слегка смутился.

— Нет, почему же, товарищ Гэмаль... Ты меня неправильно понял, — сказал он, заметно понизив голос. — Заслуг Омкара или твоих я не отрицаю... Оба вы очень много сделали для илирнэйского колхоза... Да и все илирнэйцы — это настоящие колхозники...

Слова Гэмалья больно укололи заведующего райзо. В илирнэйском колхозе он бывал часто, искренне считал его своим детищем. Мысленно назвав Гэмалья неблагодарным, Караулин отошел в сторону и вскоре присоединился к двум илирнэйцам, достраивавшим деревянный жолоб для стока воды.

— А ну-ка дайте рубаночек, — попросил он и, сняв ватную телогрейку, принялся за работу. Рубанок ловко ходил в его руках. Увлеченный работой, Караулин вскоре повеселел.

«Ну, что ж, это вполне понятно, — рассуждал он, неловкая точными движениями лезвие рубанка. — Такие, как я, для всех хорошими быть не могут... Пока поймут тебя, всего наслушаешься... Зато потом и уважение и благодарность приходят».

Будучи по природе большим оптимистом, Караулин унывал редко. На север его привела жажда деятельности, неутолимое желание столкнуться с настоящими трудностями. Бегло ознакомившись с обстановкой, он решил сразу же, как сам выражался, взять быка за рога, показать свою энергию, разворотливость.

Вскоре за ряд ошибок Караулина назвали перегибщиком. Он возмущался. Ему казалось, что его обвиняют инертные, вялые люди, которые боятся решительных действий. «Фразами о перегибах, как щитом, прикрываются, — рассуждал он. — Какие теперь могут быть перегибы, когда в колхозном строительстве уже давно существуют проторенные, испытанные пути. Огромный опыт накоплен!»

Шум вокруг амулетов, которые он отобрал у старика Ятто, заставил Караулина задуматься, но думы его, как всегда, шли не по линии самокритики, а по линии оправдания своих ошибок.

«Зачем оберегать эти идиотские остатки старья? — возмущался заведующий райзо. — С корнем нужно вырвать всех этих идолов, все эти дьявольские поверья! Конечно, на первых порах будут обиженные, возможны даже большие страдания, но зато потом эти же люди скажут спасибо. Надо быть немножко Петром Великим, да, да, в этом нет греха, надо быть немножко им в самом хорошем смысле этого слова».

Орудя рубанком с умением заправского столяра, Караулин продолжал думать:

«У настоящего руководителя должна быть твердая рука. Очень мне не нравится, когда нерешительность, вялость называют осторожностью, чуткостью, учетом местных обстоятельств и прочей чепухой...»

Когда он снова пошел по поселку, то увидел, как янрайцы столпились возле ветряного двигателя, снабжавшего Илirian электрическим светом.

«Встряхнуть, как следует встряхнуть надо янрайцев! — подумал Караулин, направляясь к толпе. — Подыскать бы им настоящего председателя! Айгинто слишком молод, неуравновешен. Энергия его — бесполезный ветер, который часто дует совсем не в нужную сторону».

А в это самое время янрайский председатель показывал на вращающиеся крылья ветряного двигателя и что-то громко объяснял. Подойдя поближе, Караулин услышал, как горячо спорили янрайские колхозники, в каком именно месте они будут у себя устанавливать такой же ветряной двигатель.

— Ого! Это мне нравится, — одобрил Караулин. — Брячат-то как!.. Точно ветряк уже в кармане у них...

— Наверх бы залезть, посмотреть, как внутри там, — произнес Пытто, словно зачарованный глядя на винтовую лестницу, ведущую к верхнему этажу двигателя. У себя в колхозе он считался хорошим мотористом, и ветряной двигатель особенно занимал его.

— Покажи гостям... своди их наверх, — предложил своему мотористу Омкар.

— Там уже есть один янраец, целый день с моим помощником машины чистит, — заметил моторист, направляясь к лестнице.

— Кто же этот янраец? — изумился Айгинто.

— Твой брат Гивэй. Кажется, там и ночевать собирается. С Караулиным из района прибыл. Мы уже думаем в себе забрать его из вашего колхоза.

— Чего ж вы молчали! — закричал Айгинто, решительно направляясь к лестнице. — Где он? Вот я сейчас спущу его оттуда головой вниз. Колхозник называется. Все работают, а он, как заяц, по всему району скачет.

Поднявшись наверх, Айгинто застал своего младшего брата за работой над разобранным блоком шестеренок. Перепачканный в машинном масле, с кровоточащей ссадиной на руке, юноша настолько был поглощен своим занятием, что, казалось, не сразу узнал, кто стоит перед ним. Айгинто сделал короткий шаг, словно подкрадываясь к добыче, Гивэй выпрямился, взглянул на него и заговорил быстро-быстро, захлебываясь словами:

— Не кричи, только не кричи! Я знаю... хорошо знаю, что ты сказать собираешься. Если ругать меня будешь... драться буду!

— Хо! — только и успел воскликнуть Айгинто.

— Ты кричишь на меня оттого, что ничего не понимаешь. Ты знаешь, что сказал мне секретарь Ковалев?.. Знаешь, а?

— Что он тебе сказал? — Айгинто еще сделал шаг вперед.

— Он сказал, что я такой, который за десять человек сможет работать! Вот я какой! Один — как бригада целая!.. Это не хуже, чем летчиком быть. Это не хуже, чем на фронте воевать! Ни одного плохого слова секретарь не сказал мне. Он понимает, все понимает, а ты только кричать умеешь.

Несколько сбитый с толку, Айгинто никак не мог сообразить, с какой стороны лучше всего обрушиться на брата. Гивэй почувствовал это. Размазав на вспотевшем лбу пятно мазута, он прокашлялся и от защиты перешел в решительное наступление:

— Почему четвертый руль-мотор у вас, товарищ председатель колхоза, полгода уже на складе валяется, а? Из-за этого одна бригада на веслах в море ходит... Почему вы с Пытто не разрешаете мне починить его, а? Сколько нервы с четвертым мотором можно убить было бы! Вот приеду домой, ни спать, ни есть не буду, пока не почию его!

— Сначала свой мотор как следует почини. — Айгинто выразительно постучал по лбу Гивэя кулаком.

— Хватит вам ругаться, — добродушно заметил Пытто, тоже поднявшийся кверху с группой янрайцев. — Крылья двигателя от вашей ругани так завертелись, что скоро оторвутся и улетят, как птицы...

Осмотр хозяйства илirianского колхоза был окончен только к позднему вечеру. Поужинав, гости и хозяйева направились в клуб на вечер самодеятельности, который илirianские комсомольцы организовали специально для соседей.

Гэмаль сидел рядом с Омкаром в первом ряду. Просмотрев несколько номеров, парторг попросил председателя выйти вместе на улицу.

На улице было удивительно тихо. Багровый диск солнца опускался в море. Огромный, неправильной формы, словно расплющенный под ударами молота, он медленно погружался в воду. Черные с багровым сумраком тучи клубились возле него.

Гэмаль и Омкар молча наблюдали за солнечным закатом. Все глубже и глубже погружался огненный диск. Дорога на море выпцвела. Плывшие мимо берега льдины стали едва различимыми.

— Вот и скрылось солнце, — тихо промолвил Омкар.

— Завтра ветер будет, — отозвался Гэмаль, осматривая горизонт, на котором все еще пламенели багровые краски. Немного помолчав, он тронул Омкара за руку и заговорил совсем о другом:

— Так думаю, что щенков колымской породы вы несколько штук выделите для нас?

— Хо! Быть может, вы с собой и мастерские прихватите? — воскликнул Омкар. — Может быть, сказать пастухам, чтобы сегодня же племенное стадо передали вашим оленеводам?

— Мастерские пусть здесь останутся, — не обращая внимания на иронию, — ответил Гэмаль. — Стадо тоже пусть остается. А вот несколько десятков племенных оленьей ламутской породы вы все же должны продать нам. Через район договоримся, по-хорошему договоримся...

— Спасибо, ой спасибо тебе, Гэмаль, что мастерские оставляешь, что не все племенное стадо берешь себе, — с прежним ехидством отозвался Омкар. — А то я уже чуть было не заплакал: и сам от нас ушел, и хозяйство колхоза перетаскиваешь.

— Ты что это, шутишь или в самом деле только о себе думаешь?

Омкар, порывшись в карманах брюк, вытащил листок бумаги и протянул Гэмалю.

— На вот, прочти. Много думали мы сегодня на правлении, чем янрайцам помочь, чуть головы не лопнули. Больше не просите... Там и собаки есть, и олени тоже... Не знаю, сумеете ли вы и за это рассчитаться.

— Спасибо тебе, Омкар, — тихо отозвался Гэмаль, засовывая листок бумаги в карман гимнастерки.

— Давай по берегу походим, — вздохнул Омкар. — Помолчим, подумаем...

Мерно похрустывала галька под ногами Гэмаля и Омкара. Мимо них по черной воде плыли льдины. Высоко в небе прокурлыкали запоздалые журавли.

— Значит, твердо решили догнать нас? — негромко спросил Омкар.

— Конечно, за один год не догоним, а все же — догоним! — ответил Гэмаль.

— Что ж, догоняйте, — усмехнулся в темноте Омкар. — Только помните: ждать мы вас не будем!..

11

Домой янрайцы из Илриэя вернулись поздней ночью, захватив с собой и Гивэя. Вельботы их были нагружены убитой нерпой. Радуюсь большой удаче, охотники решили передохнуть всего несколько часов, а на рассвете снова выехать в море. Надо было использовать момент, пока льды с морским зверем находились в прибрежной полосе.

Чувствуя огромную усталость, Айгинто, едва раздевшись, повалился в постель.

«Надо поспать хоть два-три часа, — подумал он. — Где же Гивэй? Уже полночь, неужели пошел к школе, увидеть учительницу?»

Вскоре, однако, дверь отворилась, и на пороге показался Гивэй.

— А ну-ка быстрее спать ложись! — скомандовал Айгинто. — Чуть свет уйдем в море.

Гивэй быстрыми шагами подошел к брату и умоляющим тоном сказал:

— Прошу тебя, очень сильно прошу: дай исправить мотор... чего он на складе лежать будет?

— Ты что это... опять придумал какую-нибудь глупость? — Айгинто вскочил с кровати, рывком сбросив с себя одеяло. — Ложись сейчас же спать, через два часа в море!..

— Я знаю, что в море итти надо, — тем же тоном продолжал Гивэй, переступив с ноги на ногу. — Но пойми ты: исправленный мотор сильно поможет нам выполнить план на морского зверя.

— Замолчи! — вышел из себя Айгинто. — Вот полоумный, сам не спит и мне не дает. Мотор ты не починишь, а только больше испортишь... Спать ложись.

Гивэй минуту помолчал и вдруг, круто повернувшись, быстро вышел из комнаты.

Минут через пять он уже стоял у кровати Гэмаля с той же просьбой.

— Хороший ты парень, Гивэй, но иногда бываешь, как мальчишка. Иди спать. Через два часа выезжать в море, — ответил парторг.

— Значит, по-твоему, я пустое говорю?

— Да, иногда в голове твоей ветер поднимается.

— И ты... такой же! — запальчиво воскликнул юноша. — Ну, хорошо! Я знаю, что-то делать!..

Гивэй выбежал на улицу.

«Если не выедет в море, придется поругать его», — подумал Гэмаль засыпая.

А Гивэй, стараясь быть никем не замеченным, подошел в это время к складу, где хранился испорченный руль-мотор.

«Я для них мальчишка! Считают, что у меня совсем пустая голова», — обиженно думал юноша.

Воровато осмотревшись, он шалнул к двери склада, без труда открыл гвоздем замок, который не раз приходилось ему ремонтировать.

Знакомый запах машинного масла ободрил Гивэя. Он уверенно подошел к тому месту, где лежал неисправный мотор, заложженный разным хламом, зажег спичку.

— Вот он! — тихо промолвил юноша. — Ай, смешно будет смотреть, как раскроют рты Айгинто и Гэмаль, когда через несколько дней услышат гул этого мотора.

Вскоре, сгибаясь под тяжестью, он шагал к ближайшей охотничьей избушке, где решил тайно, по ночам, заняться ремонтом мотора.

В поселок Гивэй успел вернуться во-время. Охотники только что поднялись на ноги, чтобы снова отправиться в море.

«Чаю бы кружку выпить!» — подумал Гивэй, но, вместо того чтобы итти к дому, направился к школе. Он чувствовал, что ему будет очень трудно выехать в море, не повидав Олю.

«Конечно, она спит, зачем ей так рано подыматься», — чутко прислушиваясь к сонному молчанию в школе, подумал юноша.

В предутренней тишине отчетливо доносились хриплые голоса еще не совсем освободившихся от сна охотников, лай разбуженных собак. Юноша постоял у школьной двери и, вздохнув, понуро зашагал к морскому берегу, где смутно виднелись тени суетящихся людей.

«Буду ей опять письма писать!» — решил он, и от этой мысли ему стало немного легче.

Три моторных байдары из моржовых шкур и один вельбот отчалили от берега. Гивэй сидел в байдаре, которой управлял Пытто. Зябко ежась от свежего северного ветра, юноша смотрел на уходящее от него вместе с берегом здание школы и думал об Оле.

К восходу солнца янрайцы достигли обширных ледяных полей.

Утомленный Гивэй дремал, когда его разбудил громкий смех. Открыв глаза, он прислушался и догадался, что это Пытто, как всегда, подшучивал над Иляем.

— Был и такой случай. Поругался Иляй с женой, ушла она от него к соседям, — рассказывал Пытто. — Иляй разделся и лег спать. Вдруг слышит, кто-то сильно трясет ярангу. «Ага! Хоть и сердится, но ко мне вернулась», — подумал Иляй и закричал что было силы: «Зачем ярангу ломать? Заходи, ладно уж, я тебе все прецпаю!» Но что такое? Почему жена не перестает трясти покрывку яранги? Высунул он голову из полога и закричал еще сильнее: «Перестань, глупая женщина, а то сильно поколочу!» Тут яранга так затряслась, что чуть полог не обрушился. Иляй рассердился, выскочил из яранги, как был, без штанов, и вдруг увидел... — Пытто сделал паузу. На розовощеком лице его отразился наигранный ужас. Охотники замерли, готовые в любую минуту разразиться хохотом... — И вдруг увидел, что это совсем не жена... а умка! Бросился Иляй с перепагу бежать через все стойбище. А на улице пурга начинается. Ко мне забежал Иляй. «Что с тобой, — спрашиваю, — кто штаны с тебя стащил?» — «Это не жена... умка», — кричит Иляй!..

Охотники дальше сдержаться не могли. Схватившись за животы, они севозь хотот кричали:

— Вот так случай!

— О! Если бы Илай бросился обнимать медведя!

Илай, глядя куда-то в море, сердито сосал трубку. Такой случай с ним действительно был. «И зачем только я сел в одну байдару с этим проклятым насмешником Пытто», — думал он, стараясь показать, что смех охотников его совсем не трогает.

Охотники, наконец, умолкли, стали зорко всматриваться по сторонам в море.

— Моржовое лежбище! — послышался громкий голос Айгинто из соседней байдары. — Выключить моторы!

Все сразу пришли в возбуждение, дружно взялись за весла. Сон у Гивэя как рукой сняло. Он изо всех сил налегал на весло, зорко поглядывая, нет ли еще где поблизости другого лежбища. И вдруг юноша вскочил на ноги.

— Вон там, слева, еще одно лежбище! — указал он рукой.

Айгинто, не отрывая бинокля от глаз, всматривался в лежбище моржей, увиденное Гивэем. Во всей гибкой фигуре его чувствовалось что-то собранное, настроженное.

— Моя бригада пойдет ко второму лежбищу! — слышался голос Пытто.

— Нельзя! — громко возразил Айгинто. — Без меня нельзя; я сам!..

Гэмаль, находившийся в третьей байдаре, с изумлением оглянулся на председателя.

— Пытто прав! Надо разделиться! — сказал он, обращаясь к Айгинто.

Айгинто и не посмотрел на Гэмалья.

— Нельзя, без меня никому нельзя! — твердо отрезал он.

Гэмаль вспыхнул. Впервые он по-настоящему рассердился на Айгинто. «Смотри-ка ты, будто только он один здесь настоящий охотник!»

Первое лежбище между тем приближалось. Звери на ледяном поле чувствовали себя совершенно спокойно. Громкие, неуклюжие туши их, казалось, были навалены в одну сплошную черную кучу. Некоторые из моржей клали головы на тела своих соседей, медленно поводя квадратными клыкастыми мордами, устраивались поудобнее. Охотники знали, что моржи никого не боятся, кроме белых медведей, и потому шли на байдарках прямо к лежбищу.

— Так как же со вторым лежбищем? — спросил Гэмаль, стремясь скрыть крайнее раздражение.

— Я уже сказал, без меня нельзя! — с ожесточением отозвался Айгинто, сверкнув возбужденными глазами.

«Ну подожди же! Потом я с тобой поговорю как следует!» — мысленно погрозил Гэмаль, хотя ему нестерпимо хотелось сейчас же сказать председателю что-нибудь злое, резкое.

Охотники торопливо, но без суеты вытащили на ледяное поле байдары и вельбот и, рассыпавшись цепью, окружили со всех сторон моржовое лежбище. Загремели выстрелы, повторяемые стократным эхом в море. Охотники целились в моржей, в единственно уязвимое место их — чуть ниже затылка. Убитые моржи, поникнув окровавленной головой, замирали на месте, а живые как ни в чем не бывало продолжали греться на солнце.

Так длилось минут десять.

Но вот моржи, наконец, почувствовали опасность и двинулись всей массой к воде. Айгинто выстрелил еще раз. Зверь с налитыми кровью глазами замедлил движение, складки его толстой кожи, покрытой белесыми жесткими волосками, упруго перекатывались при поворотах грузного туловища. Черные когти лап царпали окровавленный лед. После четвертого выстрела голова зверя поникла, левый клык с черной щербинкой на конце застрял в трещине льда.

Айгинто бросился наперерез следующему моржу и убил его с первого выстрела.

И вдруг до него донесся чей-то взволнованный возглас: — Моржи второго лежбища покидают лед!

Айгинто резко повернулся, возбужденное лицо его, покрытое мелкими росинками пота, перекошилось от ярости. «Такая добыча ушла!» — пронеслось в его разгоряченной голове.

Выстрелы умолкли. На ледяном поле остались только мертвые моржи. Люди, все еще возбужденные охотничьим азартом, промолко разговаривали, осматривали убитых моржей. Их было шестнадцать. Немалая удача. Но удача могла быть в этот день еще большей, если бы половина охотников уехала ко второму лежбищу. Об этом думал каждый охотник, украдкой поглядывая на Айгинто.

Председатель колхоза, чувствуя на себе осуждающие взгляды, отошел в дальний конец ледяного поля. О многом передумал он, пока стоял один: и о том, что скопившиеся в тундре песцы с поразительной быстротой поедают подкормку; и о том, что если не выбрасывать им мясо до самой зимы, то прикормленные песцы могут уйти и тогда все усилия, затраченные летом и осенью, пропадут даром; и о том, что если не выполнить план на морского зверя, то зимой можно остаться без приманки для песцов и лисиц. Ему вдруг вспомнилось, что по поселку в последние дни шел ропот: «Песцы прожорливы, как волки! Они сожрут все мясо и уйдут с наших участков, а зимой у нас не останется мяса даже для проходных, случайных песцов...»

— Эчилин... он, проклятый, смущает людей! — прошептал Айгинто. — А что, если именно так и получится?..

И вдруг Айгинто услышал сзади себя тихий, суровый голос парторга:

— Ну, председатель, поедим ко второму моржовому лежбищу. Веди нас!

Айгинто прикусил губу, встретился с пристальным взглядом Гэмалья.

— Ты думаешь, что только один есть у нас настоящий охотник: «Я сам! Без меня нельзя!» — передразнил Гэмаль председателя.

— Да, да, я сам! — вспыхнул Айгинто. — Я сам должен всюду быть, иначе ничего не получится! Вот поработал бы ты на моем месте, тогда узнал бы, почему я так говорю!..

— Я очень хорошо понимаю, почему ты так говоришь, — прежним тоном продолжал Гэмаль. — Ты не доверяешь людям, считаешь, что они хуже тебя. Но за это и они, бывает, сильно не любят тебя!

— Пусть жен своих любят, а меня любить не надо! Мне нужно, чтобы они план выполняли!

Айгинто хотел еще что-то сказать, но Гэмаль перебил его:

— Часто ты сам мешаешь им выполнять план.

— Я мешаю?.. — задохнулся Айгинто.

— Да, мешаешь! Не из-за тебя ли мы упустили сегодня второе лежбище?!

Айгинто болезненно поморщился.

— Выслушай же до конца! — голос у парторга стал еще суровее. — Подумай, что получилось бы, если бы твой брат Тэгрын приказал в бою своим товарищам: «Не троньте врагов слева, я сам буду бить их. Вот только дайте разобью врагов справа».

— Зачем о брате мне сейчас напоминаешь, а? — закричал Айгинто, сжимая кулаки. — Зачем до самого лучшего места руками касаешься? Кто тебе разрешил это?

— Ну, если ты не понимаешь, зачем я это делаю, то тогда оставайся один!

Гэмаль круто повернулся и пошел прочь от председателя. Айгинто машинально протянул руки ему вслед, хотел остановить, но вместо этого крикнул:

— Ну и уходи!.. Не нужна мне ничья помощь!

Охотники грузили убитых моржей в байдары и вельбот молча, торопливо. Чтобы увезти всю добычу, нужно было сделать к ледяному полю три рейса. Январцы торопились.

Айгинто и Гэмаль не смотрели друг на друга. Председатель порой ловил на себе осуждающие взгляды охотников и еще больше мрачнел. Немного остыв, он понял, что Гэмаль был прав. Однако сразу признаться в своей ошибке Айгинто не мог.

— Зря упустили добычу... Могли бы и на другом поле штук десять моржей убить, — сделав невинное лицо, тихо произнес Гивэй.

Айгинто окинул брата уничтожающим взглядом, но промолчал.

— Не плохо, если бы еще один мотор работал, — тем же тоном продолжал Гивэй. — Тогда бы и четвертую байдару можно было нагрузить моржами.

К позднему вечеру за три рейса январцы перевезли в поселок всех убитых моржей. Напившись чаю, охотники сразу улеглись спать: завтра снова предстоял ранний выход в море.

Когда поселок затих, Гивэй, спрятав в нерпичий мешок необходимые инструменты и фонарь «летучая мышь», незаметно, как тень, выскользнул из своего дома.

Но перед тем, как уйти к землянке, где лежал разобраный уже им мотор, юноша крадучись подошел к школе, заглянул в окно к учительнице.

Оля сидела за столом над ученическими тетрадами. Затяв дыхание, Гивэй наблюдал за ее лицом. Девушка изредка шевелила губами, порой улыбалась.

Горящим взглядом смотрел Гивэй на девушку. «Вот бы она мне улыбнулась так!» — подумал он и вздохнул глубоко, шумно.

Положив в стопку последнюю проверенную тетрадь, Оля потянулась, встала и принялась разбирать постель.

Гивэй испуганно отпрянул в сторону. Неудержимая сила влекла его снова заглянуть в окно. Но юноша сжал руками виски и быстро побежал прочь от поселка к землянке, где ждала его работа.

некоторые части мотора. «А вдруг я еще хуже испорчу мотор?» — пришло ему в голову.

От этой мысли сон как рукой сняло. Гивэй засучил рукава, поправил фитиль, поставил фонарь ближе к себе.

Постепенно им овладело то приятное возбуждение, которое всегда приходило к нему, как только он прикасался к какой-нибудь машине. Движения стали более точными, стремительными.

— А может, все дело только в свечах? — спрашивал он себя. Взяв в руки свечи, Гивэй почистил оленьей стриженной шкуркой матово поблескивающие цилиндрики, ввинтил их в гнезда. Намотав шнур на диск, юноша привычным, ловким движением дернул шнур. В моторе что-то щелкнуло, но зажигания не произошло. Намотав еще раз шнур на диск, Гивэй решительно дернул... Мотор бездействовал.

Так повторилось несколько раз. Терпеливый и выдержанный в работе, несмотря на свой горячий нрав, Гивэй чутко, как врач к сердцу больного, прислушивался к мотору. «Ничего, ничего, ты будешь работать, обязательно будешь работать», — шептал он, поглаживая замасленные бока машины.

Даже в минуты отчаянья, когда казалось, что никакие усилия не вызовут мотор к жизни, Гивэй не позволял себе грубого слова, не говоря уже о том, чтобы швырнуть куда-нибудь в угол магнето или ударить по нему ключом, как это сделал бы другой на его месте. «Зачем машину обижать? Она хорошая, ее жалеть надо».

— А может, в проводах где-нибудь замыкание? — с глубокомысленным видом спрашивал он себя, приближая конец провода, идущего от магнето, к корпусу мотора и снова проворачивая диск: не прыгнет ли искра от провода к корпусу?.. Но искры не было. Мотор, несмотря на все усилия Гивэя, был мертв.

Выглянув на улицу, юноша понял по едва уловимым признакам наступающего утра, что уже время спешить к выходу в море.

Три бессонных ночи провел Гивэй у мотора. Ранним утром он вместе со всеми уходил в море. Измученный, он дремал в байдаре. Охотники шутили над ним:

— Да ты совсем еще мальчик! Видно, трудно тебе рано вставать, зверя надо выслеживать, а тебя в сон бросает. Эх, шел бы лучше к своей мамаше, пусть бы спать тебя уложила.

Гивэй широко открывал слипавшиеся глаза, огромным усилием заставлял себя бодрствовать.

Но на этот раз, изнеможенный непосильным трудом и бессонными ночами, Гивэй уснул в байдаре как мертвый. К его несчастью, в той же байдаре находился брат.

— Как не стыдно! Называешься морской охотник! — закричал Айгинто, принимаясь тормозить парня. — Приснись, а то моржи тебя на дно утащат.

Гивэй продолжал спать. Айгинто сердито толкнул его в бок, закричал еще громче, но вдруг умолк на полуслове. Его поразил вид Гивэя: измученное, осунувшееся лицо, под глазами синие тени, запекшиеся губы.

«Не заболел ли? — с тревогой подумал председатель. — И почему руки его так вымазаны в машинном масле и все в ссадинах?»

Неожиданный прилив нежности к брату охватил Айгинто. Ему показалось, что только сейчас, вот в эту минуту, он понял, как глубоко любит его. Стыдясь своего

Заснул Гивэй прямо на полу. С огромным трудом он заставил себя встать. Тусклый огонь фонаря едва освещал землянку. Оглядевшись, юноша вяло перебрал в руках

чувства, он кашлянул, поправил неловко запрокинутую голову Гивэя, незаметно погладил ее.

И тут председатель вспомнил о своем втором брате Тэгрыне, невольно стал перебирать в памяти все, связанное с ним. «В беде он всегда помогал другим, не думая о себе. Где-то здесь, в этих местах, он спас и меня, когда я под лед провалился...»

Байдара мчалась по морской глади, оставляя после себя радужные пятна бензина. Гивэй попережнему крепко спал. Айгинто всмотрелся в его лицо и почему-то ясно представил больничную кровать и Тэгрына, лежащего на ней. С жалостью к смертельно усталому Гивэю в груди у него закипело второе чувство — лютой, испепеляющей душу ненависти к тем, кто, быть может, уже навсегда отнял старшего брата.

В поселок байдара вернулась лишь поздним вечером, и снова Гивэй, едва поужинав, отправился в землянку. В эту ночь он надеялся вызвать, наконец, мотор к жизни.

Заменяв фонарь лампой, юноша вновь тщательно осмотрел все части двигателя, промыл их в керосине, смазал машинным маслом.

— Сегодня у него забьется сердце... — шептал юноша, думая о моторе, как о живом существе. — Сегодня все охотники Янрая узнают, что у них есть еще один руль-мотор. Ого! Гивэй такой человек... Секретарь сказал верно: Гивэй один за целую бригаду работать может!

Одна часть за другой входила на свое место. Вот уже и весь мотор собран. Вычищенный до зеркального блеска, он казался совсем новеньким, только что доставленным с завода.

Волнуясь, Гивэй с жадностью выкурив трубку, на минуту закрыл глаза, перед тем как завести мотор.

— Сейчас даст вспышку, сейчас заработает! — говорил он, крепко ухватившись за шнур, намотанный на диск.

Встав на ноги, Гивэй рванул шнур. Щелкнул импульсатор. Мотор чихнул, запахло едким дымом сгоревшего бензина. Гивэй жадно вдохнул знакомый запах дыма, лихорадочными движениями снова наматал шнур. Еще один рыбок. Мотор снова чихнул и замер.

— Давай, давай! — закричал Гивэй. — Ты уже дышишь! Дыши, я очень, очень прошу тебя: глубже дыши!

Еще и еще раз дернул к себе шнур Гивэй. Мотор чихнул еще несколько раз и снова безнадежно замер.

С чувством, похожим на отчаянье, Гивэй обхватил голову руками, тяжело задумался. В горле пересохло, нестерпимо хотелось пить. «Как же это? Неужели я с ним ничего не сделаю? А еще хотел самолет водить! Мальчик! Глупый мальчик, совсем дурак! Разве так за десять человек работают?»

Припав к чайнику, Гивэй напился холодной воды, с огромным трудом заставил себя успокоиться.

— А ну, еще раз попробую! — скрепя сердце решил он и снова принялся разбирать мотор.

Разбирал мотор он на этот раз вяло, без веры в успех. В усталой голове возникла смутная мысль: «Не обратиться ли к кому-нибудь за помощью?» Постепенно эта мысль стала отчетливой, вполне осознанной. «Но к кому я пойду за помощью?.. Пытто сильно ругать будет, да и сам-то он не больше моего понимает в моторе. Брату лучше не говорить — ничем не поможет, только рассердится... Разве к Оле сходить, с ней посоветоваться?..»

Гивэй даже разозлился на себя за эту мысль. «Это верно, что я беспонятливый морж. Чем Оля поможет мне? Что она — механик, инженер?»

Но навязчивая мысль не исчезала. И когда после повторного испытанья мотор, как и прежде, остался безжизненным, Гивэй встал, наскоро вымыл руки и вышел из землянки.

Когда он подошел к школе, было еще совсем темно. Остановившись перед дверью, Гивэй перевел дыхание и вдруг забарабанил в дверь кулаками.

«Что я делаю? — почти с ужасом подумал он. — Надо уйти, надо сейчас же уйти... Ну чем мне поможет Оля?»

Но было уже поздно. За дверью послышались шаги, и в то же мгновение раздался тревожный голос девушки:

— Кто там?

— Оля, открой... Это я, я... Гивэй!

— Гивэй, — изумленно повторила Оля, не открывая двери. — Но что тебя привело ко мне среди ночи?.. Несчастье случилось, что ли?

— Оля, открой! Не бойся!.. Я хочу, чтобы ты помогла мне. Слышишь, Оля... Трудно мне, сильно трудно...

— Чтобы я помогла? — уже совсем другим тоном спросила Солнцева. — Ну иди, иди...

Солнцева зажгла лампу, пригласила юношу сесть. Всмотревшись в его заплаканные глаза, она забеспокоилась:

— Что с тобой? Заболел, что ли?

Гивэй встал и начал быстро, путанно рассказывать, как ходил в район, как просился на фронт, о чем говорил с секретарем райкома, наконец как украдкой перетащил в землянку испорченный мотор и вот уже около недели бестолку пытается починить его.

— Я чистил его, смазывал, продувал, разбираю, снова собирал, а он не дышит... совсем мертвый попережнему.

— Но как же я тебе помогу, Гивэй, если я в технике совсем ничего не понимаю? — спросила Солнцева.

— Вот и я так себе говорил, — снова загорелся юноша: «Зачем ты идешь к ней, Гивэй? — спрашивал я себя. — Она же не механик, она же не моторист, как поможет тебе?» А ноги, понимаешь, сами идут, и в голове разные мысли возникают. «Нет, думаю, сумеет Оля помочь. Может, что-нибудь посоветует, может, просто хорошее слово скажет, и я тогда сразу догадаюсь, чем болен мотор, почему сердце его не бьется».

— Ах ты, механик, механик! — тихо промолвила Оля и, подойдя близко к Гивэю, добавила:

— Хорошо сделал ты, что пришел ко мне. Пойдем сейчас вместе к Митенко, я думаю, он не рассердится, что пришли среди ночи, — сказала она, открывая дверь.

— К Петру Ивановичу? — радостно воскликнул Гивэй. — А верно! Ай, как правильно ты придумала, Оля. Ого!.. Петр Иванович такой человек, такой человек!

Старик Митенко приходу Гивэя, казалось, не удивился, но что с ним пришла учительница — это немного его озадачило.

— Помочь ему надо, Петр Иванович, — твердо попросила Оля. — Уже целую неделю он тайно, по ночам, с мотором в землянке возится...

— Так, так, значит тайно, — сказал старик, — трогая одним пальцем ус. — А вот интересно, почему тайно?

Гивэй почти вплотную подошел к Митенко.

— Айгинто не верит мне, Пытто не верит, и парторг Гэмаль тоже не верит! Говорят, что голова у меня, как у мальчишка, что не сумею я мотор починить, бояться — совсем испорчу!..

— Да, дела, — вздохнул Петр Иванович и крепко задумался.

— Что ж, и вы мне не верите? — Гивэй с отчаяньем взглянул на Олю, как бы призывая ее на помощь.

— Помогите ему, Петр Иванович, — настойчиво повторила девушка. — Он заболит, честное слово заболит, если не починит мотора. Вы же видите, как он похудел, осунулся.

— Знаю его характер. Замок да ружей он еще мальчонкой поломал немало. Механик со стажем... — Митенко встал, принялся одеваться. — Пойдем на склад, там у меня новые свечи и запасное магнето припрятаны.

— Магнето! — воскликнул Гивэй. — Ай, если бы вставить новое магнето! Мотор сразу жить станет, дышать станет! Понимаешь, Оля, а?

— Иди, иди с Петром Ивановичем, — Оля мягко подтолкнула юношу в спину. — Я знаю, уверена, что мотор твой не только дышать, бегать будет. С такой настойчивостью мертвого воскресить можно.

К утру на море поднялся шторм. Янрайцы на промысел не выехали. На правлении было решено всем охотникам выйти в тундру на свои участки, проверить, в каком состоянии подкормки, и, если нужно, добавить мяса.

Гивэй на свой участок не пошел, надеясь для этого выкроить другое время, и снова принялся за мотор.

Вечером, сгибаясь под тяжестью мотора, Гивэй пробрался к складу, вошел под небольшой навес, укрепил мотор на специальной деревянной стойке.

— Ай, сколько людей сейчас сюда прибежит! Все рты свои разинут, — торжествующе промолвил он, наматывая на диск шнур.

И вот мотор взревел. Прижимая руки к груди, Гивэй прислушивался: а что, если вдруг заглохнет, замрет?

Но тут до слуха юноши донеслись странные звуки с улицы, похожие на похоронный женский плач.

— Что такое?.. Что случилось?

Забыв все, предчувствуя недоброе, Гивэй бросился в конец поселка, откуда доносился похоронный плач. Вскоре он увидел женщин. Они, по древнему обычаю, усевшись на корточках в кружок, прямо на улице, оплакивали покойника. Тонкое, щемящее сердце завывание плыло над поселком. Встревоженные собаки рвались с цепей. Чуть в стороне от женщин сидели беспорядочной группой мужчины. С суровыми, каменными лицами они покуривали трубки и вели речь о самых обыкновенных, будничных вещах. Так диктовал закон предков: женщины, у которых сердце слабее, должны оплакивать покойника, а мужчинам нужно стойко переносить горе, они должны показывать вид, что несчастье не сломило их.

Заметив посредине круга мать, Гивэй все понял: умер Тэгрын.

Страшно было Гивэю услышать слова, которые подтвердили бы его догадку. Часто оглядываясь на смутно видневшийся в вечернем сумраке круг женщин, ни на мгновение не прекращавших свой жалобный плач, юноша медленно подошел к мужчинам и замер с немим вопросом

в лице. Мужчины умолкли. Айгинто среди них не было. Время шло, а Гивэй все стоял на одном месте, напряженный, с тем же безмолвным вопросом в лице.

— Да, ты правильно думаешь, — вдруг прозвучал печальный голос старика Анкоче. — Пришла к нам тяжелая весть — Крылатый человек умер. — Анкоче поднял руку, словно о чем-то предупреждая юношу, и еще тише добавил: — Послушай меня: возьми мою трубку и скажи, крепок ли мой табак? Будь в горе настоящим мужчиной.

Женский похоронный плач все плыл и плыл в наступающей тьме. Где-то в другом конце поселка рокотал заведенный Гивэем мотор. Приняв от Анкоче трубку, Гивэй глубоко затаился и еле слышно сказал:

— Крепкий, очень крепкий твой табак, Анкоче.

— Крепкое сердце у тебя, юноша, — так же тихо ответил Анкоче. — Если тебе хочется побыть одному, уйди от нас, уйди, как ушел твой брат Айгинто... Это ничего, так можно делать...

Гивэй повернулся и, сторбившись, как старик, пошел куда-то во тьму, наугад.

— Да это мотор гудит! Неужели кто-нибудь из Илирня к нам в такую погоду едет? — донесся до него голос Пытто. Но Гивэю было сейчас не до мотора.

Долго шел он в темноте по морскому берегу, не слыша грохота прибоя, не чувствуя резкого северного ветра.

На высокой скале то вспыхивал, то потухал красный огонь маяка. Гивэй все шел и шел, спотыкаясь о камни, об осколки льдин, выброшенные морем на берег. Перед глазами его стояло веселое, радостное лицо Тэгрына, каким оно было, когда он получил разрешение отправиться на Большую Землю, на фронт.

И вдруг Гивэй столкнулся с Айгинто. Они сразу узнали друг друга, несмотря на темноту. Мгновение они стояли молча и затем крепко прижались лицом к лицу. Слезы обожгли щеки Гивэя. Он порывисто отстранился и тихо сказал:

— Пойду дальше.

Айгинто подождал, пока не утонула во мраке фигура брата, и медленно пошел в противоположную сторону.

Недалеко от поселка его окликнул Гэмаль. Они еще ни разу не встречались один на один с тех пор, как поругались в море.

— Пойдем к матери, — тихо промолвил Гэмаль, пытаясь в темноте заглянуть в лицо Айгинто. — Сильно плачет она.

Айгинто молча кивнул головой и, пройдя шагов пять, спросил:

— Чей мотор гудит? Что за гости к нам прибыли? Хорошо ли байдару в волну приняли?

— Никаких гостей нет, — ответил Гэмаль, — это гудит четвертый наш мотор, отремонтированный твоим братом.

Пораженный Айгинто остановился.

— Чего удивляешься? Говорю правду! — подтвердил парторг. — Мне Оля сказала, что по ночам, тайно, в охотничьей землянке Гивэй целую неделю его ремонтировал.

Гэмалю хотелось еще добавить, что вот, мол, какие мы допускаем ошибки, когда не верим в людей, но он промолчал.

— Да, Гивэй, однако, пойдет по тропе Тэгрына, — задумчиво промолвил Айгинто и ускорил шаги.

Разобравшись в охотничьих делах, Гэмаль решил глубже вникнуть в оленеводческие дела колхоза.

Половина членов колхоза «Быстроногий олень» занималась оленеводством. Олени стада, вышедшие на летние и осенние пастбища, в основном размещались в прибрежной полосе моря и лагуны. Гэмалю и Айгинто было не трудно за неделю побывать почти в каждом стойбище оленеводов. Оставалось еще проверить бригады Кумчу и Мэвэа.

В бригаде Кумчу они застали Петра Ивановича Митенко, который пришел к оленеводам с товарами, — не все оленеводы могли оторваться от своих стад, чтобы побывать в ярайском магазине.

— Вот тебе, Ятто, напильник и две головки к примусу. Помнишь, ты просил меня? — обратился Митенко на чукотском языке к старому оленеводу.

— Спасибо, Петр, спасибо, — поблагодарил Ятто своего старинного приятеля.

— А тебе, старый Выльпа, я пачку листового табаку принес. Я же знаю, ты очень любишь листовую табак...

Старик Выльпа взял табак и, не переставая благодарить Митенко, быстро-быстро дрожащими руками набил свою давно пустовавшую трубку, крепко затянулся, пустил трубку по кругу.

— Да, мало табаку стало. Часто наши трубки теперь пустыми бывают, — негромко сказал он и тут же заключил: — что ж... война!

А Митенко, хорошо знавший привычки и вкусы покупателей, продолжал оживленно торговать. Норой тот или иной оленевод выкладывал перед ним толстую пачку денег и просил:

— Отсчитай, сколько нужно, за взятые мной товары.

Митенко отсчитывал и возвращал оставшиеся деньги хозяину. И никому не приходило в голову проверять, правильно ли он берет деньги: в незапятнанной честности Петра Ивановича чужки были уверены.

— Любят здесь старика, — сказал Айгинто, указывая глазами на Митенко.

— Да, больше тридцати лет он дружит с нашими оленеводами, — согласился Гэмаль. Помолчав, он добавил: — Ну, что ж, давай пастухов соберем, поговорим. По твоим словам, это самая худшая бригада в колхозе, попробуем разобраться в их делах.

Пастухи собрались в яранге бригадира Кумчу. Долго никто из них не хотел говорить. Многие искоса поглядывали на двух братьев — Воопку¹ и Майна-Воопку², которые почти всю работу бригады тащили на своих плечах.

Младший из братьев, Воопка, маленький, подвижной, с добродушным лицом, курносый носом, с узенькими глазками, сердито сопел, щурился на бригадира Кумчу. Все ждали, что первый заговорит именно он, потому что был этот человек от природы словоохотлив и весел, как бы трудно порой ему ни приходилось. Так оно и вышло.

— Плохо у нас получается, совсем плохо, — затараторил Воопка, — не все одинаково работают, не все в стадо ходят. А кто виноват? Бригадир. У нашего брига-

дира сердце, как у зайца, а разум, как у лисы... Боится своих дружков в стадо посылать. Волки их съедят. А дружки ему за это, как собаке верной, то один кусочек, то другой кусочек мяса подкинут, от ребяг отнимут, а ему дадут. Хитрый Кумчу! Хитрый потому, что так записывает, будто у тех, кто в стадо мало ходит, столько же трудней, сколько у остальных пастухов. Разве не правду я говорю? Вот пусть другие скажут. Пусть вот Майна-Воопка скажет...

Бригадир Кумчу, низенький коренастый мужчина с широким лицом, на котором смущенно бегали маленькие, запыленные жиром глазки, казалось, готов был съесть пастуха живьем.

— Ну, говори, говори, Майна-Воопка, — вдруг повернулся он в сторону второго пастуха. — Пусть и твой язык в сплетнях как собачий хвост поболтается.

Майна-Воопка только посмотрел на него откровенным, ненавидящим взглядом, тяжело вздохнул и отвернулся в сторону.

Насколько общительным, разговорчивым был Воопка, настолько обычно молчаливым, мрачным был его старший брат. Ростом Майна-Воопка намного превосходил младшего брата. Лицо у него было длинное, скуластое, с горбатым носом. Черные глаза смотрели невесело.

— Ну, так что же ты скажешь, Майна-Воопка? — обратился к нему Айгинто.

— Брат мой сказал правду, — густым голосом отозвался Майна-Воопка. Больше оленеводы от него не добились ни слова.

Когда высказалось еще несколько пастухов, Айгинто переглянулся с Гэмалем и сказал:

— О том, какие дела в вашей бригаде, вы еще расскажете на правлении колхоза. Ругать Кумчу будем, сильно ругать. А сейчас пойдемте, на стадо посмотрим. Слыхали мы, что ваши олени самые худые в колхозе, плохо пасете будто...

Долго ходили председатель и парторг по стаду, осматривая оленей, пытаясь вызвать каждого пастуха в отдельности на откровенный разговор. Гэмаль на ходу записывал свои наблюдения в блокнот. На одной из страниц он записал: «Все жалуются на Кумчу. Надо подумать о бригадире. Пастбища этой бригаде, кажется, выделили плохие. Подумать и об этом».

Ночевали в яранге старика Ятто. Старый оленевод вместе со своей женой угощал гостей чем мог, очень польщенный, что такие видные люди остановились именно у него. Темнокоричневое лицо его, с широкими скулами и втянутыми щеками, расписанными крестиками татуировки, с узенькими глазами в морщинистых веках, было гордым и важным.

— Правильно Воопка ругал бригадира, — степенно попыхивал он огромной деревянной трубкой, к концу которой был подвешен кожаный мешочек с табаком, железная коробочка со спичками и железный коготь для выскабливания трубки. — Справедливость любить надо, — продолжал он с видом мудреца. — Человек без справедливости все равно что человек без сердца — холодный человек. А вот кто справедлив, тот через горы и реки других людей согреть может своим сердцем горячим.

Изменив своей обычной степенности, Ятто юркнул из полога и вскоре вернулся с аккуратным фанерным ящичком в руках.

¹ Воопка — лось.

² Майна-Воопка — большой лось.

— Вот, посмотрите сюда, — пригласил он гостей торпливо отгибая гвозди, чтобы открыть верхнюю крышку ящичка. — Здесь мои амулеты, хранители моего очага. Помнишь, Айгинто, как отобрал их у меня начальник Караулин. Тревожно, очень тревожно было у меня на сердце тогда. До этого, сказать правду, я о них почти и не думал, как будто и не было их у меня. Покормлю кое-когда на большом празднике жертвенной кровью оленя, вот и все. А как унес их от меня Караулин, так беспокойство в меня вселилось. Спать не могу, есть не могу, несчастья жду. Как же это, думаю, без хранителей очага жить? Кто злых духов прогонит? Кто от злого начала уберезет? Худеть стал. Всего бояться стал. Гости мою ярангу как заразную обходили... А старуха моя даже заболела... Но вот добрый, справедливый человек спас меня...

Ятто помолчал, осторожно извлекая из ящичка закопченных деревянных идолов, отдаленно напоминавших человеческие фигуры, связки рогуллек, тронутых временем, связки звериных клыков, птичьих клювов.

— Добрый, справедливый человек спас меня, — продолжал Ятто. — Секретарь Ковалев, вот кто спас меня. Это он отобрал амулеты мои у Караулина, вот в этот ящичек спрятал и мне назад прислал. С тех пор успокоился я, старуха болеть перестала и гости ко мне снова ездят...

Из приподнятого чоыргына показалась голова мальчика лет девяти. Любопытные черные глазенки его уставились на гостей. По лицу Ятто мелькнула тень беспокойства. Он строго нахмурился и махнул рукой, как бы приказывая — исчезни! Мальчик в одно мгновение скрылся. Гэмаль и Айгинто переглянулись.

— Так это твой внук Оро! — воскликнул председатель. — Вот хорошо, что я его увидел: учительница просила меня сказать тебе, чтобы ты в этом году его обязательно привел в школу.

Лицо Ятто болезненно поморщилось.

— А может, еще годик... дома побудет. Сирота он... Мать и отец при горном обвале погибли...

— Знаю, знаю, ты же об этом уже много раз говорил, — улыбнулся Айгинто. — Смотри, перерастет мальчик... Ему уже девять лет, а он не в школе.

— Люблю сильно его... Как на целую зиму отпущу? Умру от тоски, да и она вот тоже, — Ятто кивнул головой в сторону жены.

— Любишь? — переспросил Гэмаль. — А не выйдет так, что потом внук сильно обижаться на тебя будет? Все товарищи его учатся, а он...

Ятто замахал руками, как бы умоляя: не надо, не надо об этом.

— Он и так уже замучил меня: отпусти да отпусти в школу...

— Вот видишь! — воскликнул Гэмаль.

— Давай еще чаю поьем, — промолвил старик, а сам подумал о внуке: «Не послушался, заглянул в полог! Просил же на глаза не показываться... Ай-я-яй, не жалет, совсем не жалет деда».

Наутро, когда Гэмаль и Айгинто отправились в бригаду Мэвэта, Ятто долго провожал их, просил передать секретарю Ковалеву большое спасибо.

— А когда внука в школу приведешь? — спросил Гэмаль, пытаясь заглянуть в глаза старику.

— Всю ночь не спал, — вздохнул Ятто. — Плакал даже... как женщина... Приведу... Приведу... Сильно просится мальчик.

Постояв немного, Ятто повернулся и пошел к своему стойбищу. Гэмаль долго провожал его теплым взглядом.

— Вот как в жизни бывает, — наконец задумчиво произнес он. — Внука к солнцу зовут, а дед... страдает, мучается... Постарел, быть может, на целый год за ночь.

— А я о Караулине думаю, — отозвался Айгинто, — совсем непонимающий человек! Заставил старика днем и ночью помнить своих болванчиков. Вот как получается!..

— Бестолково, совсем бестолково получается, — задумчиво отозвался Гэмаль. И тут же заговорил о другом: — Бумчу на пастбище жаловался, плохое говорит. Давай-ка с тобой собственными глазами посмотрим.

Утро разгоралось. Из-за синих зубцов Анадырского хребта взошло солнце. То там, то здесь от озера к озеру пролетали стаи уток. Часто из-под самых ног с шумом выпархивали куропатки.

Гэмаль и Айгинто, изучая пастбища, то отходили друг от друга на километр, на два, то снова сходились.

Тундра, уже прихваченная кое-где огненными красками осени, была еще в расцвете. Трава на кочках густая, зеленая. Между кочками блестели узорчатые лапки ягеля. Там, где кочек не было, тундра от ягеля казалась пятнистой, с серебристым отливом. По пути то и дело попадались небольшие озера, заросшие по берегам осокой и багульником, с резким одуряющим запахом. Нередко виднелись кусты голубики, карликовой березы; встречались места, густо усыпанные белыми грибами — боровиками; мясистые шляпки их тускло светились гладкой, словно лакированной поверхностью.

По кочкам идти было трудно. Гэмаль и Айгинто выбирали места, густо заросшие мхами. Фиолетовые, синие, темнокрасные подушки их были мягкими, нежными, как бархат.

— Как видишь, пастбища здесь не такое уж плохое, — заключил Гэмаль и тут же добавил: — Сколько озер в нашей тундре! В некоторых районах Чукотки стали уже осушать озера, а на их местах травы сеять. Вот бы у нас такое начать, сколько бы пастбищ добавилось!

— Бумчу и старые не может использовать как следует, — вздохнул Айгинто. — Вот хотя бы так, как в бригаде Мэвэта. Хорошо бережет свои пастбища Мэвэт, настоящий он бригадир.

Стойбище оленеводческой бригады Мэвэта было расположено на берегу лагуны. Стадо, жадно набросившись на зеленое пастбище, темной тучей широко разбрелось по прибрежной тундре.

С арканом, приготовленным для броска, Мэвэт бродил по стаду, присматривался к оленям.

Высокий, чуть сутулый, он шагал вкрадчиво и бесшумно, обутый в легкие летние торбазы из оленьей замши. На нем были такие же легкие замшевые штаны и бесшерстая кухлянка, выкрашенная в яркочерный цвет коры полярного дерева вирувир.

Крупное скуластое лицо Мэвэта было озабочено, внимательно. На морщинистый лоб его спускался венчик

черных волос, обрамлявший бугристую, неровно постриженную голову. Чуть повыше венчика виднелся засаленный ремешок с двумя красными бусинами.

Олени косили свои настороженные темнофиолетовые глаза на аркан в руках Мэвэта, отходили в сторону.

«Вот того пээчвака¹, с белыми пятнами на коленях, клеймом означить надо, — размышлял Мэвэт, осматривая крупного теленка, норвившего тоненькими рожками ударить важенку². — Однако хороший тыркилин³ будет. Присмотреться надо».

Рассердившись, важенка больно ударила теленка рогами, и тот, отступив, вдруг набросился на вторую важенку.

«Ай, сердитый какой, без драки жить не может!» — улыбнулся Мэвэт, не отрывая глаз от приглянувшегося теленка. А когда теленок, быстро выщипав траву на завоеванном у важенки месте, не задумываясь набросился на огромного быка, Мэвэт рассмеялся и вдруг ловко заарканил своего нового любимца. Теленок тревожно хоркнул, встал на дыбы, метнулся в сторону. Вытаращенные от испуга глаза его налились кровью. Мэвэт подтащил к себе мечущегося теленка, повалил на землю.

— А ну-ка ближе на тебя посмотрю, — приговаривал он, ощупывая спину, шею, ноги теленка, заглядывая ему в зубы. — Сильная шея, ноги сильные, а грудь, грудь какая!

Услышав позади себя чьи-то быстрые шаги, Мэвэт повернулся и увидел пастуха Раале. Лицо Раале, с узенькими глазами, с черным пушком над верхней губой, было тревожным.

— Там к тебе Чымнэ пришел. Злой очень. С тобой и с Тымнэро говорить хочет, — быстро сказал он, вытирая накомарником потную шею.

Мэвэт нахмурился. Мгновение помолчав, он ответил:

— Сейчас приду. За Аймынэ ругаться явился Чымнэ. Отпустив теленка, Мэвэт пошел к ярангам.

Многолетней была вражда между Мэвэтом и Чымнэ. Когда-то, еще до организации колхоза, Мэвэт добрых два десятка лет батрачил у Чымнэ. Хорошим пастухом был Мэвэт. Никто лучше его в стаде Чымнэ не понимал оленьей; никто лучше его не мог выбрать пастбищ, найти защищенные от ветров места для отела. Дорожил своим пастухом Чымнэ, не позволял себе грубостей с ним, как с другими батраками.

Но слишком непокорным, своенравным был характер у Мэвэта. Все чаще и чаще заступался он за батраков, над которыми издевался Чымнэ, все чаще открыто высказывал свою ненависть к хозяину.

Возненавидел Чымнэ пастуха, стал грозить, что прогонит, как собаку.

Но тут пришло такое время, когда Мэвэт и сам ушел от Чымнэ. Он первым вступил в товарищество, первым со всей страстью человека, нашего, наконец, справедливость, взялся за укрепление товарищества, а затем уже и колхоза. С тех пор вражда между Мэвэтом и Чымнэ стала еще ожесточеннее. А потом вышло так, что сестра жены Чымнэ, Аймынэ, полюбила Тымнэро, сына Мэвэта,

и уже несколько раз делала попытку порвать со своей семьей, уйти к Тымнэро.

Чымнэ важно сидел на белой оленьей шкуре, которую постелила ему жена Мэвэта. Приземистый, с широким, скуластым лицом, изъеденным оспой, на котором затерялась крохотная красная пуговка носа, казался он грузным, медлительным, мрачным.

Жена Мэвэта поставила перед мужем и гостем на фанерной дощечке фарфоровые блюдца, наполнила их чаем. Чымнэ с шумом отхлебнул несколько глотков и, наклонив, спросил:

— Где Аймынэ? Зачем ты и твой сын украли ее из моего стойбища?

— Разве я и мой сын бывали этим летом в твоём стойбище? — не спеша отозвался Мэвэт. — Как мы могли украсть что-нибудь из твоего стойбища, если ни я, ни сын мой ни одной ногой туда не ступали? — Помолчав, Мэвэт строго добавил: — Ты хорошо знаешь, Чымнэ, что Аймынэ сама к моему сыну пришла.

Чымнэ с раздражением отодвинул от себя блюдце и, не глядя на Мэвэта, сказал:

— Не забывай обычай наш: ни девушка, ни парень не могут стать товарищами по очагу без сговора их родителей или родственников.

— Сейчас многие люди стали так думать: плохой обычай словно камень на тропе. Если камень такой ноги людям сбивает, его в сторону отбрасывают, — ответил Мэвэт.

Чымнэ медленно, по-бычьему повернул голову, глянул прямо в глаза бригадиру.

— Скажи, какой наш обычай камнем лежит?

— А хотя бы вот этот — детей женить только по сговору родителей или родственников. Разве много хорошего в том, что по обычаю этому когда-то тебя женили на маленькой девочке Ровтынэ? Жена твоя еще только молодой женщиной становилась, а тебя уже стариком все считали. Я-то хорошо знаю, как ненавидела она тебя, да и сейчас ненавидит, наверное.

Этого Чымнэ уже не мог вынести. Он быстро вскочил на ноги, хотел резко ответить, но тут в ярангу вошли Гэмаль и Айгинто.

Жена Мэвэта засуетилась, вытаскивая из-за полога белые шкуры, чтобы усадить гостей. Когда Гэмаль и Айгинто уселись, Чымнэ нерешительно переступил с ноги на ногу и тоже уселся. Выйти так просто на улицу, не поговорив с гостями, значило бы откровенно показать свою враждебность. Чымнэ на это не решился.

— Слыхал я, что ты, Гэмаль, в наш колхоз совсем прискал. Верно ли говорят люди? — спросил Мэвэт, протягивая почетным гостям раскуренную трубку.

— Да. Люди говорят правду, — подтвердил Гэмаль. В это время в ярангу вошла Аймынэ, а за нею пастух Чымнэ, Кувлюк.

— Вот, хотел привести, как ты говорил, на аркане, да она сама пошла, — ослепленный яростью, сказал Кувлюк.

Чымнэ глянул ему в глаза, и пастух осекся, заметив Гэмалья и Айгинто.

Высокий, костлявый, уже не молодой, Кувлюк безвольно опустил плечи, потоптался на месте, не зная, что ему делать дальше. Длинное лицо его, с узкими бегающими глазами, было красным, потным. Тонкие, застывшие

¹ Пээчвак — годовалый теленок, бычок.

² Важенка — оленья самка.

³ Тыркилин — бык-производитель.

в усмешке губы, длинный нос и острый подбородок придавали его лицу что-то льсье.

Не меньше была смущена и Аймынэ. Шла она сюда с твердой решимостью заявить Чымнэ, что никуда из стойбища Мэвэта не уйдет, что не может больше жить без Тымнэро. Но вот в яранге оказались посторонние люди — да еще какие люди! Сам председатель колхоза Айгинто и парторг Гэмаль. «А может, это и лучше, вот взять и сказать прямо при них!» — мелькнуло в голове девушки. Но во рту Аймынэ пересохло, и она не могла вымолвить ни слова. Смуглое, миловидное лицо ее, с яркочерными в длинном разрезе глазами, казалось настолько смущенным, что Гэмаль не выдержал и, наконец, нарушил тягостное молчание.

— Наверное, у вас что-то случилось? Если я и Айгинто мешаем вам, тогда мы после придем, желанными гостями придем.

— Вы и сейчас желанные гости. Вы должны знать, что у нас случилось, — спокойно ответил Мэвэт.

Чымнэ еще раз пронзительно глянул на Кувлюка. Пастух съезжился и присел на корточки возле входа в ярангу.

Гэмаль незаметно толкнул Айгинто, он приготовился слушать. Мэвэт спокойно рассказал то, что и Гэмалю, и Айгинто было уже давно известно.

— Вот я и говорю Чымнэ, сейчас нельзя, как собаками, женщинами распоряжаться; советский закон не позволяет такое делать. Как решит Аймынэ, так пусть и будет. Правильно ли говорю я?

Гэмаль глянул на Аймынэ, в глазах которой навернулись слезы, и сказал:

— Да. Ты говоришь правильно. Пусть Аймынэ сама решает, это ее дело. Уже не один год по шовому закону люди наши живут. Чымнэ должен знать это.

Взволнованная необычайным происшествием, Аймынэ, не сдержав слез, закрыла лицо руками.

— Да. Пусть сама Аймынэ решает, — вступил в разговор и Айгинто. — Она об этом нам скажет. Только не сейчас, а потом, когда походит по улице, хорошо подумает...

Аймынэ повернулась и быстро вышла из яранги.

«И скажу, скажу все, что собиралась сказать... Все равно с Тымнэро останусь», — думала она, вытирая ладонью глаза.

Аймынэ с трудом подавила волнение и, полная решимости, направилась в ярангу Мэвэта. Но в это время увидела сестру, вышедшую из соседней яранги.

«Как, Ровтынэ тоже здесь!» — пронеслось в ее голове.

Маленькая женщина в широком кэркэре¹, с худым лицом, протянула в сторону девушки тонкие, чуть дрожащие руки. В глазах ее, скорбных, умоляющих, дрожали слезы. Аймынэ без слов поняла ее. Жалость к сестре горячей волной захлестнула ее. Растерянная, подавленная девушка в нерешительности стояла на месте.

— Идем, идем домой, Аймынэ! — услышала она тихий, полный страдания голос сестры. — Идем, если ты не хочешь, чтобы тоска, как голодный волк, съела мою

грудь. Идем домой, если не хочешь, чтобы я с молодой лунной ушла к верхним людям.

Слезы снова затуманили взор Аймынэ. Она схватила протянутую руку сестры и покорно пошла за ней, судорожно вздрагивая плечами.

— Вон, посмотрите! — вдруг вскинул руку Чымнэ. — Аймынэ с сестрой домой пошла. Теперь всем ясно, как она решила. Идем, Кувлюк.

— Хорошо. Скоро мы побываем в твоём стойбище. Аймынэ нам скажет, как она думает поступить, — немного запальчиво ответил Айгинто.

— Да, конечно, мы с ней поговорим. Она должна сама все обдумать, — подтвердил Гэмаль.

Чымнэ и Кувлюк поспешили выйти из яранги.

— Ничего, если Аймынэ действительно хочет к Тымнэро уйти, она уйдет к нему. Мы ей поможем, — сказал Гэмаль, ободряюще поглядывая то на Мэвэта, то на его жену.

— Как волк живет сейчас среди людей Чымнэ... Все назад смотрит, — мрачно отозвался Мэвэт и, тяжело вздохнув, обратился к жене: — Что ж ты сидишь, старуха. Чай нам нужен, теперь можно чаю попить как следует.

После чаю Гэмаль и Айгинто с бригадиром пошли к оленям. Скоро к ним присоединились все пастухи бригады Мэвэта. Позже всех подошел Тымнэро. Мрачный, молчаливый, он стоял чуть в стороне, безучастно прислушиваясь к словам отца, объяснявшего положение дел в своей бригаде. Гибкий, широкий в плечах, в ловко пригнанной легкой летней кухлянке, он был похож на отца. Такая же упрямая посадка головы, такие же подвижные, с твердым блеском глаза, такая же прическа, только, кроме жесткого венчика, у Тымнэро из-за ушей сползали на шею две маленьких косички.

Порой юноша ловил на себе быстрые сочувственные взгляды товарищей, но от этого ему становилось еще тяжелее. А когда он заметил такой же взгляд и у Гэмалья, то вдруг застеснялся, покраснел и, понурив голову, отошел в сторону, скрывшись где-то между оленей.

— В других бригадах по десять пастухов, а у меня восемь, — продолжал говорить Мэвэт. — Но нам хватит. За одного пастуха из моей бригады пусть пять дадут, все равно не возьму. Настоящие олени люди мои пастухи. Ни один теленок после отела у нас не пропал. Ни одного оленя за это лето волки не порвали.

— У них здесь и олени как будто жирнее, чем в других бригадах, — сказал между делом Гэмаль, обращаясь к Айгинто.

— Выпас правильный у них. Знают, когда стадо надо на ноги поднять, когда к воде подогнать, когда уложить для отдыха, — ответил Айгинто.

— План мы намного перевыполнили. Имеем уже триста пятнадцать оленей сверх плана, — отчитывался Мэвэт, ведя за собой Айгинто и Гэмалья так, чтобы они хорошо могли познакомиться со стадом.

— Да, здесь люди настоящими хозяевами себя чувствуют, — сказал Гэмаль председателю.

Спать улеглись не скоро. Зная, что Гэмаль недавно еще работал парторгом в одном из самых лучших колхозов района, Мэвэт расспрашивал о порядках в илринэйском колхозе и особенно об оленеводстве. Больше всего ему понравился рассказ о племенном стаде.

¹ Кэркэр — женская одежда из оленьих шкур, напоминающая комбинезон.

— Ай, хорошо, совсем хорошо, — сказал он с завистью. — Больших, сильных оленей разводить бы! А плохой породы пусть не будет, год за годом пусть совсем исчезает. А?

— Будет и у нас такое, — улыбнулся Мэвэту Айгинто. — Мы с Гэмалем в район писали. Часть оленей ламутской породы в этом году в твою бригаду пригоним.

Переночевав, Айгинто и Гэмаль отправились домой, в Янрай. По дороге они обсуждали то, что увидели в оленеводческих бригадах.

— Вот скоро снег упадет и пойдут наши оленеводы от пастбища к пастбищу в самую глубину тундры, — задумчиво говорил Гэмаль. — Пойдут туда, где потише ветры, где ягельники не так сильно снегом прибиты. Понимаешь, как будто все то же самое, что было и двадцать и сто лет назад...

— Зачем ты такое говоришь? — изумился Айгинто.

— А ты вот послушай дальше, тогда поймешь зачем... Пойдут оленеводы от пастбища к пастбищу, но ясно же теперь всем, что это не прежнее кочевье, как тридцать или сто лет назад, когда оленеводы тащили с собой в тундру и нужное и ненужное, все, что было в хозяйстве; когда тащились они в тундру с трудными детьми, с дряхлыми стариками. На перекочевках дети плакали, женщины плакали, богачи на батраков, как на собак, кричали, безоленные пастухи свою жизнь проклинали. А кочевые пути выбирали по гаданиям на кости оленьей лопатки. Из-за пастбищ между стойбищами драки были, кровавая вражда была, из поколения в поколение вражда переходила. А сколько безоленных батраков день и ночь в стадах кулаков мерзли, вот у таких, как этот Чымнэ?

— Да, было, такое не так давно было! — вдруг остановился Айгинто. — Вон во второй бригаде мы пастуха Гырголя встретили, видел шрам на его лице? Это, лет двадцать назад, Кувлюк его ножом ударил, когда Чымнэ как собаку его спустил, чтобы отобрать пастбище у Гырголя. Ненавидели Кувлюка батраки за то, что он у Чымнэ как бы его правой рукой был. Оттого-то он и сейчас все еще Чымнэ прислуживает, не может расстаться...

— Есть и еще один аркан, которым Чымнэ возле себя Кувлюка держит, — заметил Гэмаль. — Аймынэ за него замуж обещает отдать. Видел, как вчера привел ее Кувлюк в ярангу Мэвэта?

Оба долго шли молча.

— А все же плохие, совсем еще плохие порядки во многих наших оленеводческих бригадах, — снова нарушил молчание Айгинто. — Вот у Кумчу за всю бригаду несколько пастухов работают, а трудодни все одинаково получают. Как это называется?

— Уравниловкой это называется, — запомни это слово. — Гэмаль остановился, выбрал место посуше и уселся. — Вот о беспорядках-то нам с тобой и надо подумать. Тут много работы еще предстоит. Сколько у нас в колхозе сейчас оленей?

— С телятами пять тысяч двести сорок.

— А у илриэйцев больше пятнадцати тысяч. В три раза обогнали нас, — вздохнул Гэмаль.

— Да. Трудно догнать. Пока дойдем до пятнадцати тысяч, у них уже тридцать будет...

— Ничего, Айгинто, илриэйцев догоним, обязательно догоним, — сказал Гэмаль тоном человека, который совершенно уверен в том, что говорит. — Пока мы ходили по

тундре, я думал: надо нам начать такое дело, которого еще и у илриэйцев нету. Хороший охотник далеко прицеливается и всегда попадает. Так и нам с тобой прицеливаться надо.

— О чем все же ты говоришь? — заинтересовался Айгинто, поправляя свои стоптавшиеся набок торбаза.

— Историю мы с тобой в школе учили? Знаем, какое это старое слово «кочевник»? Как услышишь его, кажется, что тебя сразу на много веков назад бросило. Не подходит, совсем не подходит такое слово к нашим оленеводам. Не та у них теперь жизнь. А вот кое-что от старых времен все же осталось. Возьми, например, яранги.

— Не думаешь ли ты дома на колесах в тундре построить? — засмеялся Айгинто.

— Зачем на колесах? — возразил Гэмаль. — Простые, обыкновенные, как в поселке у нас, дома. В тех местах, где много кочевых путей пересекается, большие поселки строить надо. Не сразу, конечно, сделаем это, но сделаем!..

Айгинто долго молчал, задумчиво глядя куда-то вдаль.

— Какие большие мысли тебе в голову приходят, — наконец отозвался он. — Я еще не думал об этом. А, однако, надо уже подумать. На берегу мы яранги почти убрали, надо теперь и в тундре убирать.

Отдохнув, председатель и парторг пошли дальше. И вдруг их внимание привлекла лебединая песня. Они осмотрелись. Стройный косяк из двадцати лебедей медленно плыл в небе на север. Огромные крылья их взмахивали плавно, через ровные промежутки времени.

Когда лебединая песня растаяла в синем небе, Гэмаль тихо сказал:

— Хороша земля наша, Айгинто. Люблю я, сильно люблю свой край!

15

Ковалев прошелся по кабинету, остановился у окна, выходящего на бухту. Сплошная гряда льдов медленно двигалась к берегу.

Сергей Яковлевич подошел к столу, взял в руки телеграмму, прочитал ее еще раз: «Возможен заход Кэрвук тже Жди тче Крепко целую Галина».

Второй год служила Галина военным врачом на корабле. День войны застал ее в Архангельске, когда она должна была выехать на Чукотку, к мужу. Там она и была мобилизована. Второй год с величайшим напряжением следил Ковалев за судьбой своей жены. Однажды он совсем потерял с ней связь и получил тревожные вести, что ее корабль потоплен. Никто не знал, чего стоило Ковалеву это тревожное сообщение. Но Галина была спасена. И вот пришла телеграмма...

— Возможен заход в Кэрвук! — еще раз вполголоса повторил он. — Но вот забьет бухту льдами, — мимо пройдет пароход... не увижу Галину.

Медленным движением он достал из жармана трубку, закурил, подошел к столу, потянулся за второй телеграммой. Коммунисты поселка Якан просили секретаря присутствовать на отчетно-выборном собрании. Обещал. Надо поехать, — твердо решил Сергей Яковлевич. Благо здесь под боком, полчаса ходу на катере.

...Через час на катере торговой конторы, нагруженном мукой и ящиками с консервированным молоком,

секретарь отправился в Якан. С севера дул резкий, холодный ветер, загоняя в бухту пловучие льды. «Тяжелейшая ледовая обстановка», — подумал Ковалев, враждебно поглядывая на медленно плывущие к берегу ледяные глыбы. Выбирая чистые места, катер лавировал между льдинами. Чем дальше уходил он от Кэрвук, тем гуще становились льды. Порой острые выступы льдин со скрежетом царапали обшивку катера.

Ковалев находился в рубке вместе со старшиной катера Васильевым.

— Не затерло бы, Сергей Яковлевич, — тревожно оглянулся на секретаря Васильев.

— Я и сам думаю, — отозвался Ковалев. — Пожалуй, надо повернуть назад.

— Да, если затрет, директор торгбазы живьем меня съест! — сказал старшина, поворачивая катер.

Ветер крепчал. В море до самого горизонта, где клубились черные снеговые тучи, виднелись льды. Катеру все труднее и труднее было выбирать путь. Старшина Васильев невольно вел его все дальше в море, где льды были реже. «Далеко забрались, — тревожно думал он, — и несет все дальше и дальше».

Начинало темнеть. Льды все чаще и чаще царапали обшивку. Появилось несколько серьезных вмятин. Секретарь хмурился, крепко зажимая во рту трубку.

— Видишь большую льдину? — обратился он к Васильеву. — Входи в ее развилку, иначе раздавим катер.

— Значит, дрейфовать? — испуганно спросил старшина.

— Значит, дрейфовать!

Ковалев сказал это так спокойно, что Васильев не без удивления пристально посмотрел ему в лицо и повел катер в развилку громадной льдины. Выход закрыло второй льдиной. Катер очутился как бы в небольшой озерце.

— Если льдину раздавит — не сдобровать нам, — заметил Васильев.

— Берега пологие, на лед вытеснит, — не вынимая трубки изо рта, ответил Ковалев.

— А вы, Сергей Яковлевич, случайно старшиной на катере не работали? — улыбнулся Васильев. В присутствии этого человека он чувствовал себя совершенно спокойно, хотя прекрасно понимал, что опасность велика. Ковалев посмотрел на его веснушчатое лицо и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, не работал. Но ты учти, что я уже пятнадцать лет на Чукотке живу.

— А-а-а! Ну, тогда, конечно... — понимающе протянул Васильев, доставая из кармана кисет.

— Возможен заход в Кэрвук! — повторил вслух Сергей Яковлевич и так стиснул трубку, что заняли зубы. Васильев и не подозревал, что творится в душе у секретаря.

Взбузив трубку, Ковалев незаметно для старшины набил вторую. «Не может быть, чтобы все это кончилось так нелепо, — пытался он успокоить себя. — Подует южный ветер, разгонит льды, и завтра утром мы вернемся в Кэрвук».

— В рубке дежурить станем по очереди, — сказал он Васильеву, — а пока я сойду вниз.

В кубрике Ковалев прилег на спальный мешок, закрыл глаза.

— Какая нелепость! При нормальных условиях сегодня к вечеру я уже мог бы из Якана вернуться в Кэрвук.

Перед взором его стояла Галина. Стройная, с тонкими, нежным лицом, она смотрела на него серыми большими глазами. Ковалеву казалось, что никогда с такой силой не ощущал он, насколько любит жену. Вспомнилось первое знакомство, когда она была еще студенткой медицинского института; потом она стала его женой, родила дочь, а затем неожиданная разлука, когда ему снова пришлось вернуться на Чукотку по решению ЦК. Галина с дочерью должна была по окончании института к нему приехать, но... началась война...

— Нет, мы будем сегодня в Кэрвук! — Сергей Яковлевич встал и направился в рубку.

Васильев внимательно посмотрел в лицо секретаря и подумал: «Наверное, беспокоится за катер, боится, что сам я не успежу».

Секретарь сел на банку, покрытую мешками.

— Послушай, Иван Васильевич, ты очень любишь свою жену? — вдруг обратился он к старшине. Васильев удивленно посмотрел на Ковалева, смутился и, наконец, ответил:

— Да как вам сказать, Сергей Яковлевич, будто бы и грыземся иногда, а вот сейчас сердце ноет о ней. А вдруг, не к худу пусть будет сказано, что-нибудь случится?.. Как она там с детишками останется? — Васильев окончательно справился со своим смущением и добавил: — Чего таиться — очень люблю... И ее и детишек!

«И ее и детишек!» — мысленно повторил Ковалев, и вдруг ему яственно представилось крошечное существо, с пухлыми ручками, с маленьким пунцовым ротиком и еще неосмысленными серыми глазенками. Да! Это был человек! Это была его дочь! И назвали ее Леночка! Это он первый назвал ее так. «Леночка, — едва слышно прошептала тогда Галя. — Лена, Елена!» — уже вслух повторила она. А в глазах ее, на похудевшем лице, насквозь пронизанном самым теплым, самым нежным светом, светом материнской любви, было столько восторга, столько гордости, столько осмысленного и выстраданного счастья, что Ковалеву хотелось распахнуть настежь дверь дома и крикнуть на весь мир: «Люди! Посмотрите на нее! Посмотрите на женщину-мать! — И, может быть, тихо и нежно добавить: — Посмотрите на мою лебедушку... Посмотрите на маленького лебеденочка!» Она пристально вгляделась в его лицо и тихо спросила еще воспаленными от перенесенных страданий губами: «Что с тобой, милый Сережа?»

О, если бы можно было сейчас, в эту минуту, еще раз ответить ей. Он сказал бы такие слова... Он так стиснул бы ее руки! Он так прижал бы ее к своей груди! А он... Этот крошечный лебеденочек... был бы он сейчас здесь, с ним... Как бы нежно он поднял его на руки, с какой гордостью понес бы по земле... показать друзьям, соседям — людям!

В голове Ковалева, разгоряченной воображением, которое рисовало ему возможную встречу с женой, рождались все новые и новые картины прошлого. Щедрая фантазия его дополняла былые картины тем, что могло бы случиться сейчас, если бы он мог увидеть, увидеть жену и дочь вот в эту минуту.

Расстелнув «молнию» на меховой рубашке, Ковалев вышел из рубки, цепко охватил голыми руками обледенелые поручни на палубе катера.

Уже наступила ночь. Луна проглядывала меж мохнатых туч, беспорядочно, хаотически стремящихся неизвестно куда. Тусклые зеленоватые искры то вспыхивали в гранях льдов, то потухали снова. Горбатые и прямые, с острыми и тупыми верхушками, большие и маленькие, льдины, так же как и тучи в небе, двигались по морю неуправляемой, несметной лавиной, сшибаясь друг с другом, уходя в черную пучину морской воды и снова с шумом вырываясь в самом неожиданном месте. Неумолчный ледяной стук, как будто это сталкивались кости, да короткие всплески воды наполняли ночь приглушенными звуками, и они тоже как бы придавлены были неимоверной тяжестью холодных, мертвых глыб. Каскады фосфорических святлячков мелькали роями то там, то здесь, как только отрывалась освобожденная ото льдов черная вода. На севере клубилась мгла, на юге горизонт очищался. В той стороне, где находился Кэрвук, когда проглядывала луна, смутно вырисовывались седые вершины сопок.

Повернувшись лицом к ветру, Ковалев наблюдал за движением бескрайнего ледяного хаоса, уходящего куда-то во мглу. Но вот там, где небо очищалось от туч, его внимание приковала далекая звездочка. Крошечная и одинокая, она, казалось, сочувственно мигала ему, как бы желая сказать: «Понимаю, друг, как трудно тебе быть одному». Ковалев все смотрел и смотрел на эту звездочку, не чувствуя холодного мокрого ветра. И опять в воображении его вспыхивали былые картины, которые нестерпимо хотелось дополнить, а быть может, даже как-то исправить... Вот всплыло доброе, с мягкой залумчивой улыбкой лицо матери. Как живет она там, в своей сибирской деревушке? Поди, сейчас сидит у нее на коленях Леночка и спрашивает: «А какой он, мой папа? Почему я не помню его? А куда уехала мама? Уехала на войну? А почему на войну надо ехать?» Бабушка горько улыбается, прижимает маленькую внучку к груди и тихим голосом рассказывает, какой у Леночки папа, почему уехала мама.

А льды, бесконечные льды, проклятые льды, все идут, и идут, и идут, вгрызаясь друг другу в бока, расширяясь в бессмысленной ярости, утопая в черной пучине моря. Ковалев с ненавистью смотрит на льды, жадно пронизывает взглядом все вокруг: не очищается ли небо? Не поворачивает ли южный ветер? И вдруг он всей грудью припадает к поручням катера: где извивается, словно расчесанная грива, белесый туман, там какое-то новое движение, туман завихряется в спираль.

Ковалев послунывил палец, поднял его вверх: да, такое впечатление, будто между воздушными потоками происходит борьба. Возможно, рождается южак. Если бы родился этот ветер! Тогда льды снова выгнало бы из бухты, рассеяло бы по морю. Тогда к утру он был бы в Кэрвуке, и возможно... Нет! Об этом даже подумать страшно, если он не увидит ее!

16

Пароход с трудом пробивался в бухту, стараясь подойти к Кэрвуку.

Галина Ковалева стояла на палубе, не выпуская из рук бинокля. В лице ее было нетерпение, радость, ожидание.

Льды порой с грохотом и скрежетом царапали борт парохода. Галина вздрагивала и тут же прикладывала к глазам бинокль, всматриваясь в строгия Кэрвука.

Все ближе и ближе берег. Уже можно различить лица столпившихся на берегу людей. Галина, крепко вцепившись в поручни, жадно всматривается. Порой ей кажется, что она видит Сергея, но через секунду-две с горечью убеждается, что ошиблась.

Пароход причаливает к пирсам. Галина сжимает в руках заготовленный пропуск и спешит к трапу.

В райкоме, в приемной секретаря, сидела дежурная. Выслушав вопрос Галины, она окинула ее взглядом и вдруг всплеснула руками.

— Батюшки! Да вы никак жена Сергея Яковлевича?

В лице ее было столько неподдельной радости, что Галина быстро подошла к ней, схватила за руки.

— Да, да, милая, проводите меня немедленно к Сергею Яковлевичу.

— Он... его нет в поселке.

Галина беспомощно опустила на стул.

— Да вы не расстраивайтесь. Льды, вероятно, задержали... Дня через два-три приедет, — успокаивала ее дежурная. Галина медленно подняла голову.

— Через два-три часа мой пароход уходит, — еле слышно сказала она. — Проводите меня в его квартиру.

— Но она закрыта!

— Надо открыть... Попросите кого-нибудь...

...В комнату мужа Галина вошла медленно, жадно окидывая ее взглядом всю сразу. Постояла посреди комнаты, заметила на тумбочке свою фотографию, бросилась к ней, но тут же отложила ее, осмотрела стол, заваленный книгами, аккуратно застланную кровать, стены, на которых висели портреты Ленина, Сталина и большая карта СССР. В комнате было чисто, опрятно. «Все такой же!» — прошептала Галина и вдруг залилась слезами. Слезы мешали рассматривать комнату. Она подошла к окну, с мучительной тоской посмотрела на море и вернулась к столу.

Стрелка часов неотвратимо двигалась вперед. Галина быстро писала, стараясь как можно спокойней рассказать обо всем, что она перечувствовала и передумала за эти тяжелые годы...

В порту Галина узнала, что пароход задержится до утра. Обрадованная, она снова бросилась в поселок. Квартира мужа попрежнему была пуста. Чтобы заглушить тоску, Галина принялась наводить в комнате свой порядок. «Пусть, пусть хоть немного почувствует, что я здесь была», — думала она, глотая слезы.

Вскоре она снова принялась за письмо...

Была уже ночь. Галина перечитала исписанную до конца тетрадь, положила ее на самом видном месте. Разобрав постель, решила уснуть. Свет тушить не хотелось. Она чутко вслушивалась в тишину ночи, пока не уснула с мокрым от слез лицом.

...Кто-то прикоснулся к ее рукам. Открыв глаза, она мгновение всматривалась в лицо склонившегося над ней человека, затем ее губы дрогнули, она всем существом своим рванулась к нему.

— Сережа! Сережа! — повторяла она.

А Ковалев, словно боясь, что это сон, что это все может вдруг куда-то исчезнуть, замер, вслушиваясь в стук собственного сердца и сердца жены. И когда это оцепенение

прошло, он так же судорожно обнимал ее, жадно припадая к ее губам, шептал что-то невнятное. Время шло, а они никак не могли закончить свой первый; бессловесный разговор.

— Ой, да ты же, наверное, есть страшно хочешь! — вдруг встрепенулась Галина, пытаясь соскочить с кровати. Он удержал ее, а потом отпустил. Ему захотелось увидеть ее во весь рост, гибкую, легкую, плавную, как лебедушка.

Она метнулась к буфету. Ковалев снова замер, в немигающих глазах его был восторг.

— Вот здесь... кое-что есть, — суегилась Галина у буфета.

— Пить! Я хочу пить! — хриловатым голосом воскликнул Сергей Яковлевич.

Теперь они уже безмолвно смотрели друг на друга, оба на расстоянии нескольких шагов. И это тоже было их безмерным счастьем.

Жадно пил Сергей Яковлевич из стакана воду. Галина ненасытным взглядом смотрела на неширокую, но крепко сбитую, с тугими бронзовыми мышцами фигуру мужа. И вдруг на его шею она заметила родинку... Любимую родинку! И она снова припала к нему, возбужденная, раскрытая и неутомимая.

А потом, когда уже был потушен свет, между ними незримо встала маленькая Леночка. Она плыла и плыла навстречу им, в неисчерпаемых воспоминаниях, где было все — и первая улыбка ее, и первое слово, и первый шаг, и ямочки на щеках, и белокурые завиточки на висках.

А еще дальше, они лежали неподвижные, глядя во тьму суровыми глазами, потому что вдруг остро почувствовали боль пороховых ожогов войны. И чем острее казалось им счастье, тем страшнее была эта боль. Стиснув зубы, Ковалев молча слушал тихий, печальный голос жены, и перед взором его стояли столбы взрывов, окровавленные люди, в ушах слышались стоны, проклятия, и везде, куда бы он ни заглянул, видел ее — свою дорогую подругу, всем существом своим рвався в огонь, чтобы закрыть ее, оградить, уберечь от несчастья.

И когда сон попытался разлучить их, они все равно оставались вместе. Ковалеву снилось, что он идет с Галиной рука об руку по бескрайнему полю, усеянному удивительными цветами, а над ними безоблачное голубое небо, а в небе птицы — голосистые, ласковые птицы. Галина смеется, тянется кверху, и вот уже в нежных ее ладонях бьется ласточка. «Ну что ты, что ты, милая!» — приговаривает Галина, успокаивая ласточку. Ковалев смотрит на жену, и смутная тревога омрачает его. Он силится понять, что так тревожит его, и вдруг Галина куда-то исчезает. Ковалев хочет крикнуть, но голоса нет, он хочет побежать, но ноги не двигаются. И вот уже нет над ними голубого неба, лишь черные тучи, и на поле не цветы, а снег, все ползут и ползут бесконечные ленты поземки. Где-то вдали проплыла нарта, впряженная в оленя, мелькнуло чье-то лицо. «Это она! Она!» — закричал Ковалев и снова рванулся. А ноги, словно чужие, не слушаются.

На нарте Галина уходит куда-то в туман. Только едва-едва еще доносится звон подвешенного к нарте звоночка. Ковалев падает на снег. Он в отчаянье, он плачет и вдруг... просыпается.

Порывисто распростер он руки над женой, хотел стиснуть и так прижать к груди, чтобы никто, никогда, никогда не отнял ее у него. И тут при свете уже наступающего утра он увидел на лице ее улыбку. Тихая, безмятежная, улыбка то потухала, то разгоралась снова. Ковалев, затаив дыхание, все смотрел и смотрел в лицо жены и никак не мог насмотреться.

Еще никогда ему не казалась Галина такой красивой. Пышные локоны волос рассыпались на подушке, густые ресницы неподвижны. Какое-то спокойное выражение счастья, большого счастья, изведенного полной мерой, освещало изнутри ее лицо. «Как она прекрасна!» — мысленно повторял Ковалев и вдруг почувствовал страшный укол ревности. «Что это? Зачем это?» — спрашивал он себя, а взвинченное каким-то диким вихрем воображение уже рисовало ему, как сильные, красивые мужчины восхищенно смотрят на его Галю, как они улыбаются ей, и она... она... «А что она?» — шепотом спрашивает себя Ковалев и, опрокинувшись на подушку, долго смотрит неподвижным взглядом в потолок.

Медленно замирает вихрь, уже не так гулко стучит сердце. «Да, она тоже улыбается им. Но не так, нет, конечно же не так, как сейчас, во сне, улыбается мне. А мужчины... те герои, с которыми она бок о бок идет сквозь бурю войны, что ж... они даже могут любить ее, ее нельзя не любить. Но она... прежде всего расскажет им обо мне, расскажет про свою любовь. И они, те, которые настоящие, низко поклонятся ей, а ненастоящие очень скоро поймут, что притязаниям их никогда не сбыться. Да, я знаю, это удивительная сила у женщины, когда она говорит о своей любви к другому! Тогда порой даже самые грубые, самые дикие чувствуют себя укрощенными и отходят в сторону, бросая исподлобья хмурые, покорные взгляды. Но это тогда, когда она действительно любит!»

Ковалев медленно снова оторвал голову от подушки и страшно обрадовался тому, что увидел на лице жены все ту же улыбку.

«Сибиряк» задержался в Кэрвуде еще на одни сутки. Ковалевы решили провести вечер вместе с друзьями, пригласили гостей. Были здесь и супруги Васильевы. За столом слышались шутки, смех. Громче всех шутил Лев Борисович Караулин. Он подталкивал своего соседа-чукчу, инструктора райкома партии, просил его спеть по-чукотски.

Немного охмелевший, Васильев взял за руки свою дорогую жену с миловидным, добрым лицом и обратился к Сергею Яковлевичу:

— Не верит она, что мы с вами очень серьезно о любви говорили, когда нас во льдах затерло.

Ковалев засмеялся.

— Истинная правда, Клавдия Матвеевна, — подтвердил он. — Скажу по секрету: любит он вас... очень любит.

— Песню, товарищи, песню!.. Сергей Яковлевич, вашу любимую! — предложил Караулин, подымаясь из-за стола.

— Спойм, Серезжа! — шепнула Галина, крепко сжав его руку.

И они запели. Песня их сразу всех покорила. Никто не решался проронить ни слова.

Дывьюсь я на нэбо
Тай думку гадаю,
Чому ж я нэ сокил,
Чому ж нэ литаю?..

Мягкий, задушевный басок Ковалева и чистый, богатый какой-то особенной проникновенностью голос его жены были так удивительно слиты воедино, что всем невольно подумалось: знать, и жизнь-то у них вот так же слита, так же прекрасна и полнозвучна. И еще невольно всем думалось, что один из этих голосов может вдруг где-нибудь оборваться, и тогда... умолкнет чудесная песня.

Песня подымалась подобно соколу, о котором говорилось в ней. Жена Васильева, до боли сомкнув сильные свои руки, словно замороженная, смотрела на поющих. Когда песня кончилась, какое-то мгновение все молчали.

— Ах, и песня! — воскликнул Караулин. — Друзья! Понимаете? Сам себе соколом кажешься.

Лев Борисович вышел из-за стола и потребовал:

— А ну!.. Русскую!

Кто-то схватил гитару, кто-то пустился в пляс, задрожали в окнах стекла, заплывали половицы.

— Товарищ секретарь!.. Сергей Яковлевич! — вдруг притонул Караулин перед Ковалевым.

— Что ты, что ты, Лев Борисович! — замахал тот руками. — Да я... не умею... Никогда не плясал.

— Нет, нет, товарищи, Сергей Яковлевич пляшет! — неожиданно вырвалось у Галины. — Он просто думает, что ему не солидно... — Огромные глаза ее светились горячо, возбужденно.

— Просим!.. Сергей Яковлевич, просим! — закричали гости.

Ковалев заколебался. Вспомнилось, как в юности, прозванный за мастерскую пляску «цыганком», он, бывало, пускался в лихой пляс по первому зову гармоники.

— Э-эээх! — вырвалось у него из груди, и ноги, послушные ритму лихого перепляса, пошли удивительно легко.

— Ай, мать честная! — выкрикнул Караулин и ринулся было в круг, но его удержали. А Ковалев плясал самозабвенно, с молодой, заражающей удалью.

— По-ррусски! — подналег на «эр» Караулин, и его уже никто не мог удержать на месте.

— По-ррусски! — ответил ему Ковалев.

Галина Николаевна, крепко ухватившись за спинку стула, не отрывала взгляда от мужа.

«Как хорошо, что собрались сюда эти замечательные люди, как хорошо жить на свете!» — думала она, стараясь всеми силами заглушить мысль, что завтра уже расстанется с мужем.

17

По вызову района группа янрайцев во главе с Гэмалем и Айгинто прибыла в Кэрвук.

Поездка эта в районный центр для Айгинто и Митенко была особенно знаменательной: они были приняты в кандидаты партии.

— Теперь у вас целая партийная группа, — сказал Ковалев янрайцам. — Сумеете ли вы сделать так, чтобы в сельсовете вашем, в колхозе вашем каждый человек

ощутимо почувствовал, что у вас создана партийная группа?

— Надо суметь, обязательно надо суметь, — сдержанно ответил Гэмаль...

— Я думаю, что сумеете. А теперь хочу вас порадовать. — Секретарь помедлил, заглянул в какую-то ведомость на столе, поставил в ней птичку красным карандашом. — В район к нам присланы моторы, моторные вельботы, есть даже катера. Оружия много пришло.

Янрайцы затаили дыхание. Айгинто даже чуть приуныл. Черные глаза его, казалось, стали еще жарче.

— Так вот, на заседании райисполкома решили выделить вашему колхозу два руль-мотора, два моторных вельбота и двадцать охотничьих карабинов.

— Два вельбота! Два мотора! Двадцать карабинов! — в один дух выпалил Айгинто, соскакивая со своего места.

Схватив Гэмалья за плечи, председатель потряс его и, не зная, что делать со своей радостью, почти выкрикнул:

— Ты слышишь, Гэмаль, а?

— Да, да. Вот тут так и написано, на машинке напечатано: два руль-мотора, два вельбота моторных и двадцать винтовок, — скороговоркой ответил Гэмаль, заглядывая в ведомость, где стояла птичка, поставленная красным карандашом.

Ковалев смотрел на взволнованных янрайцев и радовался вместе с ними. Свежевыбритый, в новой гимнастерке полувоенного покроя, сегодня он выглядел как-то по-особенному молодым, без тени усталости. В глубине его темных глаз светились веселые искорки.

— Я думаю, что если все это добавить к той технике, которая у вас имеется, то илирэйцев догнать уже будет на чем.

— Ай, если бы катер еще! — воскликнул Айгинто. В голосе, в лице его, кроме искренней радости, чувствовалось еще что-то такое, что можно было назвать разгорающейся жадностью.

— Большой аппетит у тебя, Айгинто, — от души рассмеялся Сергей Яковлевич. — После катера тебе и парохода захочется?

— Нет, парохода пока не надо, — смущенно улыбнулся Айгинто. — А вот шхуну — да... не мешало бы, совсем не мешало бы.

На этот раз расхохотались Гэмаль и Митенко.

— Вот это масштабы! — воскликнул съездом хохот Митенко.

— Зачем смеетесь, почему смеетесь? — возмутился Айгинто. — Я знаю, хорошо знаю: и ты, Гэмаль, и ты, Петр Иванович, катер и шхуну хотите.

— И я тоже хочу, — улыбнулся Сергей Яковлевич. Немного помолчав, он добавил уже другим тоном: — Теперь посмотрите сюда, на эти черные ненавистные флажки на карте. Видите, где они? Очень трудно нашей стране, но она, как и прежде, заботится о далеких чукотских колхозах. Так вот, когда вы будете на этих моторах и вельботах работать; — помните об этом!.. А теперь идите знакомиться с вашей новой техникой. Зайдите в райисполком к товарищу Караулину, он вас проводит... А Петра Ивановича попрошу остаться.

...Караулин зашел в районную торговую контору: ему нужен был пропуск янрайцам на склад, где хранилась привезенная из Владивостока техника для чукотских колхозов. В конторе было много людей. Все они как один

смотрели на карту, висевшую на стене. Караулин сразу понял, что здесь идет спор.

— Все равно немцы не возьмут Сталинграда! — кричал толстенный, с красным лицом мужчина.

— Послушайте вы, они его уже почти взяли! — возразил ему Шельбицкий, отрывая свой взгляд от карты.

— Вот именно, только почти! Они и Москву в свое время брали только «почти», однако всем известно, что из этого получилось!

Толстяк уставился насмешливыми глазами в Шельбицкого.

— Э, нет, извините! У Москвы была совсем другая ситуация: немцы, насколько мне известно, в Москву не входили, — повысил голос Шельбицкий.

— Ну, а хотя и возьмут немцы Сталинград, что же, по-вашему, это будет конец, катастрофа!

— Ну зачем же такие громкие слова? — поморщился Шельбицкий. — Вот как раз я и хочу сказать, что не вижу конца всему этому. Нас, с нашими людскими резервами, победить, разумеется, невозможно! Но в то же время, как вам известно, немцев в Германии не так уж мало. Каждый год у них прирост в армию их юношества в один миллион во всяком случае будет. Посудите сами... — Шельбицкий взял счеты, привычно встряхнул над ними расслабленной художочной кистью руки.

И тут случилось непредвиденное. С места встал никем не замеченный до сих пор заведующий складами Савельев, вырвал из рук Шельбицкого счеты и с яростью грохнул их об пол.

— Тряпка, слюнтая. Забыл ты, товарищ бухгалтер, что косточки на счетах это одно, а советские люди — совсем другое!

Шельбицкий отшатнулся назад. На лице его отразилось смятение.

— Я простой человек, я не умею с такими, как ты, слюнтаями дипломатию разводить. А вот по роже тебя съездил бы с удовольствием! — Савельев замахнулся, крепко стиснув зубы.

Шельбицкий закрыл лицо руками, метнулся в сторону.

— Помилуйте! Я ничего такого не сказал, я же ясно заявил: «Нас победить невозможно!» — почти истерически воскликнул он и спрятался за широкую спину Караулина.

— Ай да товарищ Савельев! — воскликнул во всеобщей тишине Караулин. — Правильно! Так их, паникеров, пусть не распускают слюни!

Шельбицкий испуганно шархнулся прочь от Караулина в другой угол.

Через несколько минут Караулин шел вместе с Савельевым к торгбазовским складам.

— Заждались, наверное, нас янрайцы... А Шельбицкого этого ты проучил правильно, вижу — у тебя прямая, русская натура, я сам такой! — громко говорил Караулин, поглядывая на Савельева.

— Понимаешь, не выдержал, Лев Борисович. И ноет, и ноет, просто душу вытягивает. — Савельев с презрением сплюнул. — Если бы там, на фронте, все такие были, как он, то, глядишь, немцы уже и до Чукотки докатились бы.

— Нет, нет, товарищ Савельев, на фронте люди не такие! — Караулин на мгновение остановился. — Там люди такие вот, как мы с тобой: стиснут зубы и вперед,

в самое пекло! Неважно, сколько встанет перед ним немцев — один или сто!

Савельев приветливо поздоровался с Гэмалем и Айгинто, открыл ворота в ограду, за которой стояли склады.

— Вот эти два с краю, с голубой каемкой, — ваши! — показал широким жестом Лев Борисович на вельботы.

Айгинто немедленно забрался в один из вельботов, устремился к мотору.

— Ай, хорош! И мотор, сразу видно, хорош! — приговаривал он, похлопывая ладонью по мотору.

Гэмаль медленно шел вокруг вельбота, осторожно поглаживая его борта руками. Глаза парторга были мягкими, теплыми.

А. Митенко все еще беседовал с секретарем райкома.

— Так вот, Петр Иванович, хорошо подумай над нашим предложением, — говорил ему Ковалев. — Пушкину ты знаешь прекрасно. Лучшей кандидатуры на должность районного пушника мы и желать не можем. Главное в том, что лучше тебя никто не сможет поднять культуру охоты в тех колхозах, которые мы тебе поручаем. А валюта нам необходима. Война, Петр Иванович, быть может, еще только по-настоящему начинается!

— Все это я понимаю, Сергей Яковлевич, — вздохнул Митенко, — да вот только боюсь, справлюсь ли?

— Справишься, обязательно справишься: ведь ты же теперь коммунист!

— В том-то и дело, что коммунист. Ответственность огромная. Но не думайте, что я испугался этой самой страшной штуки — ответственности; назначение я, конечно, готов принять.

Секретарь внимательно посмотрел в лицо Митенко и вдруг как будто сейчас только заметил, насколько он постарел.

— Вот только плохо со здоровьем у тебя, Петр Иванович. Помнишь, на сердце жаловался? Трудно тебе будет в постоянных разъездах.

Митенко сдержанно вздохнул и сказал:

— Сейчас такое время, что сердце можно успокоить только работей до седьмого пота.

Немного помолчав, добавил:

— А позволь узнать, кто на мое место в магазин янрайский послан будет? Надежный человек? А то покупатели у меня хорошие, доверчивые, к порядку, так связать, привыкли.

— На твое место районная торговая контора посылает как будто опытного человека, охарактеризовали мне его с самой лучшей стороны. Фамилия его Савельев.

— Слышал. Мужик, говорят, дельный. Был в его складах. Порядок, как говорится, отменный. Пусть будет так, — согласился Митенко.

— Ну, вот хорошо! — Сергей Яковлевич встал, широко взмахнул рукой, прощаясь с Митенко.

Солнцева сидела в своей комнате за обедом. Вдруг дверь отворилась, и на пороге показался старик Ятто, подталкивая впереди себя мальчика.

— Это мой внук! Имя его — Оро! — громко отрекомендовал он еще с порога.

Оля с любопытством посмотрела на парнишку. Нестриженные черные волосы его сзади были заплетены в косички; смуглое личико с недоверчивыми и немного испуганными глазами, сухощавым, правильным носом, с четко очерченными, чуть в капризном изгибе, губами было все в пятнах засохшей крови. Вылезшую, затасканную до блеска кухлянку подпоясывал узкий ремешок; на ремешке — два ножа, громадная трубка и все курительные принадлежности: небольшой мешочек из шкуры оленьего выпоротка с табаком, жестяная коробочка со спичками, железный изогнутый коготь для выскабливания трубки.

Оля покосилась было на трубку, но промолчала.

Ятто почти вплотную подвел внука к учительнице и, указывая пальцем на его лицо, заговорил громко, назидательно, даже чуть ли не приказывающе. Оля поняла, что Ятто строго наказывал ей не мыть лицо Оро до тех пор, пока сами собой не сойдут красные пятна — магические знаки, начертанные шаманом Тэкилем жертвенной оленьей кровью. Оля молчала, не зная, что ответить. Не видя ее готовности выполнить наказ, Ятто взял внука за руку и, делая вид, что в любую минуту может уйти, сказал:

— Если ты со мной не согласна, то лучше я уведу его домой.

— Зачем же так скоро уходишь? — забеспокоилась учительница. — Давай-ка чаю пошьем. А внуку твоему здесь хорошо будет.

Поразмыслив немного, Ятто согласился. Чай пил старик долго, щурясь от блаженства. Оро не отставал от деда. Когда Ятто раскуривал свою трубку, набивал трубку и Оро. Было видно, что подражать деду — для него жизненная необходимость.

Оля, откинувшись на спинку стула, полузакрыв густыми ресницами глаза, ласковым взглядом наблюдала за мальчиком. Оро чувствовал этот взгляд и постепенно становился смелее. Ятто шумно отхлебывал чай, часто вздыхал: ему было нелегко видеть, что мальчик осваивается и, видимо, так и не попросит, чтоб дед забрал его с собой.

Оля отлично понимала, что происходит как с дедом, так и с его внуком. «Пусть, пусть покурит, — думала она о мальчике, — дед уйдет в тундру, и внук привыкнет к школьным порядкам, забудет свою трубку».

Попив чаю, старик Ятто собрался уходить. Подойдя к двери, он как-то ссутулился, и Оля скорее угадала, чем заметила, что он украдкой вытер слезы. Оля невольно шагнула к нему, переполненная горячим сочувствием. Ятто медленно повернулся. Но лицо его уже было суровым и бесстрастным.

— Береги его! Я... умру... если с ним что-нибудь случится! — тихо промолвил старик.

Солнцева порывисто приложила руку к груди, и этот выразительный жест о многом сказал Ятто. Он даже улыбнулся и промолвил, обращаясь к внуку:

— У нее, как вижу, такое же доброе сердце, как у меня и у твоей бабушки: слушай ее, уважай ее...

Когда Ятто ушел, Солнцева долго думала, как ей быть с Оро, и, наконец, решила оставить его в яранге Пэпэв, а затем, когда знаки на лице сотрутся, вымыть, переодеть и поселить в интернате. Единственное, что она сделала немедленно, это взяла у Оро трубку и табак. Мальчик страшно удивился, протестующе замахал руками. Оля

попыталась объяснить ему, что курить ученикам не полагается. Оро успокоился и вскоре, казалось, совсем забыл, что у него была трубка.

Дней через десять старик Ятто снова явился в поселок Янрай. Как и в первый раз, он без стука вошел к учительнице и, не здороваясь, громко спросил:

— Если Оро хочет есть, ты даешь ему есть?

— Даю, — не скрывая своего удивления, ответила Оля.

— Если Оро пить хочет, ты даешь ему пить?

— Даю.

— А вот если он курить хочет, почему ты не даешь ему курить? Это одно и то же! Человеку курить хочется так же, как и пить и есть!

Оля была сражена логикой старика Ятто.

— Так как же? — с видом победителя спросил Ятто.

Раскурив свою трубку, он протянул ее Оро. Тот смущенно посмотрел на учительницу и вдруг просто заявил:

— Есть я здесь не разучился, без воды тоже жить не могу, а вот курить совсем не хочу.

Дело приняло неожиданный для Ятто оборот. Наступила его очередь смутиться.

— Вот видишь, Оро сам ответил на твой вопрос, — улыбнулась Оля.

Сердито кашлянув, Ятто взял протянутую учительницей трубку Оро и сказал, обращаясь к внуку:

— Глупый ты еще, не понимаешь своих желаний... — Немного помолчав, добавил: — Пойду схожу к Гэмало, просил зайти в гости.

Оро глянул на учительницу и, схватив руку деда, прижался к ней лицом.

— Я с ним пойду, а? — попросился он.

— Иди, иди, — разрешила Оля.

«Как все это необычно и как интересно, — подумала девушка, опускаясь на стул. — Какая это огромная школа, какое большое испытание, чтобы проверить, насколько человеческое у тебя сердце. Здесь можно так ошибиться, если не быть настоящим человеком...»

Оля долго сидела на одном месте, погруженная в задумчивость. И вдруг, как это часто бывало с ней, девушке стало необыкновенно весело. Подвижная, энергичная, она принялась убирать свою и без того чистенькую, уютную комнату, напевая что-то беспечное, веселое. На глаза ей попался патефон. Не долго думая, Оля схватила первую, которая ей попала, пластинку, завела патефон. Это оказался вальс Штрауса. И вдруг Солнцевой страшно захотелось потанцовать.

— Ой, как любила я танцевать! — вслух воскликнула девушка, комично всплеснув руками. — Хлебом не корми, только дай потанцовать!

Оля рассмеялась, вспомнив, как однажды в педучилище на нее нарисовали в стенгазете дружеский шарж за то, что она каждую перемену увлекала своих друзей и подруг в веселый танец.

— Вот попасть бы сейчас в танцевальный зал! — мечтательно произнесла Оля. — Так закружилась бы, чтобы аж дух захватило!

А звуки вальса неудержимо влекли ее в танец. Схватив стул, Оля закружилась по комнате. И нежное лицо ее стало по-детски наивно-восторженным.

Зима наступила внезапно. Ночью выпал снег, ударил мороз. Белизна слепила глаза. На море, до самого горизонта, виднелось хаотическое нагромождение ледяных торосов. Кое-где еще заметны были разводья, над ними стояли густые клубы пара. У берега скопление торосов казалось особенно густым. Словно тучное стадо диких белых зверей подошло к береговой черте, да так и застыло, пораженное намертво. Чем-то очень древним, седым временем ледниковой эпохи веяло от этих торосов, оцепеневших в холодном безмолвии.

Возбужденные дети бегали по поселку, радуясь первому снегу. Толстые и немного неуклюжие в своих меховых одеждах, они напоминали медвежат. В громком лае заливались собаки, соскучившиеся по нартам.

Оля Солнцева, окончив учебный день, пошла к бригадире комсомольской бригады Рутьгину. У дома Рутьгина оказалось несколько охотников, осматривавших новую нарту, которую сделал сам бригадир.

— Здорово, комсорг! — воскликнул Рутьгин, весело приветствуя Солнцеву.

— Здравствуй, бригадир, — в тон ему ответила Оля. — Рассказывай, как дела в бригаде. Сводку в райком комсомола надо посылать.

Рутьгин сразу стал серьезным. Не спеша он достал из кармана блокнот, начал листать.

— Зачем тебе блокнот? Ты же и так все отлично помнишь, — рассмеялась Оля.

— Помню, это верно, — немного смутившись, ответил Рутьгин, — зато блокнот какой! Смотри, золотые буквы, а тут вот вся азбука! — Бережно спрятав блокнот, бригадир добавил: — Ну ладно, слушай!

Рутьгин рассказывал о своих охотничьих делах так, словно перед ним стоял сам председатель колхоза, а не русская девушка, которая и след песка не отличила бы от заячьего. Ну что ж, что она не знает, где след песка, а где след зайца. Зато она знает, где тропа к сердцу охотника, которое сейчас так взволновано предстоящими большими делами. Разве они, январские охотники, не видят, как их учительница желает им удачи? Разве она не живет одними думами, одними мечтами с ними?

Все ближе и ближе первый день охоты. Председатель спешит. Он с досадой отмечает, что у него еще много бестолковой суетни. Беспощадно ругает себя. Присматривается к Гэмалю. Итти по его тропе! Не забывать об илриэйтцах. Не отстать от илриэйтцев!

Как-то пришла в Январь семья, что илриэйтцы оборудовали мастерскую и теперь сами ремонтируют испорченные капканы. Январцы немедленно переняли их опыт. На второй день возле правления колхоза была разбита большая палатка. Посреди палатки стояла на чурбане наковальня, чуть дальше горела обыкновенная буржуйка. По полу валялись испорченные капканы, цепи, охотничьи копы. Пытто и Гивэй, облаченные в фартуки из мешков, стояли у буржуйки.

— Да у вас тут мастерская настоящая! — обрадованно воскликнула Оля, входя в палатку.

Гивэй окинул пренебрежительным взглядом палатку.

— Ну и сказала ты, Оля, разве это мастерская? Вот когда я на полярной станции работал, вот там была мастерская. Столько инструментов разных! Точило само

крутится! Электричество его крутит. Станки железо, как дерево, режут!..

— Почему же ты ушел оттуда?

Гивэй нахмурился и сказал, не глядя на Олю:

— Нос свой куда не следует совал. Руку себе чуть не оторвал машиной. Сильно хотелось мне знать, что внутри машины имеется. Совсем еще глупый был. Без спросу в машины лез. Механики побоялись меня в мастерской оставлять. Пришлось уйти.

В палатку вошли Гэмаль, Айгинто и еще около десятка охотников.

— Разведчики из восточных охотничьих участков пришли! Говорят, что следы песцов на каждом шагу падаются! — громко сообщил Тиркин, желая порадовать хорошей вестью Пытто и Гивэя.

— Это вот им спасибо надо сказать, — Пытто указал рукой на Гэмалю и Айгинто. — Они песцов на наших участках задержали. Помните громкий разговор на берегу моря, когда Эчилин в свою байдару охотников звал?

— А как же, помним, конечно помним, — отозвался Тиркин. — Если бы не выставили подкормку во-время, не было бы столько песцов сейчас у нас на участках.

В палатке был и Эчилин. Сначала он хотел промолчать, но недобрые взгляды охотников заставили его отозваться.

— Зачем такие злые слова говоришь обо мне, Пытто? — обиженно сказал он. — Разве я плохого хотел колхозу? Не подумал немножко, это верно. Казалось мне, что с подкормкой песцов еще подождать надо.

Эчилину никто не ответил.

На буржуйке закипел чайник. Откуда-то взялись кружки, блюдца. Началось чаепитие. Охотники шумно отхлебывали чай, возбужденно обсуждали свои охотничьи дела.

— Радоваться нам, конечно, есть чему, — заметил Гэмаль, — но есть чему и печалиться.

Охотники выжидающе умолкли.

— Много еще у нас беспорядков, — продолжал Гэмаль. — Вот Нотат с Иляем чуть не подрались из-за охотничьих участков. Каждый старается, чтобы поближе к дому было, чтобы чаще на ночь домой приходило.

— Иляй боится, чтобы жену у него ночью кто-нибудь не украл, — пошутил один из охотников.

Гэмаль на миг смутился, подозрительно глянул на шутника.

— Я вот боюсь, что не один Иляй думает каждую ночь с женой в теплой постели спать, — вздохнул Айгинто.

— Да. В доме или яранге песка не поймашь, — вздохнул и Пытто, протягивая Гэмалю трубку.

— А вот Эчилин совсем свой участок оставил. Куда-то в тундру приманки увез, — сообщил Гэмаль. — А Тиркин плохо свои приманки замаскировал. Волки их почти совсем прикончили. Весь труд зря пропал.

Охотники недовольно зашумели.

— Некоторые охотники своих молодых собак до сих пор ни разу в нарту не запрягли, — сказал Айгинто. — На чем они к капканам ездить будут? Весть до меня такая дошла, что илриэйтцы в свои охотничьи избушки на самых дальних участках на целую зиму свечей, спичек, керосину, чаю, табаку привезли... Все это закупили на каждую бригаду, чтобы не ездить с участков своих

зря в поселок. А у нас что получается? У нас некоторые бригады даже дров не смогли заготовить на всю зиму. Видите, сколько еще неполадок у нас?!

— Вот почему я и говорил, что нам есть чему радоваться, но есть и чему печалиться. — Гэмаль поднялся. — Мы не маленькие дети. Преждевременная радость может нас незрячими и глухими сделать. Я думаю, это всем понятно. И, пожалуй, сегодня нам хватит разговаривать. Через три дня ставим капканы!

Охотники покинули палатку. Через три дня ставить капканы!

Пыто снова вытащил из буржуйки раскаленный добела кусок железа, а Гивэй взялся за молот.

— А все ли молодые охотники умеют как следует ставить капканы? — обратился к председателю Митенко. — Я так думаю, поведу-ка их на участки, проверю всех до одного...

— Правильно, Петр Иванович, веди их на участки, — одобрил Айгинто.

Безграничны снежные просторы. Чиста и ослепительна их белизна. Далеко вокруг заметны замысловатые узоры песцовых следов. Петр Иванович Митенко, отдавший более половины жизни охотничьему промыслу, ведет за собой молодых охотников, заставляет читать следы.

— А вот этот след, как по-вашему, какой давности?

— Так думаю, что песец этот еще утром здесь пробежал, — ответил пятнадцатилетний юноша Эттын.

— Почему? Объяснить надо! — строго требует Митенко.

— Потому, что ночью поземка была. А эти следы совсем не засыпаны.

— Хорошо, — скупо похвалил Петр Иванович. — А ну-ка покажи, как ты будешь заряжать свои капканы. Эттын с готовностью приступает к делу.

Один за одним заряжают капканы парни. Митенко придиричив. Но на него никто не обижается.

— Глубоко лунку выкопал. Слишком толстой пластинкой капкан прикрыл. Капкан не разрядится — песец уйдет.

Юноша выкапывает новую лунку, выскабливает из слежавшегося снега другую пластинку.

— Вот теперь правильно, — одобряет Петр Иванович, и сам думает: «Хороший охотник из этого парня выйдет! Ловкие руки у него. Старания тоже много...»

Вечером Митенко зашел к председателю колхоза, поделился своими мыслями, на кого из охотников-юношей можно больше всего положиться.

— На Эттына у меня большая надежда, хороший охотник будет.

Когда Митенко ушел, Айгинто поставил в списке охотников против имени Эттына большую птичку карандашом, задумался, в какую бригаду его направить — к старикам, у которых он мог бы многому научиться, или к комсомольцам.

— Пусть со стариками немного побудет, — решил он, — молодых охотников учить надо...

В комнату неожиданно вошел старик Анкоче. Айгинто удивленно глянул на него, пригласил сесть. Анкоче уселся на шкуру белого медведя.

— Все в поселке только об охоте и говорят, — сказал он, всматриваясь в председателя подслеповатыми глазами. — Никогда, однако, такого волнения перед охотой

у нас не было. Вот я и то все время думаю, чем охотникам помочь... Стар стал... не могу ходить к капканам.

— Будет, будет и тебе работа, Анкоче! — осененный новой мыслью, оживился Айгинто. — Не все охотники у нас правильно шкуру песца снимают, не все верно пилки для лискур делают, учить будешь!

— Хо! Ты, однако, умеешь чужие думы разгадывать! — воскликнул Анкоче. — Как раз с этим словом я к тебе пришел. — Немного помолчав, Анкоче добавил: — Есть и еще один разговор у меня к тебе: по обычаю нашему древнему, перед охотой следует немного мяса в море выбросить, чтобы удача была. Так вот тебе надо...

Айгинто замахал руками:

— Что ты, что ты, Анкоче, говоришь?

— Ну, как хочешь, — обиженно промолвил Анкоче, — я с добрым советом к тебе пришел, хотел, чтобы охотникам нашим удача была.

После того как Анкоче ушел, Айгинто принялся писать отчет в райисполком о готовности колхоза к зимней охоте на пушного зверя. К своему удивлению, он поймал себя на том, что совет старика не выходит у него из головы.

«А что, если бросить в море немного мяса?» — мелькнула смутная мысль.

Айгинто конфузливо улыбнулся и, вдруг рассердившись, с шумом захлопнул папку.

Между тем будто кто-то нашептывал ему в ухо: «Конечно, все это чепуха, но разве тебе жалко нескольких кусочков мяса? Пусть идет на дно, пусть!» Айгинто взъерошил волосы, тяжело вздохнул.

Представив себе охотников, идущих от капканов с пустыми руками, Айгинто нерешительно встал, нашел, где хранились у матери пищевые запасы мяса, поспешно бросил несколько кусков в мешок. Жалко улыбаясь, он пугливо озирался на дверь, чувствуя себя так, словно совершил что-то необыкновенно постыдное.

Вернулся Айгинто с моря пристыженный, мрачный. Ему стало так тяжело, что он вышел на улицу, побрел по свежему хрустящему снегу вдоль берега моря.

— Кандидат в партию, председатель колхоза, а такое сделал, — шептал он и все вытирал и вытирал о кушлянку руки. — Но мне же так хочется, чтобы в эту зиму у янрайцев была удача!

Поселок, несмотря на поздний час, еще не спал. Охотники возились с нартами, некоторые из них обучали ходить в упряжке молодых собак.

«Пойду с людьми поразговариваю, — подумал Айгинто, — может, легче станет!»

Наконец пришел день, когда началась охота на песца. Рано поднялись в это утро янрайцы. В предутреннем свете выли собаки, впряженные в нарты. Громко перекликались мужские и женские голоса.

— Поть-поть! Поть-поть! — кричал кто-то на собак, заставляя их свернуть влево.

Одна за другой стремительно уходили из поселка нарты. Женщины, прижав руки к груди, с волнением провожали мужчин тревожными взглядами. Каким будет этот первый день охоты? Будет ли с самого начала у охотников удача? Не вернуться ли они домой с пустыми руками?

С затаенным трепетом подъезжали охотники к своим приманкам. Еще издали всматривались они: не мечется ли в капканах песец, не бьется ли красным пламенем лишица?

Собаки Пытто все ускоряют бег. Вот уже промелькнул мимо холм, за которым должна виднеться первая приманка. Вот она чернеет справа. Пытто вскочил на нарту. Сердце стучит так, словно он не бывалый, выдавший виды охотник, а мальчик, впервые поставивший капканы. Но что это? Почему его глаза не видят мечущегося песца? Неужели неудача? Или зверек уже замерз и его трудно отличить от снега?

Все ближе и ближе приманка. Пытто уже ясно видит — там все пусто. Но он еще не верит своим глазам, ждет чуда!

Остановив собак, Пытто подбегает к приманке, бросается перед ней на колени. «Следы песца! Вот он даже через капкан пробежал! Поземкой забило капкан, и он не разрядился».

Пытто передохнул, сорвал с головы малахай. Голова его быстро покрывалась инеем.

— Ай, какая досада! — прошептал он, не чувствуя холода.

— Чего же это я сижу, как глупая нерпа на льдине? — вдруг спросил Пытто. — Надо к другим приманкам спешить.

Заставив себя успокоиться, Пытто сбил с головы иней, надел малахай, быстро и ловко перезарядил капканы.

Подъезжая ко второй приманке, Пытто еще издали заметил мечущегося песца. Остановив рвущихся собак, охотник закрепил нарту, схватил копые.

Выбрав момент, Пытто ловким ударом ноги опрокинул мечущегося зверька на спину, быстро придавил его грудь палкой, затем встал на концы палки ногами.

Когда песец был мертв, Пытто осторожно извлек его из капкана, очистил от снега, любовно провел оголенной рукой по нежному, пышному ворсу, внимательно осмотрел маленькую мордочку зверька с черным носиком и с оскаленными зубами.

— Хорош; ай хорош песец, первый сорт будет?! — улыбнулся Пытто, чувствуя, как гулко стучит его сердце.

— Есть один! — торжественно произнес он. И, став серьезным, сдержанным, быстро зарядил капкан, поспешил к нарте.

Многие охотники из колхоза «Быстроногий олень», изменив вековому обычаю быть у приманок сдержанными, бесстрастными, шумно выражали у капканов радость или досаду. Многие из них подъезжали к приманкам, как и Пытто, с душевным трепетом.

Самый юный охотник — Эттын, который впервые поставил свои капканы, на третьей приманке не выдержал и заплакал: капканы его были пусты.

«Не сразу, не сразу удача придет! — стучали в его мозгу слова Петра Ивановича. — Песцы хитрые, осторожные, они почувствуют, что у приманок был человек, почувствуют беду. Пройдет время, они проголодаются и забудут свою осторожность. Тогда можно ждать в капкан песца».

Но Эттын так уже свыкся с мыслью, что непременно с первой же приманки снимет песца, что теперь воспринимал свои несбывшиеся мечты почти как катастрофу.

Курносое лицо его, с ямочками на румяных щеках, выглядело таким несчастным, что даже собаки, почуяв неладное, завyli громко, заунывно.

Эттын накричал на собак, тщательнo перезарядил капкан, поехал дальше.

— Ничего, еще много приманок впереди, — утешал он себя. — Все равно домой приеду с добычей.

Но и у следующих приманок капканы были пустыми. Все сумрачнее и сумрачнее становился Эттын.

— Ну что ж, сегодня не поймаю, так завтра поймаю. Все равно план выполню! — упрямо твердил он, утешая себя втайне надеждой, что хоть на последней приманке, а песца он найдет.

К последней приманке Эттын подъезжал уже к вечеру. Как ни успокаивал себя юноша, а волнение с новой силой охватило его.

«Вот беда, сердце, будто песец в капкане, бьется, — подумал юноша, прижимая руку к груди. — Не буду смотреть, пока не подойду вплотную к приманке».

Закрепив собак, Эттын действительно попытался подойти к приманке, глядя вниз, себе под ноги.

Все ближе и ближе приманка. Эттын не выдержал, сорвался с места, побежал и вдруг, замер, пораженный неожиданным зрелищем: снег у приманки разворочен, окрашен кровью. Песец вырвал цепь и ушел прочь, волоча за собой капкан.

«Как это? Почему это случилось? — Эттын беспомощно развел руками. — Цепь плохо закрепил! Не так, наверно, сделал, как Петр Иванович рассказывал!»

Горькая обида сдавила горло. Глаза, помимо воли, опять затуманились от слез.

«Плохо закрепил цепь! Песец ушел, ушел песец! Если бы хорошо закрепил цепь — с песцом домой вернулся бы. Но куда он ушел?..»

Эттын быстро вытер руками глаза, всмотрелся в хорошо заметный след песца. Снег по его следу был исцарапан капканом. То там, то здесь адели пятна крови.

Решение созрело мгновенно: надо догнать песца. С капканом он далеко уйти не мог. Эттын побежал к собакам.

Быстро темнело. Собаки то и дело сбивались со следа, бросаясь то влево, то вправо, выбирая более свежие следы. Эттын кричал на собак, направляя их по нужному следу. Порой он привнимал снежный заструг за песца, соскакивал с нарты, задыхаясь, бежал рядом с собаками.

Дальше и дальше мчалась нарта по следу.

«Найду, пусть всю ночь проезжу, но найду!» — упрямо твердил юноша, погоняя собак. Ему представлялось, как он приезжает домой с песцом, как подбегает к нему бригадир Рультын, берет в руки зверька и торжественно говорит:

«Вот смотрите, наш самый молодой комсомолец в первый же день охоты поймал песца. Хороший охотник Эттын! По-настоящему помогает фронту Эттын!»

А тьма все сгущалась. Дальше ехать на собаках по следу было уже невозможно.

Не задумываясь, Эттын остановил собак, закрепил нарту.

«Найду, все равно найду!»

Нагибаясь все ниже и ниже, Эттын шел по следу песца. Все дальше и дальше позади оставались собаки. Глядя на удаляющегося хозяина, они выли тоскливо, протяжно, на разные голоса.

Над сопками взошла луна. Снег загорелся тусклыми зелеными искорками. Эттын ускорил шаг. Один холм перевалил юноша, другой. Вот русло какой-то речки.

«Постой, где же я? Так это же, кажется, речка Понтавээм? Неужели я так далеко ушел?»

А след уводил дальше и дальше. И вдруг Эттын остановился: на противоположном берегу неширокого рукава реки лежал песец с капканом на задней левой ноге.

Эттын протер глаза, тряхнул головой — не чудится ли? Но песец — на прежнем месте. Издав дикий, победный крик, Эттын бросился к песцу, но тут лед под ногами затрещал, и юноша по колено погрузился в воду. Он инстинктивно рванулся назад. Но песец, тот самый песец, которым Эттын бредил добрых полмесяца перед началом охоты, был так близко, что если ступить еще шаг, то он уже очутится в руках.

Эттын сделал шаг и еще два шага. Схватив песца, он бросился назад, не выбирая дороги: все равно торбаза и меховые штаны были уже мокрыми.

Рассмотрев жадными глазами при лунном зеленом свете мертвую морду песца, Эттын побежал к собакам.

Торбаза насквозь не промокли, но шерсть на них покрылась льдом.

— Не страшно, — бодрился Эттын, — если быстро бежать, ногам ничего не будет!

Что ему был сейчас лед на торбазах и штанах, когда за спиной у него висел настоящий песец!

Порой юноша останавливался и смотрел песца.

«Шерсть у него не совсем темная, наверно самый низкий сорт, — неожиданно кольнула неприятная мысль. — А может, это от лунного света кажется?»

Трещит от мороза лед на озерах. Еще заметный востер обжигает лицо. Эттын спешит к собакам. Черная тень стремительно скользит перед ним по искрящемуся снегу. Эттын, не чувствуя усталости, по-мальчишески выкидывает ногами, стремясь перепрыгнуть собственную тень.

«Ого-го-го-го, люди! — хочется крикнуть ему так, чтобы услышал весь мир. — Эге-ге-гей, люди! Смотрите, я поймал песца! С сегодняшнего дня я охотник! Я уже начал выполнять свой план!»

Дома Эттына ждали с нетерпением и его мать Рочгина, и отец Тиркин, и восьмилетний братишка Тэюкай.

— Рультын только что приехал, двух песцов привез! — запыхавшись от бега, сообщил отцу Тэюкай. — А у тебя только один. Ну, ничего, скоро Эттын придет, может сразу трех песцов привезет.

Тиркин засмеялся, шутливо дал сыну подзатыльника, приказал пробежать по поселку, узнать, кто еще прибыл с охоты и с какой добычей. Тэюкай с восторгом бросился выполнять приказание.

Охотничьи новости молниеносно облетали все дома и яранги.

— Пыныч снял с капканов сразу двух песцов! — кричал чей-то тонкий, взволнованный голос на краю поселка. В сумерках возбужденно перекликались дети, лаяли собаки, слышались шутки прибывших с охотничьих участков мужчин.

Вскоре в поселке стало известно, что все охотники, за исключением Иляя и юноши Эттына, принесли по одному, по два песца. Правда, Эттын все еще не возвратился с охоты, ну, а Иляй, как выяснилось, совсем не выходил на

капканы. Но этого было еще мало. Пытто, побывавший на участке Иляя, не обнаружил там ни одной приманки.

— Нет приманок на его участках! — взволнованно объяснил он собравшимся вокруг него охотникам. — Я следы смотрел, не видно было, чтобы приманки волки растаскали.

Охотники возмущенно зашумели:

— Выгнать надо его из колхоза!

— Ну да, конечно, выгнать лентяя из колхоза!

— А ну, пойдем к Иляю! — предложил охотникам Айгинто.

Иляй сидел у горящего костра с мрачным видом.

— Ты почему сегодня не выходил на капканы?! — налетел на него Айгинто.

Иляй отвернулся в сторону и промолчал.

— Почему на твоих участках совсем нет приманок? — спокойно поинтересовался Гэмаль, присаживаясь рядом с Иляем на корточках.

Тэюна сидела тут же, у костра. Она, не мигая, смотрела на Гэмалья. В похуевшем лице была горькая обида и упрек. Сердце у Гэмалья болезненно сжалось. Он вдруг почувствовал к ней непреодолимую жалость. Ему хотелось сказать ей немедленно, тут же, при всех, что-нибудь теплое, утешающее. Заметив на себе мрачный взгляд Иляя, Гэмаль смущенно кашлянул и повторил свой вопрос.

— Сам сожрал приманку! С Тэюна, вместо песцов, ее сожрали! — сердито отозвался Иляй.

— Но где же твое мясо, заготовленное для пищи на зиму? — удивленно спросил Гэмаль.

— Зачем вам знать это? Чего вам от меня надо? — с озлоблением выкрикнул Иляй. — Не вы голодать будете, я сам голодать буду...

— Ты забыл, что у тебя жена, она тоже есть хочет, — мягко заметил парторг.

— А чего это ты так о моей жене беспокоишься? — с вкрадчивым ехидством спросил Иляй.

Слезы брызнули из глаз Тэюна. Она закрыла лицо руками. Наступило томительное молчание. Иляй тяжело вздохнул и вдруг тихим, виноватым голосом спросил:

— Вам интересно знать, куда я свой зимний запас мяса дел?

— Да. Нам это интересно знать, — подтвердил Айгинто.

— Я его пропил, — честно сознался Иляй.

Снова наступило молчание.

— Когда же ты, Иляй, другим человеком станешь? — нарушил молчание Гэмаль.

— Наверно, никогда другим не стану, — с неподдельной печалью ответил Иляй. — Вот как ни стараюсь другим стать, а никак не могу. Сам себе противным стал. Таким, наверно, и подохну. Вот скоро жена уйдет от меня...

— И уйду. Конечно, уйду! — с отчаянием воскликнула Тэюна, вытирая руками заплаканное лицо.

— Вот видите, — как бы жалуясь, сказал Иляй. — Уйдет наверно. Давно уже твердит мне об этом. Тогда я совсем пропаду. Не смогу жить без нее...

— Вот что, Иляй, правление колхоза за приманки тебя, конечно, поругает как следует, — тихо сказал Гэмаль, стараясь не смотреть на Тэюна. — Готовься к ответу. А сейчас пойдем со мной. Для пищи я тебе дам

часть своего запаса нерпичьего и оленьего мяса. Думаю, что потом ты сумеешь вернуть его мне.

— Ничего он не вернет, — сквозь слезы сказала Тэюнэ.

— Как не верну, обязательно верну, — робко возразил Иляй.

Охотники один за другим вышли из яранги. Оставшись одна, Тэюнэ заплакала горько, навзрыд, не пытаясь унять слезы.

Когда Иляй вернулся домой с мясом, Тэюнэ все еще плакала. Она не взглянула на мужа, не притронулась к принесенному мясу. Иляй присел на корточки у костра, закурил трубку. Острая жалость к Тэюнэ мучила его. «Плохой муж попался Тэюнэ, свверный муж, тяжело ей, — думал Иляй, искренне сочувствуя горю жены. — Надо сказать ей что-нибудь, хорошие слова сказать. Издалека начать, чтобы не обидеть».

— Да, несчастный ты человек, Тэюнэ, — вздохнул он.

Тэюнэ резко встала на ноги и, метнув в Иляя гневный взгляд, вышла из яранги.

Иляй растерянно улыбнулся. Лицо его стало жалким, сконфуженным.

У ног Иляя улегся старый пес с мохнатой головой и клочковатой шерстью.

— Ну что, Утильгин? Наверное, жалко тебе меня? — обратился Иляй к своему верному другу. Утильгин повилял хвостом и, встав, положил свои крупные лапы с пригнутыми когтями на колени хозяина. В умных, угрюмых и в то же время ласковых глазах его было что-то, напоминавшее человеческое.

— Один только ты на меня не обижаешься, — вздохнул Иляй, поглаживая большую голову Утильгина. — Однако большие, очень большие мы друзья с тобой.

Иляй никогда не имел порядочной упряжки, хотя, по общему мнению в поселке, прекрасно понимал собак. Самые лучшие охотники просили его посмотреть вновь приобретенную собаку, сказать о ней свое мнение. Если же Иляю самому удавалось приобрести собаку, то вскоре он непременно начинал приставать к охотникам, предлагая поменяться собаками. Однако не было случая, чтобы Иляй пытался променять своего Утильгина. Редко запрягал он его в нарту. Только тогда, когда требовался особенно опытный передовик, Иляй прибегал к помощи своего друга и не раз из самых далеких стойбищ, сквозь кромешную тьму, сквозь пургу безошибочно приезжал в поселок, полностью полагаясь на Утильгина.

— Пойди позови Тэюнэ домой! — попросил Иляй Утильгина и слегка подтолкнул его.

Пес выбежал из яранги. Тэюнэ сидела на камне. Утильгин подошел к ней, мягко взял зубами за рукав.

Тэюнэ вздрогнула. Заметив Утильгина, она улыбнулась, обняла его голову.

— И за что ты только так любишь этого Иляя? — сказала она, смахивая со щеки слезу. Но тут до ее слуха долетел чей-то радостный голос.

— Люди! Бегите в правление! Эттын с охоты при- был. Эттын голубого песца принес!

Тэюнэ встала и облегченно вздохнула: удача самого юного охотника обрадовала и успокоила ее.

— Вот мальчик Эттын домой с голубым песцом вернулся, а ты, как морж на льдине, на шкурах валяешься, — громко сказала она мужу и поспешила в правление колхоза.

Иляй выглянул из яранги.

— Эттын принес голубого песца? — изумленно спросил он и вдруг почувствовал, что ему нестерпимо хочется пойти в правление колхоза, посмотреть на дорогого, редкого песца, но Иляю было стыдно показаться на глаза людям. Досадливо почесав затылок, он снова спрятался в ярангу.

— Понимаешь, Утильгин, дело какое: мальчик Эттын принес голубого песца, — обратился он к своей собаке.

Утильгин что-то пророчал в ответ. Иляю почудился в его голосе упрек.

— Везет же людям, — с завистью промолвил Иляй. — А вот мне никогда не везет. Но все же, однако, надо за охоту браться. Стыдно людям на глаза показываться. Может, и мне будет удача.

А в правлении колхоза, при ярком свете двух тридцатилетних ламп, охотники с волнением осматривали голубого песца. Здесь был почти весь поселок. Даже древний старик Анкоче пришел порадоваться удаче молодого охотника.

— Это добрый, очень добрый знак! — изрек он во всеобщей тишине после осмотра песца. — Быть в эту зиму хорошей удаче охотникам нашим.

Эттын, важный и в то же время смущенный, пошмыгивал маленьким носиком, победно, не без чувства превосходства посматривал на своих друзей-комсомольцев. Ему хотелось сказать, что темный цвет песца он сначала принял за низкий сорт, но во-время раздумал: это могло принести урон его охотничьему авторитету.

Тэюнэ жаркими глазами смотрела на Эттына.

«Мальчик, совсем еще мальчик, а поймал такого дорогого песца. А что, если я, сильная, молодая, здоровая женщина, за мужское дело возьмусь? — пришла неожиданная мысль. — Чем я хуже Эттына? Пусть Иляй валяется в яранге, я пойду ставить капканы».

— Ого, это добрый, очень добрый знак! — снова услышала она голос старика Анкоче.

— Да, это добрый знак, — сказала Тэюнэ, соглашаясь с Анкоче.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В черный четырехугольник окна с ожесточением хлестало снегом: на улице бесновалась пурга. Таинственные шорохи, вздохи, далекие, приглушенные взвизгивания, посвисты разноголоса доносились в комнату.

Владимир Журба смотрел в окно. Во взгляде его, казалось, застыл немой вопрос. Сергей Яковлевич Ковалев, тяжело облокотившись на стол, перечитывал сводку Ин- формбюро. Оба молчали.

А в окно все с большим ожесточением билось что-то свирепое, косматое. Толчок особенной силы заставил

мигнуть пламя в лампе, и этот толчок вывел из оцепенения Журбу. Словно сбрасывая с себя невидимый груз, он выпрямился, мотнул головой и спросил:

— Неужели фашисты заберут Сталинград?

Голос Владимира прозвучал неестественно громко, было похоже, что нарушить молчание для него стоило немалого труда.

Секретарь райкома медленно поднял на Журбу глаза. Строгие, озабоченные, в темной глубине своей они выражали почти мучительное напряжение мысли. Владимиру даже неловко стало, что он нарушил размышления секретаря.

— Возьмут ли они Сталинград, или не возьмут, а в Берлине мы все равно будем, — негромко ответил Ковалев. Чуть пристукнув по столу кулаком, он добавил: — Да, да, непременно будем!

Секретарь снова склонился над сводкой.

За дверью послышались громкие мужские голоса, хлопанье снеговывалок. В комнату вошли Гэмаль и Айгинто.

— Вот сейчас тебе Сергей Яковлевич скажет! — едва переступив порог, выкрикнул председатель колхоза, наступая на Гэмаль. Стащив резким движением с головы огромный волчий малахай, Айгинто швырнул его на стул и снова заговорил так же громко, возбужденно: — Ты — парторг, а я — председатель. Почему такое не понимаешь? А?.. За колхоз я больше тебя отвечаю!

Черная жесткая челка Айгинто падала на его жаркие глаза. Тонкие ноздри сухощавого носа вздрагивали.

Насколько был возбужден Айгинто, настолько спокойным казался Гэмаль. Не спеша расстегнув ремень кухлянки, он аккуратно свернул его и сказал:

— Мысли твои словно пургой в разные стороны раздувает. Зачем беспокойно так разговариваешь?

Ковалев с любопытством прислушивался к спору.

— А ну-ка разденьтесь, сядьте! — предложил он.

Айгинто стащил с себя кухлянку порывисто, Гэмаль неторопливо, спокойно.

— Жаль, наша хозяйка не сможет сегодня домой вернуться, а то чайку бы попили, — сказал Сергей Яковлевич, глядя в угол, где виднелся ярко вычищенный медный чайник.

— А мы сами, — отозвался Журба. — Я думаю, Солнцева нас не поругает.

Не дожидаясь ответа, учитель вышел на кухню.

Гэмаль и Айгинто уселись рядом на кушетку.

— Ну, ну, ругайтесь дальше, — улыбнулся одними глазами секретарь, — хорошо, по-настоящему ругайтесь, а я послушаю.

— Зачем ругаться? Как так ругаться? — удивился Айгинто и, вдруг улыбнувшись, добавил: — Э, я знаю, вы шутите, Сергей Яковлевич.

— Нет, не шучу, — возразил Ковалев. — Значит, Гэмаль что-то делает не так? В твои дела слишком вмешивается? Однако ты очень недоволен Гэмалем?

— Как так недоволен? Почему недоволен? — В лице Айгинто было столько откровенного недоумения, что Ковалев не выдержал и рассмеялся.

— Вот это очень важно для меня знать, — заметил он. — А теперь все же расскажите, о чем вы спорите?

— Я говорю: выгнать надо Иляя из колхоза. Лодырь Иляй, живой человек Иляй, — заторопился Айгинто.

— Нельзя выгонять Иляя из колхоза, — не громко, но твердо возразил Гэмаль.

— Тогда беспорядки пусть будут в колхозе, да? Нет, так нельзя! — Айгинто соскочил со своего места. — Много мы уже сделали, чтобы не хуже илирнэйцев быть. Даже на четыре пса в эту декаду обогнали их. И все равно плохо это! Нам не на четыре, а на сорок песцов обогнать их надо! До конца охоты еще далеко. Илирнэйцы нас еще в два раза обогнать могут. Потому что там нет таких охотников, как Иляй. Выгоним Иляя, значит других лентяев, нарушителей дисциплины колхозной, как следует поугаем! Вот как делать надо!

— У вас часто такие разногласия получаются? — спросил Ковалев, пристально наблюдая за взволнованным Айгинто.

— Иногда ругаемся, но все равно друг друга понимаем. Так думаю, что и об Иляе договоримся. — Гэмаль улыбнулся.

— Вот когда выгоним из колхоза Иляя, тогда сразу договоримся, — упрямо твердил Айгинто.

— То, что вы вместе думаете, как лучше окончательно наладить дисциплину в колхозе, как не отстать от илирнэйцев, — это хорошо, — сказал Сергей Яковлевич. Немного помолчав, он поправил огонь в лампе и вдруг предложил: — А ну-ка двигайтесь ко мне поближе. Очень важный разговор у нас будет.

Гэмаль и Айгинто подвинули стулья ближе к столу. Лица у обоих стали озабоченными, внимательными.

— Как по-вашему, план на пса у вас большой?

— Да, да, Сергей Яковлевич, очень большой, — живо отозвался Айгинто, — с осени даже испугались. А когда еще на сто песцов прибавили, совсем страшно стало.

— Ну и как, потом успокоились? Ушел страх?

— Да, да. Ушел страх. Подумали, хорошо подумали, готовится как следует стали и теперь уверены, что хоть и большой план, а все равно выполним, обязательно выполним. Так, что ли, говорю, Гэмаль?

— Трудно, конечно, будет, очень трудно, а выполним, — согласился парторг.

— А вот как вы думаете, если еще напряженнее колхоз ваш работать будет, перевыполнить, значительно перевыполнить план сможете?

— Не знаю, Сергей Яковлевич! — Айгинто вздохнул. — Честно скажу, прямо скажу — если и перевыполним, то очень немножко. Мыши появились, псы за мышами уходят, на старую приманку и не смотрят даже, только на свежую приманку и надеемся.

— Ну, а ты, Гэмаль, как думаешь?

— Айгинто правду говорит, — помедлив, отозвался Гэмаль. — Если выполним план — это будет большая победа для нашего колхоза. Уверен я, что илирнэйцы о себе точно так же думают.

— Нет, Гэмаль, илирнэйцы сейчас немножко по-другому думают.

Гэмаль и Айгинто насторожились. «Ну, что ж, наступил самый подходящий момент сказать им самое главное!» — решил секретарь. А Гэмаль и Айгинто ждали напряженно, нетерпеливо.

— Вижу по лицам вашим, ждете вы сообщения важного, — выпрямился на стуле Ковалев. — А сообщение это будет вот какое: по поручению райисполкома и рай-

кома партии я привез вам фронтовое задание — сверх плана поймать еще триста песцов.

Ошеломленные Айгинто и Гэмаль переглянулись. Ковалев ждал, что они скажут. Но ни тот, ни другой не промолвили ни слова.

Ковалев встал, зашагал по комнате. Гэмаль и Айгинто молча наблюдали за ним. Прямой, с широкими плечами, в высоких оленьих торбах, он был знаком им до мельчайшей черточки, и все же сегодня они чувствовали в нем что-то новое.

«Какой-то не такой он сегодня. Как будто большую, сильно большую ношу поднял», — невольно пришел в голову парторгу.

Ковалев остановился возле Гэмалья и Айгинто и, посмотрев на карту, висевшую на стене, протянул руку к Сталинграду.

— Тяжелые дни у нас сегодня, друзья! Вот здесь по-прежнему такие бои идут, каких никогда, слышите, никогда на земле не бывало! Один советский боец дерется сразу, быть может, с сотней фашистов. Понятно вам, какой у бойцов наших план?

— Один советский солдат и сто фашистов, — пробормотал Айгинто, как бы подсчитывая что-то. — Большой, ой, какой большой план. Теперь мне снится это будет. Надо всем, всем рассказать завтра: один советский солдат и сто фашистов.

— А у нас на охотника всего пятнадцать песцов сверх плана, — в тон председателю промолвил Гэмаль.

Ковалев слушал Айгинто и Гэмалья и думал о том, что вот эти люди, которые всего несколько минут назад были уверены, что усилия их исчерпаны до конца, уже готовы взяться за гораздо большее, чтобы стать рядом с теми, кто бьется с врагом у Сталинграда.

— Чай готов! — весело возвестил Журба, входя в комнату с горячим чайником в руках.

За чаем между председателем и парторгом опять завязался спор о колхозных делах.

— Ты, Айгинто, очень тороплив, иногда бестолково тороплив, — говорил Гэмаль председателю колхоза. — Порядок в колхозе это тебе не курительная трубка, которую взял где-нибудь — вот она и есть. Порядок постепенно наводится, а не так: выгнал Иляя из колхоза, и все уже сделано.

— Спорьте, если нужно, даже ругайтесь, но будьте друзьями и обязательно находите решение, — посоветовал секретарь. — Я здесь проездом задержусь у вас на день, на два, чтобы кое в чем помочь. И в тундре у вас теперь будет замечательный помощник. Вот товарищ Журба, инструктор райисполкома, — мы направляем его к оленеводам вашего сельсовета заведующим Красной ярангой.

Владимир слегка смутился и, тщательно подбирая каждое слово, сказал:

— Постараюсь быть помощником. Постараюсь... Хотя это, наверное, будет нелегко.

Был он высокого роста, полный, медлительный. Лицо открытое, по-юношески округлое, с мягким улыбающимся ртом. Синевя глаз была настолько густой, что они казались темными. Во взгляде, в непотухающей улыбке его сквозило что-то такое, что выдавало в нем человека, склонного к шутке, к веселой насмешке и в то же время вдумчивого, даже мечтательного. Цепельные волосы, ка-

залось, дымилась над его головой — так они были нежны.

Внезапно дверь открылась и в комнату ввалился заснеженный Иляй.

— Учительницы нет? — спросил он, тяжело дыша.

— Нет, а что?.. Неужели она в такую пургу ушла из стойбища Валькарай сюда? — спросил Гэмаль, подымаясь из-за стола.

— Не в пургу ушла. До пурги ушла. Потому и отпустили ее из стойбища, — быстро проговорил Иляй, стаскивая с головы заснеженный малахай.

Курносое лицо его с тревожными глазками было мокро от растаявшего снега.

— Я тоже там был. Не хотел идти. Потом пурга подула. Я думать стал, сильно думать стал: дошла или не дошла домой учительница. Плохие мысли в голову полезли. Искать пошел. И вот я здесь, а ее нет.

— Плохо дело, совсем плохо! — невесело сказал Гэмаль. И тут же деловито распорядился:

— Ты, Иляй, приведи свою собаку, а сам отдохни. Собаку на хороший повод возьми. Она, если надо, иголку в пурге найдет. Я пойду с ней Олю искать.

— Я тоже! — поднялся на ноги Владимир.

— Ты человек с дороги, ты устал. Здесь будешь, — тоном, не допускающим возражения, отрезал Гэмаль. — Айгинто и тебе надо скорее большой жгут из тряпок свернуть. Возле школы бочка железная вверх дном стоит. Таз с керосином крепко к ней привяжите, зажгите факел.

Через четверть часа красное пламя факела рвалось на ветру во тьме, заполненной вздыбленным снегом. Журба, не чувствуя обжигающего ветра, стоял рядом с Ковалевым, чутко вслушиваясь в разноголосые звуки пурги. Казалось, что пламя вот-вот оторвется от факельницы и взлетит над поселком, стремительно увлекаемое шквальным ветром.

Минута шла за минутой. Владимир смотрел на факел и думал, что он похож на яростно бьющуюся в капкане лису, а перед глазами, где-то за пламенем, в едва освещенной мгле, стояло лицо Солнцевой.

Встретились Владимир и Оля год назад в Кэрвукке, на районной конференции учителей.

Неугомонная, стремительная девушка с первого же дня прибытия в Кэрвук взялась за организацию учительской художественной самодеятельности. Она бегала с эстрадным сборником, с нотами новых песен, просила учителей взяться за ту или иную роль в скетче, выучить стихотворение, принять участие в хоре. Не ушел от нее и Журба.

— Вот для вас самая подходящая роль, — налетела она на него, хотя до этого между ними не было сказано ни слова. — Вы будете играть юношу-подростка, который совершил героический поступок в тылу врага.

— Помилуйте, — взмолился Владимир. — Вы обратите внимание на мою комплекцию, мне бы вот моржа сыграть можно было бы и медведя: и белого и бурого — безразлично. А юношу-подростка... никак не могу.

Оля смерила его оценивающим взглядом с ног до головы, закусив нижнюю губу и смущенно сказала:

— Да. Пожалуй, для подростка вы крупноваты. Я как-то не рассмотрела. А знаете, вам прекрасно подойдет роль немецкого офицера. Жестокое! Ну, понимаете, такой — не человек, а зверь! Очень подойдет.

— Очень? — иронически переспросил Владимир.

— Да, да, очень. Вот попробуйте-ка сделать зверское лицо.

Владимир оскалил зубы, зарычал так, что Оля вздрогнула, и, повернувшись, ушел прочь.

— Если ты будешь таким образом определять мое артистическое амплуа, то я не только зарычу, а съем тебя, — бормотал он, не поворачиваясь в сторону Солнцева.

«Нет, немецкого офицера ему тоже не сыграть, уж слишком добродушная у него физиономия, да и потом есть в нем что-то одухотворенное. А фашист должен быть тупой, как скотина», — думала Оля. И все же она нашла для Журбы подходящую роль. Никто из учительниц не брался сыграть роль здоровой, с мужицкими замашками женщины, тети Моти. Оля пристала к Журбе словно с ножом к горлу. Как ни упирался Журба, а роль тети Моти сыграл, и по общему признанию зрителей, блестяще, потому что хохот стоял в зрительном зале клуба гомерический.

Так между Владимиром и Олей началась дружба. Они много спорили и даже ругались; заспорив однажды о недостатках чукотского букваря, они вскоре твердо решили вместе составить новый букварь, тут же взялись за работу. На конференции их всегда видели вместе. Пошли разговоры, что Журба и Солнцева до беспамятства влюблены друг в друга и скоро поженятся. Оля и Владимир смеялись, и никому из них не приходило в голову как-то определить свои отношения. Им просто вдвоем было легко, весело и интересно. Так они и расстались хорошими друзьями, договорившись писать друг другу. И они действительно переписывались. Письма их были полны шуток, споров, серьезных размышлений, и потому читать и отвечать на них как тому, так и другому было очень интересно.

И вот сейчас Журба с нетерпением ждал встречи с Олей. Порой ему чудился ее голос. И тогда Владимиру хотелось немедленно уйти во тьму, чтобы встретить девушку не здесь, у горящего факела, а там, далеко, в сугробах, чтобы взять ее за руку и повести сквозь пургу в теплый, светлый дом.

Из задумчивости его вывел Иляй. Чуть толкнув Владимира в бок, он наклонился к его уху и закричал, стремясь пересилить шум пурги:

— Оля для нас не только учитель, и доктор тоже. В Валькарай пошла большого лечить. Не так далеко. Она хорошо лечит. У меня кашель был, большой кашель. Она десять порошков мне дала. Не жадная, не пожалела! Я выпил все сразу. С тех пор не то что кашлять, чихать перестал.

Журба не отозвался. Обиженный Иляй отвернулся от него и наклонился с этим же рассказом к Ковалеву.

Оля подошла к факелу неожиданно. Тут же показался Гэмаль.

— А тревоги! Тревоги сколько здесь! — весело воскликнула девушка. — Зря беспокоились! Я уже настоящей полярный волк! Сама дошла!

«Вот они, северные будни», — подумал Владимир, пытаясь в отблесках факела рассмотреть лицо Солнцевой.

...Чай Оля пила жадно, подтрунивая над собой. Тонкое лицо ее полыхало огнем.

— Слушай, у тебя, кажется, температура, — тревожно заметил Владимир.

Солнцева быстрым движением маленьких красивых рук поправила прическу и с легкомыслием молодости, когда слова о болезни вызывают лишь пренебрежительную усмешку, ответила:

— Вздор!.. Я же сама как доктор! Какая болезнь посмеет шутить со мной!

— Ну да, конечно, — добродушно заметил Ковалев. — Иляй мне рассказал, как по твоему рецепту выпил сразу десять порошков. Теперь хвастается: не то что кашлять, чихать перестал.

Солнцева не донесла до рта блюдце.

— Неужели он сразу их? Все?.. Ведь это же сверхлошадиная доза! Я ему по три порошка в день пропишала...

— Говорит, хорошо помогло, — усмехнулся Сергей Яковлевич и внезапно забеспокоился.

— Да, чуть не забыл... У меня же тебе письмо.

Оля торопливо вскрыла конверт, отвернулась и стала читать. И вдруг плечи девушки дрогнули, и она неверной походкой вышла из комнаты в пустой темный класс.

Ковалев и Журба, пораженные, переглянулись.

— Наверное, весть о каком-то несчастье привезли мы ей, — тихим, подавленным голосом произнес Сергей Яковлевич. Владимир решительно встал и вышел вслед за Олей.

2

На второй день, чуть свет, весь поселок Янрай был взволнован новостью о том, что колхозу пришло фронтное задание: поймать сверх плана еще триста песцов.

— Где же взять их? — ворчал в своей яранге Нотат, пожилой мужчина с длинным худым лицом, расписанным по щекам крестиками татуировки. — Вот если мышь за песка принимать, тогда, может, получилось бы что-нибудь.

Кто-то поднял чохрыгин полога. В спальное помещение хлынул сизый клуб холодного воздуха. Пламя лампы замигало, едва не потухло.

— Секретарь с Гэмалем и Айгинто по поселку ходят, — послышался женский голос. Нотат узнал соседку Пэпэв.

— Убери-ка получше в пологе, — приказал он жене, — быть может, там еще есть у тебя свежее мясо оленя: хороший гость быть должен.

А секретарь действительно вместе с Айгинто и Гэмалем обходили поселок. Пурга за ночь утихла. Искрящаяся белизна снега слепила глаза до боли. Холодное солнце, закрытое радужной мглой изморози, казалось желтым, расплывчатым пятном. Над трубами домов и верхушками яранг стояли неподвижные, будто скованные морозом, столбы дыма. Тропинка вдоль поселка переметена твердыми застругами, похожими на граненый мрамор.

В расшитой меховой куклянке, в мохнатом малахасе Ковалев казался гораздо выше и толще, чем был обычно. Попыхивая коротенькой трубкой, он внимательно рассматривал поселок.

— Вот три дома еще не достроили. Будем достраивать, — объяснил Айгинто.

— Ну что ж, достраивайте дома. Только о плане своем основном не забывайте! — предупредил Сергей Яковлевич. — Вы хорошо знаете: пушнина — это танки, пушки, самолеты!

К приходу секретаря в яранге Нотата уже оказалось много людей; часть из них находилась в пологе, другая часть — в самом шатре яранги.

— Вот послушайте, какие слова от парторга сегодня слышал, — донесся чей-то простуженный голос из полога.

Ковалев поднял руку, прося тишины у людей, сидевших в шатре яранги. Охотники поняли, что секретаря заинтересовал голос, доносившийся из полога.

— «Скажите, в кого из вас хоть один песец выстрелил?» — спрашивает у нас Гэмаль. Мы даже обиделись. Почему такой непонятный вопрос? За мальчиков нас считает, что ли? Когда это бывало, чтобы песец в охотника стрелял? Посмотрел на нас Гэмаль и снова спросил: «Зачем обижаетесь? Не зря такое спросил. Там, у Сталинграда, одному нашему бойцу сто врагов убить надо. Да как убить! Если бы фашисты свои головы, как нерпы глупые, под мушку подставляли, а то они стреляют! Сами, как волки бешеные, дерутся! Так вот, может ли каждый из нас не сто, нет, а всего пятнадцать песцов, которые никогда в охотника не стреляют, сверх плана убить?» А потом Гэмаль взял да и сказал, что нам надо еще сверх плана триста песцов поймать. У нас словно языки отсохли, стыдно сказать было, что это очень трудно.

— Кто это такой замечательный агитатор? — вполголоса спросил Ковалев у Айгинто.

— Это наш бригадир, комсомолец Рультын. Он как раз и работает агитатором, — отозвался Айгинто.

— А я вот тут сейчас только, как медведь в берлоге, ворчал, очень не понравилось мне, что план настолько увеличили, — послышался из полога басок Нотата. — Хорошо, что ты слова мне эти сказал, а то в другом месте где-нибудь ворчать стал бы.

— А вот все же, как нам сверх плана триста песцов поймать? — еще вступил кто-то в разговор в пологе. — Песцов все меньше и меньше становится. Мыши появились. На мышей пошли песцы, а к приманкам не подходят.

Несколько человек, сидевших в шатре яранги, вопросительно посмотрели на секретаря.

— О важном спросил кто-то! — громко сказал секретарь по-чукотски. Люди в пологе притихли.

— Я так думаю, — продолжал Ковалев, — после проверки капканов пусть вечером люди в клубе соберутся, об охотничьих делах как следует поговорим.

...Пока Айгинто открывал собрание, пока выбирали президиум, Ковалев всматривался в лица охотников. Почти всех он знал еще с тех времен, когда работал в Янрае учителем.

«Да, надо так сделать, чтобы люди эти, как и вожаки их, поверили, что они не все еще свои возможности исчерпали до конца. Такие охотники способны превзойти самих себя, — думал Сергей Яковлевич. — Вон Нотат сидит. Я же знаю, какой он азартный ловец и стрелок! Если вступит на след медведя, неделю за ним ходить будет, а медведя все же убьет. А вон в угол забился Тиркин, самый мудрый следопыт, какого мне приходилось встречать

на Чукотке. Если захочет — песца из-под земли выкопает. А вон Пытто трубкой попыхивает. Помнится, в те времена, когда капканов сюда еще мало завозили, он свои хитроумные ловушки из дерева и ремня изобретал. Живой, беспокойный ум у этого человека, открытая, широкая душа у него. Если зажечь его — горы свернет».

А янрайцы смотрели на Ковалева и в свою очередь думали о нем как о человеке, который многолетним, упорным трудом, чистосердечностью, неподкупной честностью завоевал себе право называться их настоящим другом.

«Это он меня разговором по бумаге — читать, писать — научил, — думал Тиркин. — Он же заставил Эчилина все мои долги забыть, втолковал в башку Эчилина, что не я ему, а он мне должен, что не он меня кормил, а я его вместе с другими янрайцами-бедняками кормил».

«Первая рубашка матерчатая, которую я в своей жизни носил, была руками учителя Ковалева сшита, — пришло на память Нотату. — Хорошая была рубашка, долго я ее носил, только по праздникам надевал».

«Нам с Пэпэв секретарь Ковалев помог на всю жизнь вместе остаться, — вспоминал Пытто. — Это он сказал шаману Тэкылю, который хотел на Пэпэв жениться, что новый закон не разрешает насильно женщин себе в жены брать, не разрешает несколько жен одному мужчине иметь».

«Это Сергей меня спас, когда грудь у меня сильно заболела, — думал старик Анкоче, пришедший на собрание лишь потому, что здесь должен был говорить человек, которого он в свое время назвал своим сыном. — Это он отобрал меня у шамана Тэкыля и сам отвез на нарте в кэрвукскую больницу».

Много, бесконечно много самого светлого в их жизни могли бы вспомнить в этот вечер янрайцы, если бы попросили их рассказать, чем дорог им этот русский человек, который сидит сейчас за столом, рядом со своими лучшими учениками — Гэмалем и Айгинто.

— Слово имеет товарищ Ковалев! — вдруг объявляет комсомолец Рультын, выбранный председателем собрания.

Ковалев вышел из-за стола. Янрайцы ждали, что вот он сейчас начнет свою беседу, как обычно, шуткой. Но нет, шутить он, видно, не собирается. Они хорошо знают: когда он собирается шутить, то глаза его делаются лукавыми, с насмешливыми искорками.

В совершенстве владея чукотским языком, секретарь начал свое выступление не громко, не торопясь, сохраняя своеобразие чукотской речи.

— Трудная работа у охотника. Еще ночь совсем, еще не солнце, а звезда полярная светит на небе, а охотник уже запрыгает собак, едет на приманки. Ветер холодный дует ему навстречу. Мороз, как волк голодный, за лицо хватает. Но охотник едет, собакам помогает через сугробы нарту тащить. Другой раз пурга его в пути застигает. Валил пурга охотника с ног, дышать не дает, собак в сторону с правильного пути сбивает. Охотник устал. Ноги его подгибаются. Выбилась из сил упряжка. Уже не собаки, а он сам тащит нарту, кашель рвет его грудь.

Охотники слушают внимательно. То, что секретарь говорит об их мужественном, суровом труде так, каким он в действительности является, — им очень нравится.

Да что и говорить, они-то хорошо знают, какой тяжелый, какой опасный их труд. Разве не случалось с ними

такого, что приходилось сражаться с медведем один на один, когда в руках было только копьё? Разве не приходилось им в открытом море на льдине плавать? Секретарь знает все это. Он видел, не раз видел, как возвращался охотник чуть живой, израненный, разбитый.

А Ковалев продолжал:

— Смелости, ловкости, силы, выносливости много нужно охотнику, тогда лишь будет у него удача. Трудно, очень трудно приходит охотнику удача...

«А все же, почему это он начал говорить, каким трудным наш охотничий промысел является? — приходит мысль то одному, то другому охотнику. — Неспроста все это, что-то скажет скоро особенное...»

— Вот возьмем, к примеру, Пытто, — между тем говорил секретарь. — Знает Пытто, что песец на свежую нерпу хорошо идет. И вот уезжает Пытто на собаках через ледяные торосы моря к открытой воде. Трудно нарту на высокий торос затаскивать. Собаки выбиваются из сил. Пытто выбивается из сил! Как знать, быть может, мелькнет в это время в горячей голове его мысль: «Почему план такой большой! Разве в силах человек столько песцов поймать?!» Но мысль такая, уверен я, только на один миг в голове его появится. Не об этом думает Пытто, о другом, совсем о другом думает Пытто...

Чуть подавшись вперед, Пытто безотрывно смотрит на секретаря и чувствует, что во рту у него почему-то сухо.

— О самом большом, о самом главном думает Пытто. Думает он о том, что там, далеко, у Сталинграда, битва большая идет, что там, далеко, у Сталинграда, среди развалин взорванных бомбами домов, друг его ползет, друг, которого он ни разу не видел в глаза. Не важно, кто он: русский ли, грузин ли, узбек, казах ли. Друг он ему прежде всего потому, что жизнь его, Пытто, защищает, а сам он в любое мгновение может погибнуть от пули, от взрыва снаряда.

Ковалев опять сделал паузу. Уже давно исчезло то спокойное выражение на его лице, которое было вначале; уже не так звучит голос, и темп речи другой. Захватить, захечь, увлечь за собой людей, которые должны совершить подвиг, разбудить в них силы, о которых они, быть может, и не подозревают, — вот о чем думал Ковалев.

— Трудно охотнику, когда его пальцы к капкану пристывают, — снова заговорил Сергей Яковлевич. — Но посмотрите на бойца... Ползет боец, чтобы взорвать укрепление врага, обдирает о камни руки, ноги, лицо. Пули свистят над бойцом. Все плотнее и плотнее прижимается он к земле. Вот разорвался снаряд. Бойца оглушило. Он ничего не видит, ничего не слышит. Потом приходит в себя. И самая первая мысль его — надо дальше ползти, надо приказ выполнить. И он ползет дальше. И вдруг снова разрыв. Боец ранен в голову, кровь заливает ему глаза. Он вытирает кровь руками и ползет. Силы оставляют его. Ему страшно хочется пить, но он ползет. Снова разрыв, еще раз ранен боец. В ногу. Ему кажется, что больше он не проползет ни одного метра. Хочется тут же оставить тяжелый груз, которым он должен взорвать укрепление врага. Голова кружится, раненая нога не двигается. Но вот боец вспоминает жену, детей, которых защищает он, начинает думать о судьбе всего советского народа, о нашей с вами судьбе, о твоей судьбе, Пытто. И он ползет дальше, скрипит зубами от боли, но ползет.

Уже не один Пытто, а все охотники подаются вперед. Они жадно следят за бойцом, изумленные его силой и выдержкой. И каким пустяком для них теперь кажутся пристывшие к капкану пальцы охотника по сравнению с тем, что происходит с бойцом.

— Еще один взрыв, боец вздрагивает, подымается на ноги и падает мертвым...

— Падает мертвым? — Пытто вскакивает с места.

— Да. Падает мертвым, — подтверждает Ковалев. — Но когда падает один, встает другой и выполняет то, что первому помешало выполнить смерть. Вот так сражаются у Сталинграда советские люди! — Ковалев помолчал, вытер платком напряженное лицо. — А теперь я у вас хочу спросить... Как вы думаете, о чем я у вас хочу спросить?

— Ты хочешь спросить: кому тяжелее, им или нам? — тихо отозвался Пытто.

— Да. Я хочу спросить именно это, — подтвердил Ковалев. — Не потому, чтобы вас обидеть, а потому, что вы честные люди, потому, что вы сами не можете не спросить себя о том же. Я уверен, что многие из вас так подумали: «А хватило бы сил у меня вот так же ползти, как полз друг Пытто?» И я отвечаю вам: да, хватило бы на это и у вас, и у меня сил, как и у каждого советского человека. А теперь давайте поговорим, хватит ли у вас сил выполнить фронтное задание!

— Хватит, конечно хватит! — снова вскочил на ноги Пытто.

— Хватит!

— Пытто правду сказал!

— Надо выполнить! — слышались с разных мест голоса.

— Хорошо. Меня очень радуют ваши слова. — Сергей Яковлевич прошелся перед первыми рядами. И властно добавил: — А сейчас пусть встанет тот, кто не согласен поставить еще дополнительно по двадцать, по тридцать капканов, кто не согласен каждый день проверять капканы! — Ковалев выжидательно застыл на месте, пристально оглядывая молчащих охотников. — Есть ли здесь такой человек, который хочет встать и сказать: «Я не могу, я не хочу. Я не такой, как те, которые с врагом у Сталинграда бьются?»

Опять минуту, другую тянулось молчание.

— Я так и знал, что здесь не найдутся такие люди, — облегченно вздохнул Сергей Яковлевич.

Но на этом секретарь не кончил.

— А вот скажите, каким именем следует назвать человека, который сейчас молчит, а потом скажет: «Не могу, не хочу!»

— Лгущим человеком! — громко сказал Рультын и, выхватив из-за уха карандаш, громко пристукнул его доньшком по столу.

— Правильно, лгущим человеком, — подхватили охотники.

— Предателем, — с мрачным видом вполголоса промолвил Айгинто.

Многие вздрогнули от этого слова, но возразить председателю колхоза даже мысленно никто не мог.

— А вот как ты, Иляй, думаешь? — спросил Ковалев, хотя отлично видел, что Иляя на собрании нет.

Охотники завертелись на своих местах, разыскивая глазами Иляя.

— Да он, наверное, спит и видит во сне, как песцы прямо к нему в полог лезут, — пошутил кто-то.

— И сами с себя шкуры сдирают! — громко добавил Пытто.

— О, этот ни за что не станет каждый день к капканам ходить! — Рультын безнадежно махнул рукой.

— Хорошо, с Иляем мы потом отдельно поговорим, а теперь давайте о самом главном подумаем, хорошо подумаем, что нужно сделать, чтобы фронтовое задание выполнить.

Ковалев тут же выдвинул ряд конкретных предложений.

— Завтра надо отправить комсомольскую бригаду к открытой воде для добычи свежей нерпы. Оленеводов надо убедить, что и они должны заняться охотой. Передайте им — так райисполком сказал, так райком партии сказал. Пусть все поставят кашканы!

Айгинто стукнул себя по лбу кулаком и шепнул Гэмалю:

— Головы у нас с тобой, как у нерп все равно. Почему сами такое не придумали? Послезавтра сам в тундру поеду...

С каждым новым предложением секретаря лица охотников становились все оживленнее. Взяв в руки мел, секретарь подошел к доске.

— Вот охотник Вальво из колхоза «Рассвет» много сетками нерп ловит. А сетки у него необыкновенные — сам придумал.

Коротко и ясно, с большим знанием дела Сергей Яковлевич объяснил устройство сетки Вальво. Около десяти человек сразу же вызвалось в ближайшие дни испытать и у себя новые сетки для подледного лова нерпы.

Деловое возбуждение на собрании разгоралось. Колхозники вставали один за другим, выдвигали свои предложения, удивлялись, как это им не приходило в голову раньше.

Когда собрание закончилось, снова послышался голос Ковалева:

— А сейчас... все к Иляю пойдем!

В клубе наступила тишина. Охотники с откровенным недоумением смотрели на секретаря.

— Заодно и всех остальных, кто на собрании не был, в ярангу Иляя позовите, — продолжал Ковалев. — Не захотели они на собрание прийти, так собрание к ним само придет... И поговорит с ними как следует!

— Ай-я-яй, как хорошо! — В предвкушении веселой истории Пытто чуть не заплясал на месте. Слова его потонули в общем смехе.

3

Иляй лежал в своем пологе один. Уходя на собрание, Тэюэ сказала:

— Если ты не пойдешь со мной, домой меня сегодня не жди. У старухи Уррут почевать буду.

Иляй промолчал; он не понимал отчаянных попыток Тэюэ как-то встряхнуть его, увлечь за собой к тому новому, к чему она так жадно стремилась.

Побывать на собрании, где должен был говорить секретарь райкома, Иляю очень хотелось. Но он знал, что не сможет на этом собрании поднять на Ковалева глаза.

«Ругать, сильно ругать меня там будут. Всегда меня ругают, а теперь, может, вздумают даже из колхоза выгнать. Айгинто уже давно говорит об этом. Скверно, очень скверно получается. Всего год назад я Ковалеву честное слово давал, что другим стану, но вот не вышло... Наверное, уж таким несчастливым родился я».

Так размышлял Иляй, чутко прислушиваясь, не возвращается ли домой Тэюэ.

И вдруг он услышал скрип множества шагов, громкие, возбужденные мужские голоса.

«Кто это? Куда это они идут?»

Не успел Иляй опомниться, как шатер его яранги до отказа заполнили люди.

«Уж не сон ли дурной мне приснился?» — подумал Иляй и, наскоро набросив на себя кухлянку, зажег свечку, вылез с ней из полога.

— Что это? Что случилось? Не выгоняйте меня из колхоза! — почти закричал Иляй, со страхом всматриваясь при трепетном свете свечи в суровые лица охотников.

— На собрание ты не пришел, Иляй, а там про тебя говорили, что ты замечательный охотник, — вдруг услышал он голос секретаря райкома.

Иляй вздрогнул, протянул свечку вперед, попрежнему испуганно вглядываясь в лицо Ковалева.

— Да, да. На собрании говорили, что у тебя капканов на приманках много заготовлено, — продолжал Ковалев, пытаясь удобнее усесться на оленьей шкуре, которую предложил ему кто-то из охотников. — Не пришел и не рассказал ты нам об этом, так вот собрание само к тебе пришло, чтобы проверить, правду ли говорят люди.

Перепуганный, сконфуженный Иляй не знал, куда девать глаза. Подстриженные под горшок волосы его были взлохмачены. Расплавленный стеарин сбежал со свечки, застыл у него на пальцах.

— Говорят, у тебя на нерпу сеток много стоит, нерпы свежей много заготовил. А ну, покажи, где у тебя мясо свежее на приманки заготовлено? — неожиданно предложил секретарь.

Иляй смущенно кашлянул, неловко переступил с ноги на ногу и, хотя у него не было ни кусочка мяса, поднял вверх моржовую шкуру, показал пустой угол в шатре яранги, где иногда хранилось у него мясо.

— Видите? — спросил Сергей Яковлевич, обращаясь главным образом к тем охотникам, которые по той же причине, что и Иляй, не были на собрании.

— Ну, видите? — еще раз спросил он.

— Нет, ничего не видно, — наконец отозвался один из охотников.

— А ты, Иляй, что-нибудь видишь?

Иляй наклонился, шумно втянул носом воздух и, недоуменно глядя на Ковалева, сказал:

— Видать ничего не вижу, а вот нос чувствует, что когда-то мясо здесь было, чуть-чуть пахнет...

— Вот-вот, так и от тебя только чуть-чуть охотником пахнет! — тоненьким голосом, едва сдерживаясь от распирающего смеха, воскликнул Пытто.

Послышался хохот.

Ободренные примером Пытто, охотники стали откровенно смеяться над Иляем.

— Вот как плохо получается. А ты же здоровый мужчина, сильный, ловкий мужчина. Хорошим, очень хорошим охотником мог бы стать, — сказал Сергей Яковлевич.

Насмешки прекратились.

— Так вот собрание, которое к тебе само пришло, знать хочет, за какую работу ты сейчас возьмешься. Слышал, наверное, что колхозу задание фронтовое пришло?

Секретарь перечислил все виды работ, за которые немедленно должны были взяться охотники.

— Поеду с комсомольцами в море. Им всего труднее будет! — хрипло промолвил Иляй, с вызовом глядя на охотников.

— А-я-яй! Вот если это нерпы услышат. Все до одной, однако, из моря в горы убегут, в зайцев от страха превратятся! — воскликнул Пытто и громко расхохотался. Его никто не поддержал.

— Подожди смеяться, — секретарь положил на плечо Пытто руку. — Слышал я, что ты тоже с комсомольцами в море выйти собираешься. Вместе с Иляем нерпу бить будете...

— Да, я хочу проситься, чтобы меня послали с комсомольцами в море. Иляй правду сказал — им будет всего труднее, — вдруг став серьезным, ответил Пытто.

На второй день, чуть свет, комсомольская бригада Рультына выехала на собаках в море.

Преодолев тридцатикилометровый путь, загроможденный гигантскими ледяными торосами, охотники бригады Рультына достигли открытой воды. Черный пар клубился над водой. Высокая луна с трудом пробивалась через него своим тусклым холодным светом. То там, то здесь гулко трескался лед. Эхо многократно повторяло гул, наполняя тишину ночи чем-то тревожным, предостерегающим.

В заиндевелых меховых одеждах охотники тормозили остолами¹ нарты, часто останавливали собак.

Разбив палатку подальше от воды, комсомольцы распрягли собак, посадили их на цепи и ушли к воде. Заметив, что Рультын, Пытто и Гивэй, пренебрегая опасностью, ушли почти на самый конец длинного ледяного мыса, далеко вдававшегося в море, Иляй поспешил за ними. В ушах его все еще слышались слова Ковалева: «Подожди смеяться, Пытто, как бы Иляй тебя не обогнал!..»

«Этот Пытто, с языком, как клыки у волка, думает, что я хуже его», — распалял себя Иляй, смело шагая в легких торбазах у самой воды.

Не успел он подойти к своим товарищам, как ему почудилось, что его качнуло, как на байдаре.

— Лед откололся! — закричал он во всю силу легких. Эхо подхватило его полный ужаса голос и многократно повторило где-то в холодной дали.

— Бежим назад! — вопль голоса воскликнул Рультын.

Но было уже поздно. Черная полоса открытой воды между отколовшимся мысом и ледяным полем стала на пути охотников непреодолимой преградой...

¹ Остол — палка с окованным концом для торможения нарты.

Длинная цепочка собачьих упряжек скользила по узкой горной долине. Снег жалобно поскрипывал под нартами. Заиндевелые мохнатые собаки, изредка подгоняемые сердитыми окриками каюров¹, трусили мелкой рысцой. В морозном воздухе радужно искрились снежные кристаллы.

Айгинто ехал на самой передней нарте. Рослые собаки его упряжки не нуждались в окриках. Председатель разглядывал зубчатые горы с мрачными голыми скалами и думал о вчерашнем колхозном собрании.

«Вот так бы, как Сергей Яковлевич, с людьми разговаривать. Одно слово скажет, другое слово скажет, и мысли у человека, словно снег от ветра, совсем в другую сторону летят, в правильную сторону летят».

Айгинто вспомнилось, как секретарь заговорил с ним об Иляе после того, как тот отправился с комсомольцами в море.

— Выгнать, говоришь, Иляя из колхоза надо?

Айгинто смутился.

— Нет, пожалуй рано выгонять, — ответил он и тут же убежденно добавил: — Только зря вы, Сергей Яковлевич, так думаете, что Иляй теперь всегда с комсомольцами рядом идти будет. Поработает один день, другой день поработает, а потом опять, как медведь, лапу сосать будет.

— А вы опять в его берлогу заберитесь. Новое что-нибудь придумайте. Покою ему не давайте. Пусть он сначала злиться будет, как волк огрызаться будет. Может, не раз даже обидит, но зато потом обязательно спасибо скажет. Ты же председатель колхоза, Айгинто. Учись тропу к сердцу каждого человека искать.

«Хорошие слова секретарь сказал, очень хорошие, — размышлял Айгинто. — Надо учиться такую тропу искать. Большую, однако, голову иметь надо, чтобы уметь находить тропу к сердцу человека».

Долго путь от берега до кочевых стойбищ оленеводов, ушедших в тундру на зимние пастбища. Много скал пройдет мимо, много перевалов больших и маленьких позади останется, много мыслей посетит голову путника. Одни из них, как гость желанный, другие — лучше бы и не приходили.

На самой последней нарте едут Эчилин и Журба.

Помахивая коротеньким кнутиком с набором бречащих колец на конце костяного кнутовища, Эчилин тянет бесконечную монотонную мелодию:

— О-го, го-го-го-ооо-оо.

А в голову лезут и лезут невеселые мысли. Как ни хитри, как ни запутывай следы, а жить, как хочется, невозможно. Он, Эчилин, уже не раз говорил себе, что притаиться надо, как это делает умка. Но как это трудно улыбаться, хорошие слова говорить, когда от злости зубами скрипишь, когда кричать, драться хочется. Однако ждать надо. Война там идет... Русские еще сильнее, чем когда-либо прежде, обеспокоены. Вот рядом с ним, Эчилином, русский на нарте сидит...

Эчилин утолком глаза посмотрел на Журбу.

«Невеселое лицо у парня, — не без злораства подумал Эчилин, — мерзнет русский, сильно мерзнет. Трудно

¹ Каюр — человек, управляющий собачьей упряжкой.

ему будет у оленьих людей, очень трудно. Не один раз волком голодным завоюет русский».

А Владимир действительно мерз. Отворачивая лицо от обжигающего ветра, он чувствовал, как холод, начав с кончиков пальцев ног и рук, незаметно пробирается все дальше и дальше, погружая все тело в тяжелое оцепенение. Журба говорил себе, что нужно соскочить на землю, пробежать рядом с нартой, согреться, но сидел неподвижно, скованный стужей.

...Скрипели полозья. Тянулась монотонная песня Эчилина. «Скоро ли он перестанет? — с раздражением думал Владимир, неприязненно глядя в затылок каюра. — Все душу вымотал».

Эчилин, наконец, умолк, повернулся лицом к инструктору райисполкома и, расплывшись в улыбке, спросил:

— Ну как, холодно?

«Какая неприятная улыбка!» — промелькнуло в голове Владимира. Но он как можно бодрее ответил:

— Что ж, зима! Вот сейчас пробегусь и согреюсь.

Узкие глаза Эчилина на мгновение стали колючими, злыми. Журба соскочил с нарты и, с силой хлопая в ладоши, побежал по нартовому следу, стараясь дышать через нос, чтобы не простудить горло. Ноги и руки постепенно отходили. Все тело наполнялось приятным теплом. Эчилин иногда подгонял собак и уголком глаза поглядывал на Журбу. «Однако бежать он хорошо умеет», — неприязненно подумал Эчилин и сделал приветливое лицо.

— Садись, устанешь. Дорога длинная, много раз еще придется с нарты слезать.

Владимир на ходу вскочил на нарту.

Опять потянулась монотонная песня каюра, опять погружился в думы Журба, глядя на высокие горы с мрачными скалами. На многих из них стояли красноватого цвета высокие каменные столбы, отдаленно напоминавшие фигуру человека или вздыбленного медведя. Владимир с любопытством всматривался в эти столбы и думал о том, что, быть может, не один уже век хранят они несметные сокровища в чукотских горах.

«Сколько тут мест, где еще ни разу не ступала нога человека. Изучать надо все, изучать, а главное — язык, язык...»

Журба был не новичок на Чукотке. До назначения инструктором райисполкома он три года работал учителем средней школы в районном центре. Но в тундре не был еще ни разу... С первого же дня по прибытии на Чукотку Журба серьезно взялся за изучение чукотского языка. Это ему давалось легко. Журба даже решил, что ему следует взяться за серьезную научную работу по чукотскому языку. «В тундре вплотную займусь, — думал он, наблюдая за бесконечной лентой нартовского следа. — Постоянное, живое общение с чукчами даст мне много материала».

— Правду ли говорят, что между русскими и американцами сильно крепкая дружба? — вдруг повернулся Эчилин к Владимиру, снова прервав свою нудную песню.

— Да, дружба крепкая... Только смотря с какими американцами. Есть там и такие, которые, как волки бешеные, готовы нам в горло выпить.

— О, как так можно? Нехорошие, однако, люди, — притворно возмущился Эчилин.

— Нехорошие. Это верно.

— А как ты думаешь, — вкрадчиво спросил Эчилин, — плохого они нам ничего не смогут сделать? Не проберутся опять, как раньше, волками голодными сюда?

— Не проберутся, на волков есть капканы хорошие. Ты — охотник, знаешь, что бывает с волком, когда он в капкан попадает, — с добродушной улыбкой ответил Журба.

Эчилин громко расхохотался. И вдруг, резко оборвав хохот, мячиком прыгнул с нарты и что было силы стегнул кнутом одну, другую, третью собаку.

Журба тоже соскочил с нарты, побежал рядом с упряжкой.

— Э-гэ-гэй, грейся, хорошо грейся, — донесся до него голос Айгинто.

Владимир прибавил ходу и через несколько минут догнал председателя.

5

В первое оленеводческое стойбище янрайцы прибыли только на следующий день поздним утром. Высоко, на горной террасе, цепочкой стояло несколько яранг. Чуть в стороне на склоне пологих сопок паслось оленье стадо. Издали оно было похоже на тучу огромных насекомых. Напротив каждой яранги женщины тяжелыми снеговывивальками выколачивали инсы из вытащенных на улицу пологов.

Одна из женщин повела плечом, и широкий рукав ее мехового жаржара беспомощно повис вдоль туловища. Правая рука, плечо и грудь женщины совершенно оголились. Голова, покрытая инеем, тоже была обнажена. Несколько секунд женщина наблюдала, как гости распрягали своих собак, затем снова схватила кривую снеговывивальку и принялась с силой колотить по шкурам полога. Из шерсти вылетала мелкая пыль инея.

— Видел, как стараются, — обратился Айгинто к Владимиру, указывая глазами на женщин. — У хороших хозяев здесь всегда полог свежий и сухой. Люди чай пьют, дышат, шерсть потеет, к утру инеем покрывается. А если не выбить иней, на другой вечер шерсть мокрой станет, капать будет, как дождь из хорошей тучи. У плохих хозяев так и бывает. — Немного помолчав, Айгинто указал рукой на молодую девушку: — А вот как ты думаешь, та вон, молодая, с красной повязкой на голове, хорошей будет хозяйкой?

Владимир внимательно посмотрел в лицо Айгинто, почувствовал в его голосе что-то особенное.

— Что так смотришь? — грустно улыбнулся Айгинто. — Хорошая девушка, правда? Это падчерица твоего каюра Эчилина. Ушла в тундру к сестре своей, к жене шамана Тэкыля. А ей бы в поселке жить, учиться...

— Ну, так надо сказать ей...

— Чего говорить, — нахмурился Айгинто, — раз сама ушла, пусть сама и приходит, не маленькая...

Когда собаки были распряжены и накормлены, гости разошлись по ярангам, где гостеприимные хозяева уже приготовили чай, толченое оленьё мясо.

После чая Айгинто попросил всех жителей стойбища собраться в яранге оленевода Ятто... Председатель колхоза наблюдал, как усаживались на шкуры в шатре

яранги оленеводы, обдумывал свое выступление. «Надо уметь находить тропу к сердцу каждого человека», — вспомнил он слова Ковалева. — Но как находить тропу эту? Что сказать им такое, чтобы оленеводы, свое дело не бросая, сразу же поставили бы капканы на песца и каждый день проверяли их? Где берет секретарь слова свои?»

Оленеводы выжидательно поглядывали на Айгинто, тихо переговаривались. Рядом со стариком Ятто сидел шаман Тэкыль. Айгинто знал, что прикочевал Тэкыль в это стойбище всего несколько дней назад, бросив по каким-то причинам свою одинокую, отшельническую жизнь. На председателя он старался не смотреть, всем своим видом показывая, что совсем его не замечает. Веки тусклых глаз шамана были красными, без ресниц. По широкому приплюснутому носу шли две бороздки татуировки; тонкогубый рот подрагивал в желчной усмешке; от ввалившихся уголков рта, вниз, между редкими волосками седой бородки, тоже шли синеватые линии татуировки; длинные седые волосы были заплетены в две косички; в мочках ушей, на грязных ремешках, болтались разноцветные бусины.

— Что ж, сказки начнем рассказывать, что ли? Как раз всем стойбищем мы вместе, как пальцы на одной руке, собрались, — вдруг проскрипел шаман, все так же не глядя на Айгинто.

Несколько оленеводов тревожно посмотрели на председателя колхоза. Ятто недовольно покосился на шамана: нехорошо, мол, обижать гостя.

— Я тоже так думаю, что здесь собрались люди близкие, как пальцы на одной руке, — спокойно промолвил Айгинто. — Да, словно пальцы на одной руке, — уже громче добавил он, — кроме одного из нас, которому сказки хочется рассказывать как раз тогда, когда у настоящих людей работы очень много.

Тэкыль вскинул голову, вытягивая тонкую, сморщенную шею, и, наконец, глянул на Айгинто.

— Хо! Это чей такой голос моим ушам посчастливилось услышать? Однако здесь есть такие, которые не из стойбища нашего.

— Плохо, когда человек гостю непочтение выказывает, — не выдержал Ятто.

— Хо! Еще один голос моим ушам посчастливилось услышать. Как будто человек из нашего стойбища, а голос чужой.

— А может, тебе, Тэкыль, только свой голос и не кажется чужим? — не без издевки спросил Айгинто.

На мгновение среди собравшихся пробежал шопот одобрения. Тэкыль резко встал и пошел к выходу. У выхода он задержался и, стоя к людям спиной, сказал:

— Вижу, зря я свои горы покинул, к вам, люди, прикочевал. Со зверями и птицами мне куда лучше было.

Шаман ушел в свою ярангу, оленеводы облегченно вздохнули.

Журба наблюдал за всей этой сценой с острым любопытством и затаенной тревогой. «Так вот с кем мне придется здесь встретиться».

— Тэкыль только что говорил, что мы собрались сказки слушать, — начал Айгинто, — но мы не дети, и сказки нам не нужны так часто, чтобы их даже и днем рассказывать. Приехали мы к вам, олени люди, с важным делом.

Айгинто рассказал о Сталинградской битве. В ответ послышались возгласы изумления. Это обрадовало председателя, он заговорил еще с большим воодушевлением.

После него выступил с первой своей беседой перед оленеводами Владимир Журба.

— Говорить языком вашим я не совсем хорошо умею, — негромко начал инструктор райисполкома.

Но как раз именно то, что Владимир сказал эту фразу на чистейшем чукотском языке, и привлекло к нему сразу особенное внимание оленеводов. Многие из них переглянулись, как бы говоря друг другу: да этот русский парень — знающий человек, вы слышите, как он на нашем языке говорить умеет?

— Но бывает и так, — продолжал Журба, — говорят люди между собой словами понятными, а понять друг друга не могут. Шаман Тэкыль не зря, наверное, сказал, что со зверями и птицами ему лучше, чем с нами. А вот то, что Айгинто вам рассказывал, что я рассказать вам хочу, не столько ушами слушается, сколько сердцем слушается. Значит, так я думаю: пойдем мы друг друга обязательно.

Оленеводы снова переглянулись. «Нет, этот парень имеет голову на плечах. Зря я хотел было подремать немного во время его разговора», — подумал старик Ятто, прошедший бессонную ночь в оленьем стаде.

Так в самом начале беседы Журба как агитатор сделал самое главное — заставил себя слушать.

— Много врагов ежедневно гибнет под Сталинградом, столько, сколько будет оленей, если их со всей Чукотки согнать в одно место! — рассказывал Владимир, ободряемый возгласами изумления. — Один только наш воин, амурский нанаец Максим Пассар, уже двести семьдесят три врага убил.

— О, хорошо! — вырвалось у Ятто. — Видно, смелый и очень меткий этот нанаец Пассар.

— Но много и наших бойцов гибнет. Об этом я не могу не сказать вам, люди, — продолжал Владимир. — Надо такие печальные слова сказать: «Быть может, за каждого из нас, кто здесь сидит, уже не один красноармеец жизнь свою отдал».

Владимир внимательно наблюдал за своими слушателями. Попыхивая трубками, оленеводы сидели, крепко задумавшись. После беседы они долго пили чай, перекидываясь обдуманно словами.

— Конечно, капканы ставить — это не дело оленьего человека, — старик Ятто вытер малахаем вспотевшее лицо, — но кто сказал, что дело охотника Максима Пассара воевать, а не мирно рыбу ловить, охотиться?

— Да, да. Ты правду сказал, — вмешался в разговор Воопка.

Его брат Майна-Воопка раскурил трубку, подал ее по кругу. Захватив в узловатую руку подбородок на своем длинном утриюмом лице, Майна-Воопка не спеша сказал:

— Каждый олений человек, хотя он и не береговой охотник, много капканов поставить может. Мы часто на проверку новых пастбищ ездим. Там и надо капканы ставить. Два дела сразу делать надо. Проверил пастбища — капканы поставил. Пригнал туда оленей — проверил капканы. Так ли говорю я?

— Да, ты говоришь правильно, — согласились оленеводы со словами Майна-Воопки.

Когда три чайника были опорожнены, оленеводы вышли на улицу к нартам охотников получать капканы.

— Таким капканом не только песца, медведя поймать можно, — весело шутил Воопка, щелкая капканом.

— Берите, берите, оленьи люди, капканы! — кричал Эчилин. — Если постараетесь, не меньше нашего песцов поймаете, спасибо скажем.

Услышав голос Эчилина, шаман недоуменно поднялся на ноги, выглянул на улицу из своей яранги.

— Песцов поймаете — много всего получите: чай будет, табак будет, сахар будет! — весело выкрикивал Эчилин.

Тэкыль изумленно протер глаза кулаком и сказал, обращаясь к жене:

— Верно ли то, что в уши мои голос Эчилина входит?

— Да. Это он о чем-то кричит, — проворчала старуха, подкладывая хворост в костер.

В глазах Тэкыля потемнело. Он схватился за сердце, скривился, потом зажал уши руками и сел прямо на землю. «Лучше бы мои уши, как шкура гнилая, прочь отвалились, чем слышать голос его... Эчилин вдруг такие слова говорит! И он, значит, тоже с ними, значит один я, совсем один! Ну ладно же, я скажу такие слова ему, что сердце его в медвежью лапу превратится».

В шатер яранги шамана вошла Тимлю. Тэкыль посмотрел ей в спину и тревожно подумал: «А что, если Эчилин домой заберет ее?»

Айгинто вошел в ярангу Тэкыля с надеждой увидеть Тимлю. Тут уже сидел Эчилин. Председателя пригласили пить чай. Тимлю возилась у костра. Девушка чувствовала на себе взгляд Айгинто, но взглянуть в его сторону не решалась. А в жарких глазах Айгинто действительно было что-то такое, что заставило Эчилина крепко задуматься. «Нет, не забыл он ее, любит, и, кажется, сильно любит, — размышлял Эчилин. — Ай, какое зло я ему сделал тем, что отправил падчерицу к Тэкылю».

Эчилин посмотрел на шамана. Тэкыль сидел неподвижно, втащив руки через рукава внутрь кухлянки, чем-то напоминающей дремлющую птицу. Пустые рукава кухлянки были похожи на сложенные крылья. «Стар стал Тэкыль. Злоба его стала беспомощной, как дряхлая волчица стала, — думал Эчилин. — Но если сунуть волку палкой в зубы, то он найдет в себе еще силу сделать большой прыжок!..»

Крупные скулы и челюсти Эчилина, казалось, стали еще тяжелее. Глянув на Айгинто, он криво усмехнулся, перевел взгляд на Тимлю. «Вот он, аркан, которым я захлестну горло Айгинто, — моя падчерица Тимлю. Она же будет той палкой, которую я суну в зубы старому волку. О, я еще сделаю из Айгинто щенка, послушного любому желанию моему... а из Тэкыля — злобного волка...»

— Собирайся, Тимлю, домой! — вдруг властно объявил он.

Тэкыль вздрогнул, быстро просунул дрожащие руки в рукава кухлянки. Дряблое лицо его стало на миг жалким, беспомощным.

Тимлю непонимающе поглядывала то на Эчилина, то на Тэкыля. В широко раскрытых глазах ее ничего, кроме страха, не было.

— Говорю, собирайся домой, хватит тебе в тундре жить. На берег поедешь.

Заметив на лице Айгинто радость и недоумение, Эчилин спокойно добавил:

— Вот вместе с Айгинто поедешь, на его нарте поедешь. Собаки у него быстрые, а сердце горячее, лучшего каюра не найдешь.

Айгинто поразили глаза Тимлю, полные страха.

«И чего это она до сих пор Эчилина боится? — с досадой подумал он. Но тут же пришли новые мысли. — А разве ты плохо знаешь Эчилина? Разве ты не знаешь, как трудно жить Тимлю у него? Потому она и убежала к сестре своей. Вот ты обижался на Тимлю, что она из Янра в тундру ушла, что ни слова тебе перед уходом не сказала. Твердил все время, что никогда больше не станешь с ней разговаривать. А все ли сделал ты, перепичья голова твоя, чтобы задержать ее в Янрае, чтобы избавить ее от Эчилина? Почему не сказал прямо и честно, что хочешь жениться на ней, что хочешь забрать ее к себе?»

Айгинто настойчиво пытался встретиться с взглядом Тимлю, но девушка упорно смотрела вниз. По всему видно было, что возвращаться снова к отчиму она не хотела. В глазах ее с удивительно густыми и длинными ресницами застыла тревога, почти отчаяние.

Когда девушка ушла из яранги, Айгинто для приличия выпил еще кружку чаю и тоже вышел на улицу с намерением встретиться с Тимлю.

Как только шаги Айгинто затихли, Эчилин вплотную подвинулся к шаману и быстро заговорил вполголоса, тревожно поглядывая на вход в ярангу.

— Беда большая пришла, Тэкыль. Сдавили они своими пальцами горло мое, дышать нечем. Боюсь очень, что совсем худо со мной случиться может. Сильно злые на меня Айгинто и Гэмаль. Понял я, что, если не отдам Тимлю председателю, пропаду, совсем пропаду.

Тэкыль часто дышал, схватившись рукой за сердце. На нервно вздрагивающих губах его пузырилась пена.

— Падчерицей от злых духов откупиться решил, — наконец прошипел он прямо в лицо Эчилина. — Но я на тебя таких злых духов напущу, что ты не найдешь никакой жертвы, чтобы от них откупиться.

Эчилин нетерпеливо махнул рукой, как бы говоря: «Оставь свои бредни, старик!»

— Зачем злишься на меня? — как можно мягче спросил он. — Ты же знаешь, не дочь мне Тимлю, а падчерица. Не могу я иначе сделать. И потом стар ты уже стал, чтобы думать Тимлю своей женой сделать. К тому же она сестрой твоей первой жене приходится. Что люди говорить о тебе станут?.. Что исполком скажет? Закон новый запрещает двух жен иметь.

— Законами русскими стал жить, — задохнулся Тэ-кыль. — Как у русских, становится голова твоя, Эчилин, куда-то в сторону стал думать разум твой, Эчилин!

— А ты бы лучше не на меня свой гнев направлял, Тэкыль. Лучше бы ты думы своего разума в другую сторону направил. Разве мы враги с тобой? Мы оба обижены. Они у тебя твою жену будущую отобрали, а у меня падчерицу отобрали. Делать надо что-то, Тэкыль. Бросил бы ты свою ничтожную охоту на сов. Занялся бы чем-нибудь другим лучше. Тогда, может, еще дождался бы ты жизни такой, какой раньше была она у тебя, тогда, быть может, и Тимлю ты мог бы взять в жены себе...

Раскурив огромную деревянную трубку с медной чашечкой на конце, Эчилин протянул ее шаману. Такиль жадно затянулся несколько раз подряд, с трудом откашлялся, никак опустил голову и замер, что-то обдумывая.

6

Перекочевав на новое место, Мэвэт помог установить яранги стойбища, а затем запряг в нарту своих любимых белоснежных оленей, поехал на поиски лучшего пастбища. Олени легко вынесли его на пологую сопку. Внимание бригадира привлекли волчьи следы. Остановив оленей, он прошелся по следу. Нахмурившись, Мэвэт достал из-за пазухи трубку, закурил.

— Большая стая прошла.

Сняв малахай, Мэвэт озадаченно почесал затылок. «Надо сегодня в стадо побольше пастухов на ночь послать. Волки могут на оленей напасть».

Лицо Мэвэта было встревожено. Черный венчик жестких волос его быстро покрывался инеем.

Внизу, под сопкой, виднелись белые конусы яранг. Стадо разбрелось вокруг стойбища, жадно набросившись на свежее пастбище. Время шло, а бригадир все смотрел и смотрел на стадо.

Вечерняя заря опоясала небо огненным кольцом. Мороз крепчал. Мэвэт сбил руками иней с головы, надел малахай.

«Луна сегодня поздно взойдет, — подумал он, — темно будет. Пожалуй, сам сегодня на ночь в стадо пойду. Да и Тымнэро еще одну ночь не поспать придется».

Страхнув с подстилки нарты снег, бригадир повернул оленей опять в стойбище.

Жена Мэвэта Чэйвынэ хлопотала у яранги.

— Где Тымнэро? — обратился к ней Мэвэт, выпрягая оленей. — Скажи ему, чтобы он пастухов собрал, я говорить буду.

— А он уехал кашканы ставить, — ответила Чэйвынэ. — Сегодня ему не идти в стадо, вот он и занялся другим делом. Любит, как береговые люди, с кашканами повозиться, сказал, что, возможно, поздно ночью придет.

Мэвэт вспыхнул:

— Какие кашканы? Для чего кашканы? Разве Тымнэро забыл, что он не какой-нибудь охотник с морского берега, а олений человек!

Мэвэт гордился тем, что всю жизнь был оленеводом. К береговым же чучкам, занимавшимся только охотой, он, по старинной традиции жителей тундры, относился с некоторым пренебрежением.

— Но ты же знаешь, что Тымнэро очень любит охоту, — вступилась за сына Чэйвынэ.

— Наше дело за оленями смотреть!

Чэйвынэ вздохнула и промолчала. А Мэвэт пошел по ярангам выяснять, кто еще из пастухов занимается охотой.

— Я тоже ставлю кашканы, — сказал ему Раале. — Что же плохого тут?

— Завтра же поспимайте все кашканы и принесите мне! Я их в реку под лед выброшу. А то, пока вы песцов да лисиц ловить будете, у нас волки всех оленей переловят.

— Зачем так говоришь! — обиделся Раале. — Разве мы плохо за оленями смотрим? Разве у нас в эту зиму волки хоть одного оленя порвали?

Мэвэту стало неудобно. Он смущенно кашлянул и сказал примирительным тоном:

— Пастухи вы, конечно, хорошие, но я боюсь, как бы не испортились. Охоту на песцов я все же вам запрещаю. Вот волков бить можете.

Тымнэро приехал в стойбище как раз тогда, когда Мэвэт собирался выходить в стадо.

— Ты где был? — строго нахмурил брови Мэвэт.

— Десять штук кашканов поставил, — весело отозвался Тымнэро. — Песцовых и лисьих следов много всюду.

— А волчьих следов ты случайно не видел? — Тон у Мэвэта был злой, ехидный.

Тымнэро удивленно глянул на отца.

— Видел. Мне кажется, сегодня больше пастухов в стадо послать следует, — тоном, в котором слышалось почтение, ответил Тымнэро.

— Хорошо, что ты хоть совсем думать не разучился, — повысил голос Мэвэт, собирая в кольца свой аркан.

— А что такое, отец? Разве я тебя чем-нибудь обидел?

— Завтра же сними все кашканы и забудь о них навсегда!

— Это почему же? Разве ты не знаешь, что от охоты польза большая?

— Где польза? Какая польза? За стадом день и ночь смотреть — вот где польза!

— А разве тебе не известно, по какой причине Айгинто в тундру приехал? — спросил Тымнэро, протягивая отцу трубку. Мэвэт трубку не принял.

— Айгинто председатель колхоза. У него много дел всяких! Тебе ли знать, для чего он в тундру приехал?

— А разве ты не слышал, что он всюду говорит о том, чтобы оленьи люди, как и охотники, каждый день охотой занимались?

— Ты чего это об Айгинто такие глупые слова говоришь? — возмутился Мэвэт. — У него настоящая голова на плечах, он понимает, что дело оленьего человека — за оленями смотреть, а не кашканы ставить. На улице уже совсем темно. Некогда мне с тобой глупыми разговорами заниматься. Завтра чтобы кашканы домой принес!

Тымнэро заволновался. Он встал, пытаясь возразить отцу, но Мэвэт вышел из яранги и уже с улицы приказал:

— Поспи немного, а под утро меня сменишь.

«Нехорошо получается. Отец не понимает, для чего сейчас особенно пушнина нужна», — подумал Тымнэро.

Мать подала ужин. Взяв кусочек вареного оленьего мяса, Тымнэро захватил его зубами, затем ловко, у самых губ, отрезал ножом.

— Наверное, мне придется с отцом поссориться, — обратился он к матери, — не принесу я кашканы домой, не послушаюсь отца. Почему он о береговых людях так плохо думает? Почему он считает, что охотником стыдно быть?

Чэйвынэ посмотрела на сына и, подвинув ближе к нему деревянное блюдо с дымящимся мясом, сказала:

— Как это можно отца не слушаться? Нехорошие слова говоришь. Ты же всегда отца слушался.

— А сейчас не послушаюсь, — упрямо повторил Тымнэро, ловко очищая ножом кость от мяса.

— Подумай хорошенько, Тымнэро, — предупредила Чэйвынэ. — Ты же знаешь, каким в гневе отец бывает. Нехорошо, когда отец с сыном ругаются.

...На второй день между Мэвэтом и Тымнэро действительно произошла крупная ссора. Мэвэт приказал сыну к вечеру принести в стойбище все капканы, но тот явился с пойманной лисой и без единого капкана. Мало того, Тымнэро собрал пастухов и начал объяснять им, что после приезда Айгинто в тундру охотой начали заниматься все оленеводы.

Прискакавший с пастбища на оленях Мэвэт вслушался в слова сына и, покраснев от гнева, загромычал своим басом:

— Это что же такое выходит? Как ты смеешь мне бригаду портить, а? Убирайся из моего стойбища! Больше ты не пастух моей бригады! Можешь на берег моря к охотничьим людишкам отправиться. Вижу, неспособен ты быть настоящим оленьим человеком.

Тымнэро улыбнулся и смело посмотрел в глаза отца:

— Ты послушай меня хорошенько, тогда и сам станешь капканы ставить.

— Я буду ставить капканы? — изумился Мэвэт. — Да ты понимаешь ли, мальчишка, для каких слов язык твой болтается?

— Пойми, отец, что пушнина для Красной Армии нужна.

— Я не говорю, что пушнина ни на что не пригодна. Но подумай, что важнее: олень или песец? — наступал на сына Мэвэт. — Что женщины наши для Красной Армии торбоза теплые шьют, шапки, рукавицы шьют, в том я помощь настоящую вижу. А торбоза, рукавицы, шапки, я думаю, известно тебе, из чего шьются, — не из песцовых, а из оленьих шкур. Значит, нужно зорко за оленями смотреть, иначе их волки всех до одного заедят. А лисиц и песцов пусть береговые людишки ловят, если им больше нечем заниматься.

Некоторые пастухи захохотали, кивая головой на сына Мэвэта. Тымнэро вспылил:

— Чего вы смеетесь? Завтра Айгинто сюда позову. Он такое вам слово скажет, что от стыда навсегда смеяться разучитесь.

Пастухи расхохотались еще громче. Тымнэро круто повернулся и пошел в стадо.

— Береговых людишками не обзывайте! — крикнул он на ходу. — Они не хуже вас! Да, да, не хуже!

— Плохо твоя голова работает, Тымнэро! — насмешливо сказал один из пастухов. — Ты, наверное, думаешь, что из шкуры лисицы пули делать можно, наверное думаешь, что бойцам на войне сейчас до того, чтобы шапки свои лисьими хвостиками украшать!

— Ну, это ты уже совсем не то говоришь, — оборвал путника сам Мэвэт. — Польза от пушнины есть, конечно, только не дело это настоящих людей оленьих. Пусть береговые свое дело делают, а мы свое делать будем.

Мать пастуха Раале, старушка Мимлине, молча наблюдавшая за ссорой Мэвэта с сыном, тяжело вздохнула.

— Нехорошо, когда отец с сыном ругаются. Но зря ты, Мэвэт, сына своего как следует не выслушал, — ска-

зала она. — Вчера я в гостях в соседнем стойбище была, там тоже о капканах говорили. И так я поняла, что сильно просил секретарь Ковалев оленьих людей капканы ставить. Для того, видно, Айгинто и в тундру выехал.

Мэвэт вскочил на ноги.

— Секретарь Ковалев просил? Почему же ты, старуха, не сказала об этом раньше? А ну запрягайте мне оленей! Поеду Айгинто искать. Если сам Ковалев просил, значит что-то важное очень...

Мэвэт нашел председателя колхоза в стойбище одиночника Чымнэ. Там как раз в это время вылавливали из стада ездовых оленей, на которых Айгинто собирался добраться в самые дальние стойбища.

Мэвэт опряг своих оленей, быстро подошел к Айгинто и, не ответив на приветствие, спросил:

— Верно ли говорят, что секретарь Ковалев людей оленьих просит как можно больше капканов ставить?

— Да, это так, Мэвэт, — подтвердил председатель.

Чымнэ еле заметно усмехнулся и, указав рукой на Кувлюка, обучающего ездового оленя, сказал:

— Смотрите!

Впряженный в нарту олень бешено скакал по кругу. И вдруг остановился, как вкопанный, круто повернулся рогами к пастуху. Круглые, вышедшие из орбит глаза оленя были налиты кровью. Кувлюк осторожно отстегнул потяг от нарты и привязал к коольгытам¹ круглую палку, поднял ее вверх, затем с силой дернул вниз. Олень низко опустил голову, захрапел. Кувлюк снова поднял палку, снова с силой дернул вниз. Лицо пастуха было красным, пот заливал глаза.

— Вот посмотри, — обратился Чымнэ к Айгинто. — Трудная работа у оленьего человека! Нужно приучить оленя возить нарту. Пастух этот хорошо свое дело знает, а капканы он, возможно, никогда и не заряжал. Это не его дело, как не дело морских охотников так вот оленя учить.

— Если бы нужно было морскому охотнику оленя учить, он стал бы оленя учить, — ответил Айгинто, глядя на измученного Кувлюка. Чымнэ рассмеялся. Айгинто сказал, стараясь быть возможно спокойнее:

— Хочу знать, почему смешно тебе?

— Хочу видеть я морского охотника, как он оленя учит, — с откровенной насмешкой сказал Чымнэ.

— Хорошо. Ты сейчас увидишь. Тебе, наверное, известно, что я морской охотник!

Айгинто подошел к измученному Кувлюку, взял у него из рук палку и с ожесточением принялся дергать ее то влево, то вправо. Когда олень был доведен этим до изнеможения, Айгинто быстро впряг его в нарту, чуть дернул за коольгыты, Олень побежал рысцой, часто спотыкаясь о вывороченные комья снега. Порой он делал попытки повернуться к седоку рогами, но Айгинто с силой дергал то левым, то правым коольгытом, с ожесточением хлестал по крупу свистящим погонным ч².

Чувствуя силу и власть в руках седока, олень постепенно покорился и уже безропотно бежал туда, куда направлял его седок.

Оленеводы с напряжением наблюдали за действиями

¹ Коольгыты — ременные вожжи и уздечка вместе.

² Погонный ч — деревянный прут с костяным набалдашником.

Айгинто. Чымнэ, взявшийся было за трубку, так и не донес ее до рта.

— Хорошо, ай как хорошо, как настоящий олений человек! — наконец прервал тишину Мэвэт.

Чымнэ хмуро покосился на него и промолчал.

Сделав большой круг, Айгинто подъехал к Чымнэ, отступив потяг от нарты и весело сказал:

— Хорош олень! Как видишь, Чымнэ, охотник морской справился с оленями. Придется тебе капканы ставить.

Чымнэ нехотя улыбнулся и попытался отшутиться:

— Сила в руках у тебя, видно, такая, что и медведя сможешь приучить ходить в нарте.

Пока запрягали оленей, Айгинто отвел Мэвэта в сторону и стал объяснять, почему надо оленеводам тоже всем до одного заняться охотой.

— Ну что ж, раз секретарь так сказал, значит капканы ставить надо, — согласился Мэвэт, — всем скажу в своем стойбище, чтобы каждый пастух двадцать капканов поставил...

Нахлестывая оленей, Мэвэт мчался в свое стойбище. А в голове его уже были думы о том, где и сколько поставить капканов, как сделать, чтобы бригада его и в охоте была первой.

7

Тотык сидел на самой задней парте. Низенький, толстенный, он очень был похож лицом, манерами на своего отца Пытто. Сегодня мальчик выглядел задумчивым, печальным. Погруженный в свои думы, Тотык не услышал, как учительница обратилась к нему с вопросом. Сосед Тотыка, Оро, подтолкнул его в бок и недовольно прошептал на ухо:

— Тебя спрашивает. Чего молчишь? Она и так что-то невеселая очень.

Тотык вскочил на ноги и выпалил:

— А? Что?

В классе засмеялись. Улыбнулась и Оля Солнцева. Улыбка ее была хотя и мягкая, но невеселая.

Ученики давно заметили резкую перемену в учительнице. Оставалась она такой же чуткой и доброй, как и прежде, но куда-то исчезла ее подвижность, жизнерадостность. Лицо учительницы похудело, а голос стал тусклым, тихим; не знали школьники, что их учительница недавно получила известие о гибели брата на фронте.

— Ты что это, Тотык, такой грустный сегодня? — мягко дотронулась Солнцева до ершистой головки мальчика. Тотык опустил глаза книзу. — Что ж молчишь? Я же вижу, что у тебя что-то случилось, ты совсем не такой, каким всегда бываешь.

— Сегодня утром охотник бригады Рультаина с моря вернулся. Сказал, что отца моего, Гивзя, Рультаина и Иляя на льдине в море унесло. — Тотык еще ниже опустил голову. По лицу его быстро-быстро заскользили крупные слезы.

— В море... На льдине? — воскликнула учительница и, подсев к Тотыку, крепко прижала его голову к груди.

— А почему вы не такая, как прежде? — неожиданно спросил Оро.

В классе наступила мертвая тишина. Оля отвела

взгляд от мальчика и прочла в глазах остальных учеников тот же вопрос. Что-то теплое подступило к сердцу девушки. Ей захотелось сказать ребятам что-нибудь очень ласковое, быть может даже заплакать перед ними, чтобы они обступили ее, тревожные, любящие, готовые на все, лишь бы помочь учительнице в ее горе. Но Оля овладела собой и как можно веселее сказала:

— Мне чуть-чуть нездоровится, но это пройдет, ребята. И тебе, Тотык, не надо сильно волноваться. Сейчас же после урока я пойду к Гэмалю, вместе с ним напишем письмо в Илриэнь, чтобы самолеты в море охотников поискали.

Был и еще один человек, которого волновала перемена в настроении девушки, — Петр Иванович Митенко. С переходом на должность пушника он оставил свою квартиру при торговом отделении новому заведующему, а сам, по просьбе Оли, поселился в ее второй комнате. Дома он бывал редко, постоянно разъезжал по отдельным охотничьим участкам трех колхозов, и Оля часто ждала его возвращения нетерпеливо, с тревогой, будто родного отца. В один из таких приездов Петр Иванович узнал о тяжелом известии, полученном Олей после того, как в Январе побывал секретарь райкома.

Митенко, как мог, пытался успокоить девушку. «Не ест она. Сегодня утром, кажется, только стакан чаю выпила», — с тревогой думал он. То, что он не в силах был хотя бы немного облегчить горе девушки, угнетало старика.

Из задумчивости его вывел стук в дверь. Вошла Пэпэв.

Дородная, с широким румяным лицом, Пэпэв, как и муж ее Пытто, была всегда весела и общительна. Но сегодня она выглядела подавленной, встревоженной.

Митенко пригласил гостью сесть, протянул ей баночку с табаком.

— У твоего сердца словно чуткие уши имеются, — наконец обратилась она к Митенко. — Скажи мне, что с моим мужем будет? Вернется ли?

Митенко снял очки, потеревил седые усы и сказал, насколько мог спокойно:

— Муж твой ловкий и храбрый. Знаю я, не однажды его на льдине в море унесло и всегда он благополучно домой возвращался. Вернется и сейчас, непременно вернется.

Пэпэв испытующе посмотрела в лицо старика. Изборожденное густой сеткой тоненьких морщинок, с мягкими, еще по-молодому блестящими глазами, оно, как всегда, было добрым, участливым.

Вытащив из-за пазухи камлейки темносиний сатин, Пэпэв положила его перед Митенко и сказала:

— Хочу Тотыку рубашку новую шить. Но кроить по-русски не умею.

Обрадовавшись случаю сделать приятное человеку, у которого была тревога на сердце, Петр Иванович вооружил на кончик носа очки, убрал со стола бумаги, разложил сатин и принялся кроить.

Казалось, не было такого дела, с которым не мог бы справиться этот старик. И не было такого дня, когда не являлись бы чукчи к нему с просьбой что-нибудь сделать, в чем-нибудь помочь.

Пэпэв внимательно наблюдала за работой Петра Ивановича.

— В сердце мальчика моего тревога вселилась, — печально проговорила она. — Любит отца он, сильно любит. И потом есть у него и еще большая тревога. — Кивнув головой на дверь в комнату Солнцево́й, Пэпэв вполголоса пояснила: — Горе у русской девушки, так, что ли? Совсем невеселой стала. Мальчики наши жалостливые слова говорили о ней.

Петр Иванович на минуту прекратил работу, посмотрел на дверь в комнату Оли и тяжело вздохнул.

— Пожалуй, скажу тебе о горе ее. Пусть узнают люди, это всем надо знать. На Большой Земле брат ее сражался с врагами-фашистами и погиб в бою...

— Откуда у тебя новость такая страшная? Письмо пришло? — спросила Пэпэв.

— Да. Ты правильно подумала.

— К ней зайти, что ли? Слова такие скажу ей, чтобы сердцу теплее стало, быть может заплачет вместе, — вздохнула Пэпэв, вопросительно глядя на Митенко.

Петр Иванович снял очки, сел напротив Пэпэв на стул, широко расставил ноги в высоких расшитых торбазах.

— Хорошо ты подумала, Пэпэв, очень хорошо, — негромко сказал он, поглядывая на дверь. — Пойди сейчас по ярангам, о горе учительницы расскажи всем. Женщин побольше собери, да и придите все вместе к учительнице, скажите ей, как ты говоришь, слова, от которых сердцу ее стало бы теплее. Только плакать не надо. Если увижу, у кого глаза заплаканы — поколочу, — шутливо погрозил он.

Не прошло после этого разговора и получаса, как комната Солнцево́й оказалась заполненной людьми.

Взволнованная Оля рассказывала гостей.

— По обычаю нашему, человек, у которого горе, не должен один в своем сердце печаль носить, — сказала мать Айгинто. Скуластое, морщинистое лицо ее, с узкими подслеповатыми глазами, до этого бесстрастное и неподвижное, словно высеченное из камня, вдруг стало необыкновенно мягким, участливым. — Может не выдержать сердце тяжести камня-печали. Поделить надо между всеми скрытую тяжесть эту. — Помолчав, старуха достала из-за пазухи свою огромную трубку. Протянув ее Оле, она добавила: — По обычаю нашему, ты должна раскурить трубку и передать ее по кругу.

Девушка, не задумываясь, взяла трубку, неумело набила ее табаком, прикурила, закашлялась. Никто не проронил ни слова. Все с уважением смотрели на учительницу, которая с готовностью настоящего друга приняла чукотский обычай серьезно, без тени насмешки. Помедлив, Оля торжественно передала трубку старухе.

— Я стара, но беру у тебя самую большую часть камня-печали, — сказала мать Айгинто, затягиваясь из трубки. — Твой брат, видно, был таким храбрым, как мой сын, Кырлатый человек, Тэгрын.

— Я тоже беру, — сказала Пэпэв, принимая от старухи трубку, а сама подумала с острой тревогой: «А не пришлось бы и мне трубку по женскому кругу пускать. Вернется ли Пытто?»

— Я тоже беру, — послышался еще один голос.

Трубка пошла по кругу.

— Спасибо вам, спасибо большое! — приговаривала Оля, наблюдая за тем, как переходила из рук в руки трубка.

Савельев пошел в дом Пытто, аккуратно вытер о полочок ноги, приветливо улыбнулся хозяйке.

— Все волнуешься? — спросил он, глядя в хмурое, заплаканное лицо Пэпэв. — Не волнуйся, через день, через два муж твой вернется домой.

Пэпэв доверчиво посмотрела в лицо новому заведующему торговым отделением и, вздохнув, пригласила его сесть.

Уже три месяца жил Савельев в поселке Янрай, приняв у Митенко торговое отделение. Встретили его янрайцы в первые дни довольно холодно. И не столько потому, что он произвел на них плохое впечатление, сколько потому, что не мыслили себе видеть за прилавком магазина никого другого, кроме Петра Ивановича. Но вот прошла неделя, другая, и Савельев покори́л всех янрайцев.

Веселый и общительный, он внимательно присматривался к нуждам охотников и их домочадцев, был точен в расчетах до щепетильности. «Честный человек, такой же, как Петр Иванович», — стали говорить о нем чукчи. Вскоре выяснилось, что Савельев ничуть не меньше, чем Митенко, может быть полезен в советах, в помощи по хозяйству в каждом доме, в каждой яранге.

Как-то один из охотников пожаловался, что в его печке перегорело в трубе колено. Савельев не замедлил осмотреть испорченное колено и, немного подумав, пришел домой, изготовил деревянный молоток, вооружился ножами по железу, жестью и принялся за работу. Вскоре было готово новое колено. К Савельеву посыпались заказы на трубы. Он не заставлял себя просить. Благодарные янрайцы не знали, как выказать свое расположение их новому другу. Тот отказывался от уплаты, от подарков и попрежнему был готов к любым услугам, о чем бы его ни попросили.

И вот сейчас, сидя в доме Пэпэв, Савельев внимательно осматривался вокруг, как бы подыскивая случай чем-нибудь оказаться полезным расстроенной хозяйке. Заметив выдавленное стекло в занесенном снегом окне, Савельев внимательно осмотрел его.

— Дует! Нехорошо! — озабоченно сказал он.

— Это Тотык нечаянно вчера раздавил... — вздохнула Пэпэв. — Хорошо, там еще вторая рама, а то что делать пришлось бы? Мужа-то нет дома... кто сделает?

— Сейчас, сейчас, Пэпэв, — с готовностью отозвался Савельев и вышел из дому. Вскоре он пришел с куском стекла, линейкой и алмазом. Через каких-нибудь четверть часа окно было застеклено заново.

— Спасибо тебе, спасибо, Василий Лукьянович, — поблагодарила хозяйка, светливо накрывая на стол. — Чаю сейчас попьем; заметила я, что ты так же любишь чай, как настоящий чукча.

— Что ж, чайку попить... это дело хорошее, — согласился Савельев, приглаживая рыжие усы. Полное лицо его, с бугристым лбом, крупным пористым носом, с маленькими, прячущимися в многочисленных морщинках глазками, удивительно преображала светлая, почти детская улыбка.

Попив чаю, Савельев поблагодарил хозяйку и вышел на улицу.

Недалеко от дома Пытто свети́лась большими окнами

школа. Савельев вдохнул всей грудью щекощущий вездри морозный воздух и направился к школе.

В школе его оглушил гомон детских голосов. К нему ринулось до двух десятков мальчиков и девочек, крича наперебой:

— С нами играть, Василий Лукьянович!

— В кошки-мышки, Василий Лукьянович!

Оля с улыбкой наблюдала за этой сценой. А Савельев, вдруг чуть присев, поскакал по полу, отрываясь от земли сразу двумя ногами, смешно приговаривая: «Ква! Ква! Ква!» Вскоре с завязанными глазами, выставив вперед руки, Савельев ловил внутри круга юркого, подвижного Тотыка.

— Акулька!.. Я тут! — кричал Тотык, увертываясь от неповоротливого, запыхавшегося Савельева. Школьники звонко хохотали, смеялась до слез и Солнцева.

— Вы, я вижу, очень любите детей, — сказала учительница после того, как ипры кончились и они оба вошли к ней в комнату.

— Да как их, милая Оля, любить не будешь? — ответил Савельев, вытирая платком обильно вспотевшую лысину. — Одна пока? Петр Иванович все еще не приехал?

— Одна, — вздохнула Оля и машинально потянулась к портрету брата, стоявшему в рамке на туалетном столике. Савельев бережно взял из ее рук портрет и долго всматривался в мужественные черты лица юноши.

— Отомстим, отомстим, милая Оля, — сказал он тихо, без особого нажима, крепко сжимая руку девушке. Оля минуту боролась с собой и, не выдержав, отвернулась к окну, поднесла к лицу кончики косынки, накиннутой на плечи...

— Доживем ли, Оля, до того времени, когда не будет больше вот таких кровопролитий? — с какой-то подкупающей задушевностью спросил Савельев. И тут же тихо, с тоскою добавил: — Вы-то, молодые, доживете, а вот мы...

— Ну что вы... что вы, милый Василий Лукьянович! — Оля быстро повернулась к Савельеву; мягко дотронувшись руками до его плеч, она добавила: — Вы же еще не так и стары, вам еще, как говорил Маяковский, жить и жить по праву полагается...

— Так-то оно та-а-ак, — протянул Савельев, и вдруг лицо его опять озарилось ласковой улыбкой.

«Как может улыбка украшать человека, — шевельво подумала Солнцева. — Некрасив, очень некрасив... а вот улыбнется и... совсем другой».

— А знаете что! — вдруг весело воскликнула Оля. — Пойдемте к вам, я очень хочу послушать вашу скрипку. Вы давно уже мне не играли.

— Пойдем! — так же весело отозвался Савельев. — У меня сегодня душа отчего-то как скрипка поет, и грустно, и... тепло как-то...

Вскоре Оля в домике Савельева сидела в кресле, обшитом шкурой белого медведя, а перед ней стоял хозяин дома со скрипкой в руках. С samozабвенным восторгом, от которого у него самого на глазах навертывались слезы, он выводил на скрипке народную песню «То не ветер ветку клонит». Оля сидела тихая, вся погруженная в себя, безотрывно глядя куда-то в одну точку неподвижными, тоскливыми глазами. Грустная мелодия песни раз-

будила в ней, кроме непотухающей скорби по брату, целый рой каких-то чуждых ощущений, отрывочных мыслей, еще пока не сбывшихся надежд.

Когда Савельев кончил, Солнцева еще долго сидела все в той же позе.

— Оля! — тихо позвал ее Савельев, — может, я тебя расстроил грустной музыкой, а?

— Нет, нет! — востепенулась Оля. — Как раз вы сыграли именно то, чего мне так хотелось... Жаль вот, Гивея здесь нет, он так любит слушать вашу скрипку.

— А может, это не так уж и плохо, что его нет, — возразил Савельев. — А то опять стал бы приставать: поучи да поучи. А впрочем, сказать должен, что слух у него просто прекрасный. Я сначала не верил, что он... сможет. А теперь, понимаешь, верю. Учю его! С огромным удовольствием учу!

— Говорят, принялся скрипку делать, — улыбнулась Оля. — Ничего подходящего не нашлось, так он... из фанерных листов. На струны — оленьи жилы.

— Чудной парень, мальчик еще...

— Нет, Василий Лукьянович, это далеко не так, — с задумчивым видом промолвила Солнцева. — Если поглубже посмотреть, то под кажущимся мальчишеством этим у него скрывается ненасытная пытливость, редкое упорство и жажда узнать как можно больше, впитать в себя все свежие ветры, вобрать в себя как можно больше солнца...

— Что-то уж очень мудроно, — улыбнулся Савельев.

— Что ж тут мудроно, — просто возразила Оля, перебирая в пальцах бахрому тяжелой шали. — Однажды сочли за мальчишество его желание отремонтировать уже списанный мотор. Смеялись над шарнем. А он утащил мотор в охотничью землянку, ночей пять бился над ним и заставил работать. Вот вам и мальчишка!

— Да я что... я нет... Сам говорю, что парень очень способный, люблю его. — Немного помолчав, Савельев добавил с вкрадливой ласковостью. — А хочешь... я сейчас что-нибудь такое веселое сыграю?!

И только он хотел ударить смычком по струнам, как в дверь громко постучали.

— Кого это там шелегкая несет? — Савельев недовольно нахмурился, направляясь к двери.

— Может, это Петр Иванович? — с радостью спросила Оля, быстро поднимаясь с кресла.

Савельев открыл дверь тамбура и вдруг услышал сильный, чуть хриловатый голос Караулина:

— Принимай, Василий Лукьянович, гостя!

— А-а-а! Это вы, Лев Борисович! — радостно воскликнул Савельев. — Проходи, проходи! Рад дорогому гостю.

Отряхнувшись от снега, Караулин вошел в комнату, поздоровался с Солнцевой. Отложив свою скрипку в сторону, хозяин дома принялся хлопотать у печки. Оля было собралась уходить, но Савельев и Караулин упростили ее остаться.

Вскоре все трое сидели за столом. Савельев достал два стакана и одну рюмку, налил разведенного спирта. Оля отказывалась от рюмки, но вдруг, махнув рукой, выпила, поперхнулась, закашлялась.

— Вот уже целый месяц по всему побережью нашего

района разъезжаю, в каждом колхозе побывал, с каждой бригадой на охотничьи участки заглянул, — говорил Караулин, с завидным аппетитом подбирая со сковородки жареное оленье мясо. — В округе мне в шутку громкое звание присвоили: генерал дивизии охотников Кэрвукского района. На первом месте в округе наш район идет по заготовке пушнины!

— Завидую вам, Лев Борисович, — вздохнул Савельев. — Не могу жить вот в таком глухом месте, без движения. Рассказали бы вот нам с Олей, как там дела на фронте... вся душа изныла.

Караулин нахмурился, сразу стал серьезным. Вскоре Савельев и Оля были поглощены его рассказом о положении на фронтах.

— А скажите, Лев Борисович, как вы полагаете: Америка и Англия в этот тяжелый для нас момент с Гитлером, случаем, не снюхаются?

В испотевшем от выпитого спирта и чая лице Савельева были тревога, живейший интерес.

— Так, так, так, — поддакивал он, внимательно выслушивая объяснения Караулина.

— А вот все же представьте себе, вдруг Америка нападет на Советский Союз — тогда так получится, что Чукотка станет самой что ни на есть передовой позицией. Полетят американские самолеты, бомбить станут... Правда, особенно бомбить-то им здесь как будто и нечего...

Караулин тонко улыбнулся, как бы говоря: «Наивноенько рассуждаете, товарищ Савельев».

— Мы должны быть готовы ко всему. Возможно, вы даже в малой степени не представляете себе, какое стратегическое значение имеет Чукотка! — Лев Борисович потянулся за полевой сумкой, извлек из нее карту Чукотского национального округа.

— Сюда, сюда, Лев Борисович, к свету! — Савельев прибавил огонь в лампе.

— Вот, гляньте, — показал Караулин. — Вы говорите — бомбить нечего. А вот эта бухта, где такой замечательный порт, а вот эта полярная станция или вот угольные копи...

— Так, так, так, — поддакивал Савельев. — А вот представьте себе такое: вы — главнокомандующий северной армии, которая обороняет Чукотку!..

Караулин сладко затыкнулся из трубки, рассмеялся. Взглянув на раскрасневшуюся, молчаливую девушку, улыбнулся ей, молодецкато тряхнул буйными рыжими кудрями. Он очень обрадовался такому повороту беседы: обсуждение стратегических вопросов было его излюбленным коньком. Не раз Лев Борисович с полной серьезностью говорил своим друзьям, что мог бы предложить немало смелых, эффективных планов главнокомандующим фронтами для наступательных операций на фашистские позиции.

Вооружившись карандашом, Караулин задумался над картой. Через несколько минут он уже с упоением руководил возможными военными операциями, которые могли бы развернуться на Чукотском полуострове в случае нападения Америки. Постепенно разошелся и Савельев. Он тоже чертил пальцем на карте стремительные стрелы, возражал, соглашался, предлагал свои варианты, дополнения. Солнцева с едва уловимой иронической улыбкой наблюдала

за ними. «Этакие доморощенные стратети», — подумала девушка. Когда Солнцева все это наслушало, она встала, собираясь домой.

— Пстойте, куда же вы так рано? — спросил Караулин. Он сразу как-то потух, обмяк. Он был уверен, что смелостью своих рассуждений производит на девушку большое впечатление, и вдруг...

— Нет, нет, я пойду! У меня еще дела, — улыбнулась Оля.

— А разрешите... Я с вами! — Караулин зажегся снова, тряхнул кудрями. — Я провожу вас... побеседуем... Ведь вам, поди, так скучно здесь.

— Нет, не скучно! У меня такие друзья! — возразила девушка. — Быть может, уже и Петр Иванович приехал... Я сама, — твердо добавила она.

Караулин посмотрел на нее испытующим и в то же время зовущим взглядом.

Оля нахмурилась и, сухо попрощавшись, вышла.

— Какова? — кивнул ей вслед головой Караулин.

— Девушка она серьезная, — не без гордости заметил Савельев.

— Ну, давай еще выпьем, что ли, — вздохнул Караулин. — Завтра вместе поедем по охотничьим участкам. Ты же заготовитель! Выполнение пушного плана для тебя такой же святой долг, как и для меня!

— Поедем, обязательно поедем! — с готовностью согласился Савельев.

Закончив ужин, хозяин и гость улеглись спать. Караулин долго ворочался, вздыхал и, наконец, сказал:

— Пойти, что ли, сходить к ней? Как ты думаешь, не обидится?

— А зачем? — спросил Савельев.

— Да пошутить, поболтать... вообще так... посидеть с девушкой.

— Ну да, я понимаю, — насмешливо отозвался Савельев. — Тебя, будем говорить откровенно, зовет юбка, она тебе голову кружит.

— Ну, брось ты, Василий Лукьянович, — попробовал рассердиться Лев Борисович. — Не в этом тут дело. Ну, а если... в конце концов...

— Никаких «если» не будет, — вдруг довольно резко отрезал Савельев. — Просто она даст тебе по морде, вот и все.

— Бывает и это, — флегматично заметил Караулин. — Был со мной однажды такой случай... Ну да ладно, давай спать. Вижу я — ты просто ревнуешь, старина, не зря, видно, здесь на скрипке ей найгрываешь.

— Что? — воскликнул Савельев и вдруг разразился хохотом. — Да она мне как дочь родная. За нее я не беспокоюсь. Она за себя постоит. А вот за тебя есть причина беспокоиться. Не хочу, чтобы ты влип в неприятность.

...Чуть свет Караулин был уже на ногах. Разыскав все необходимое, он умело приготовил завтрак, разбудил хозяина. Савельев был немало удивлен.

— Ох, и опытный же ты полярный вождь! — заметил он.

— Вставай, вставай! Поедем по участкам. Подбодрим охотников! Кому следует, по шее дадим!

Савельев проворно соскочил со своей теплой, уютной постели, сладко потянулся и начал одеваться.

Черная, тяжелая туча покрывает открытое море. Изредка тусклым отблеском сверкает студеная волна. Откуда-то издали доносится глухой шум. Рультын с напряжением вслушивается: пройдет ли стороной шторм, или захватит их льдину?

Иляй, Пытто и Гивэй, спрятав лица в головные вырезы куклянок, сидят на нерпичьих шкурах неподвижно. В темноте они кажутся обезглавленными. А шум все растет, все чаще вспыхивают тусклые лунные блики на черной воде, морская рябь усиливается.

Льдина, на которой скитались по морю Рультын, Гивэй, Иляй и Пытто, была довольно большая и прочная.

Убив около двух десятков нерп, охотники соорудили из нерпичьих туш нечто похожее на шалаш. Питались они мясом, а воду им заменял снег на льдине.

Трудно было, но охотники выжили. Только Иляй с каждым днем становился все мрачнее и замкнутее.

«Как мальчик, в море побегал. В ярангу зачем-то всем собранием прилезли, стыдить стали! — с закипающим раздражением думал он. — А как хорошо сейчас в яранге быть, в теплом пологе спать. Горячего мяса поешь, горячего чайку попьешь, спать ляжешь...»

От мысли о горячем чае Иляю стало еще холоднее. Не в силах унять дрожь, он старался как можно больше надыхать за пазуху куклянки, чтобы хоть немного согреться.

— На льдине трещина! — послышался тревожный голос Рультына. Охотники вскочили.

Иляй высунул из куклянки влажное лицо и, застонав от боли, закрыл щеки и нос руками.

Туман рассеялся. Полная луна осветила море. Рультын и Пытто внимательно оглядывали трещину.

— Смотрите, прямо под нашу «ярангу» идет, — тревожно сказал Пытто. — Надо скорее какую-то половину льдины выбирать, нерп и шкуры перетаскать.

— Пока вы сидели, я обе половины осмотрел, — прохрипел простуженно Рультын. Обледенелый подол верхней куклянки его стоял колом... — По-моему...

Не успел он закончить фразу, как черная, зигзагообразная трещина стрельнула еще метра на три.

— Перетаскивать! — властно крикнул Рультын и первый схватил одну из нерпичьих туш. Гивэй и Пытто последовали его примеру, но Иляй не сдвинулся с места.

— Что, как морж на солнце, под луной греешься! — в бешенстве закричал Пытто, толкнув Иляя мерзлой тушей.

Иляй задохнулся от ярости, хотел было ринуться с кулаками на Пытто и только тут понял опасность положения. Острая тревога вытеснила ярость. Иляй бросился к нерпам, схватил одну из них и потащил на новое место.

Трещина расширилась. Охотники, задыхаясь от усталости, переносили убитых нерп.

И вдруг та половина льдины, на которую они только что перенесли нерпичьи туши и шкуры, кривым росчерком почти раскололась пополам.

— Перетаскивать! — снова приказал Рультын.

На новое место успели перетаскать только половину нерп. Та часть льдины, которая казалась сначала наиболее надежной, теперь совсем отделилась и вдруг раскололась на три части.

Охотники молча наблюдали, как расходились в разные стороны куски льдины.

У Иляя закружилась голова. Ему показалось, что разум его начинает мутиться. Во рту стало вязко и горько. Дикие слова проклятия и отчаяния просились с языка. Но в сознании еще теплилась мысль, что надо быть мужичиной, что нельзя своим малодушием огорчать друзей, которым так же трудно, как и ему.

«Друзей? Каких друзей? — вдруг всплыли наверх другие мысли. — Разве Пытто, у которого язык, словно клыки волка, не смеялся в яранге надо мной, когда весь поселок пришел стыдить меня?»

Зачем-то сорвав с головы малахай, Иляй повернулся к Пытто. Лицо его еще сильнее обожгло ветром.

— Почему тогда, в яранге моей, как над мальчишкой, надо мной смеялись, а? — голос Иляя прозвучал одиноко, беспомощно, несмотря на всю силу гнева. Взглянув пристально в измученное, похуевшее лицо Иляя, Пытто невольно почувствовал к нему жалость.

Смахнув осторожным движением иней с головы Иляя, Пытто поднял со льдины его малахай, надел ему на голову. Иляй сразу сник, осутился и затоптался на месте, как бы примеряясь, куда бы сесть. Рультын положил руку на плечо Пытто и не то шутя, не то серьезно сказал вполголоса:

— Ты как настоящий мужчина поступил: чем ближе опасность, тем спокойнее должен быть человек!

Похуевшее лицо юноши с заиндевельными ресницами и бровями выглядело суровым и мужественным. Раскурив трубку, Рультын протянул ее Иляю.

— На, погрейся. Последняя закурка осталась.

Иляй жадно затянулся, закашлялся, хотел было еще раз поднести трубку ко рту, но, как бы вспомнив о чем-то, поспешно отдал ее Гивэю.

— Покурите и вы с Пытто. У вас тоже от холода, как и у меня, сердце, наверное, в ледяшку превращается.

— За это спасибо. — Затянувшись, Гивэй передал трубку Пытто. — Один мудрый старик такие слова сказал мне когда-то: «Если человек в беде только себя помнит, значит он один на один с бедой остается...»

— Да, да. Правду ты сказал: это, видно, мудрый старик был, — скороговоркой проговорил Иляй, которому от крепкой ли затяжки табака, от слов ли юноши сразу стало теплее и спокойнее.

— Давайте новое убежище делать! — предложил Рультын.

Когда убежище было готово, охотники съели по кусочку мерзлого нерпичьего мяса, уселись рядом, тесно прижимаясь друг к другу.

— Во сне сынишку Тотыкка видел, — негромко сказал Пытто с нотками грусти и едва уловимой нежности в голосе. — Стоит Тотык на берегу моря, вдаль смотрит, а по лицу его слезы бегут, крупные слезы. Я к нему руки протягиваю, а он не видит, вдаль отодвигается, туманом его закрывает. — Пытто помолчал и добавил уже совсем тихо, с нескрываемой тоской: — Хотелось бы мне хоть раз еще увидеть сына... да и жену тоже...

Рультын почувствовал, как холодок прошел по его спине. У него тоже была молодая жена, год всего, как женился.

Наутро охотники проснулись от радостного возгласа Пытто:

— Ветер на берег повернул, к берегу идем!

Рультын вскочил на ноги. Иляй тоже выбежал из убежища. В измученном, обмороженном лице его с красными глазами мелькнул огонек, проблеск надежды. Гивэй поднялся на ноги труднее всех. Его лихорадило.

— Парус, парус ставить! — вдруг закричал он и бросился к своему вещевому мешку, задыхаясь в мучительном приступе кашля. Он извлек из мешка две связки каменных палок.

— Это что? — удивился Рультын.

— А это я сам... на всякий случай придумал, еще там, дома, — объяснил Гивэй, разматывая шерпичьи ремни на связках палок, порой хватаясь руками за грудь. Палки были соединены друг с другом шарнирами. В вещевом мешке Гивэя оказался и небольшой парус, спитый из легких моржовых кишок.

— Как знал, что пригодится! — возбужденно приговаривал Гивэй, сооружая из палок небольшие мачты.

Под парусом льдина пошла значительно быстрее. Охотники смотрели в ту сторону, где миражем отразило в небе причудливые нагромождения ледяных торосов берегового припая¹ и вершины далеких снежных сопков, идущих вдоль берега.

— Вон смотрите: кажется, вершина снежной горы виднеется! — возбужденно воскликнул Иляй.

— Нет! — возразил Пытто, — нас, кажется, назад от Янрая унесло.

— Пусть какая угодно гора будет, лишь бы к берегу нас несло, — весело сказал Рультын и вдруг вскинул карабин.

Черный шар шерпичьей головы показался над водой. Рультын выстрелил. Студеная вода чуть окрасилась в красный цвет. Рультын быстро размотал в воздухе колотушку выброски и швырнул в море. Свергнув острыми крючками, колотушка упала чуть дальше желтого брюха нерпы. Подведя ее к шерпе, Рультын с силой дернул к себе. Крючки впились в брюхо нерпы. Ловко перебирая руками, охотник вытравлял мокрый ремень выброски, подтаскивая убитого зверя к льдине.

— Ого! Огромная! — весело воскликнул Пытто и тоже вскинул свой карабин. Выстрел Пытто оказался таким же метким. Вскоре и он вытащил на лед убитую нерпу.

— Будем стрелять нерпу, пока патронов хватит! Будем помогать бригаде нашей комсомольской план выполнять, — сдержанно, как и подобает настоящему охотнику, сказал Рультын, а сам подумал, тревожно оглядывая горизонт: «Не подуд бы ветер снова в обратную сторону...»

А мираж манил и манил своей обманчивой близостью. Голубые торосы, за которыми верхним ярусом возвышались синие горы, кружились, поднимались выше и выше, рассыпались на миллионы голубых кубов, падали вниз, нагромождались друг на друга, обламываясь, раскалываясь на мелкие части. Порой над всем этим невообразимым нагромождением голубых глыб стремительным всплеском разливалась ослепительная волна света, уходящая в беспредельную, мгlistую даль. Волна эта на мгновение смывала фантастические видения, но затем перед глазами охотников снова возникала, неудержимо влекла к себе до неузнаваемости преображенная миражем родная сторона, где был их дом, где было их спасение.

¹ Припай — полоса льда, смыкающаяся с берегом.

Тимлю возвратилась в поселок Янрай на карте Айгинто. По дороге председатель пытался вовлечь девушку в разговор, но Тимлю отвечала односложно, иногда невпопад. Черные глаза ее с зашнурованными густыми ресницами то и дело поглядывали на Эчилина, ехавшего следом.

«Нет, не любит она меня, совсем не любит. Ни одного хорошего слова сказать не хочет», — с мрачным видом думал Айгинто.

И вот Тимлю уже в Янрае, в яранге Эчилина. Девушке нестерпимо хотелось пройти по поселку, посмотреть на своих подруг, но Эчилин приказал сидеть дома и шить для него новые торбазы.

Склонившись у лампы над шитьем, Тимлю настороженно поглядывала на Эчилина, чтобы угадать его малейшие желания.

— Трубку! — приказал Эчилин.

Тимлю схватила лежавшую на коленях у Эчилина трубку, быстро набила ее и подала отчиму. Эчилин отложил в сторону алык¹, к которому прикреплял оторвавшуюся пряжку, и, уставившись на девушку, задумался. Тимлю сжалась под его холодным, колючим взглядом, руки ее дрожали.

— Как думает голова твоя, Айгинто хороший мужчина, а? — спросил Эчилин. Сердце Тимлю заколотилось так часто, что она даже приложила руку к груди: она не знала, как отвечать на вопрос. Своих чувств к Айгинто девушка не понимала, да почти и не думала об этом.

— Ты что, наверное, язык от радости проглатываешь, когда с тобой разговор о парнях начинают?

На лице Тимлю выразилось смятение. «Сейчас алыком по лицу ударит! Ударит, обязательно ударит!»

— Я... я не знаю, какой он, — наконец нашлась девушка. — Ты... не любишь его... значит, плохой он.

Эчилин криво усмехнулся и, к удивлению Тимлю, сказал спокойно:

— Зря ты такое думаешь, что не люблю его. Я всегда любил Айгинто и сейчас люблю. И тебя тоже люблю. Всем так говорить должна. Я счастья хочу тебе, хочу, чтобы ты женой Айгинто стала.

Кровь хлынула к лицу девушки. Низко опустив голову, она не смела взглянуть в лицо Эчилина.

— Я все сделаю так, как скажешь ты, — тихо ответила Тимлю.

Эчилин промолчал. Облокотившись на колени, он обхватил косматую голову руками, задумался. «Пусть идет Тимлю к нему. Не собираюсь же я сам на ней жениться. Айгинто, кажется, совсем голову потерял; надо понемножку его, как волчонка, к себе приручать. А то, поди, додумается послать меня на это трудное дело, уплывших на льдине искать».

Последняя мысль сильно занимала Эчилина. Он уже успел намекнуть председателю на боль в пояснице и на усталость. Говорил Эчилин с председателем вкрадчиво, ласково, давая понять, что уже считает его своим родственником. Однако от него не ускользнуло, что председателю не очень понравились его слова.

— Всем, всем до одного надо выйти на розыски, — возразил Айгинто и направился к выходу.

¹ Алык — собачья упряжь.

— А может, меня, больного, все же дома оставить? — сказал вслед Эчилин.

Председатель ничего не ответил.

«Ну что ж, не сразу волк собакой становится», — подумал Эчилин. И вот он сейчас не без волнения ждал прихода Айгинто. «Что скажет он мне? Быть может, промолчит и оставит в покое, а возможно, как мальчишке, все же прикажет в море итти?..»

А председатель колхоза в это время в школе, на собрании партийной группы, объяснял свой план поисков охотников, унесенных в море. Здесь, кроме коммунистов — Гэмаля, Айгинто и Митенко, — сидело еще до десятка охотников.

И вдруг дверь в класс отворилась и на пороге показался Тотыж. В возбужденном, круглом личике его было столько радости, что все сразу догадались: мальчик принес счастливую весть.

— Отец пришел! Рутьтын, Гивэй и Иляй тоже пришли! — выпалил он и, круто повернувшись, исчез так же неожиданно, как и появился. Но тут в класс вошел Рутьтын. Развязав малахай, он устало стащил его с головы и тихо попросил:

— Пить дайте...

Айгинто бросился в комнату Оли.

— А Гивэй, Гивэй где? — не выдержал он, чтобы не спросить о брате.

— Там... дома, — слабо махнул рукой Рутьтын.

Через несколько минут Рутьтын, сняв кухлянку, сидел в комнате Оли. Возбужденно сверкая ввалившимися глазами, он жадно пил чай, рассказывал столпившимся вокруг него охотникам о приключениях на море. Обветренное, местами обмороженное лицо его так изменилось, точно Рутьтын встал после долгой болезни. Оля решила измерить ему температуру.

— Сорок две нерпы убили. Сейчас все они на ледяном припае в стороне Ягычая находятся, — докладывал Рутьтын, все наливая и наливая в блюдце чай. — Километров тридцать отсюда будет. Сейчас же ехать надо. Ветер обратный может подняться, а нерпы у самой воды лежат. Дальше оттащить у нас сил нехватило. В море добычу унести может.

— Сорок две нерпы! — обрадованно воскликнул Айгинто.

— Хороший ли след вы после себя оставили? Найдем ли, если ночью, сейчас же, выедем на собаках? — предложил Гэмаль.

— Я с вами поеду, — спокойно сказал Рутьтын.

— Ты с ума сошел? — воскликнула Оля, глядя на градусник. — У тебя температура тридцать восемь и шесть десятых.

— Вот и хорошо. На морозе холодно не будет! — пошутил Рутьтын. — Еще Пытто может поехать, а Иляй и Гивэй совсем измучились. — Повернувшись к Оле, Рутьтын мягко попросил: — Сбегай, комсорг, посмотри их хорошенько. У Иляя лицо обморожено, а Гивэй, кажется, совсем заболел.

Оля тревожно переглянулась с Айгинто, быстро сложила в стопку свои ученические тетради, схватила ящичек с домашней аптечкой.

— Я побегу сейчас к ним. А тебе, — обратилась она к Рутьтыну, — раз меня здесь и доктором считают, запрещаю в море выезжать!

— Хорошо, хорошо, доктор, — улыбнулся Рутьтын, вытирая марлевым платком, поданным Олей, вспотевшее лицо. — Там, на войне, врачи тоже раненых бойцов в бой не пускают. Хорошее, конечно, дело делают, но часто там и раненые в бой идут...

— Запрещаю, все равно запрещаю! Здесь не война! — категорическим тоном оборвала комсомольца Оля, скрываясь за дверь.

Гэмаль и Айгинто пристально посмотрели друг друга в глаза, как бы спрашивая, кто же прав — Рутьтын или Оля.

— Сорок две нерпы! — снова воскликнул Айгинто и почесал затылок. — Жалко, если такая добыча в море уйдет. Сколько бы песцов можно поймать было, если бы мясо это на приманки пустить!

— А может, там на градуснике огонь твоего сердца показан, а? — улыбнулся ларторг Рутьтыну и тут же, став серьезным, спросил: — Не заболеешь, если съездишь с нами сейчас в море? Сам понимаешь, плохо будет, если ты сильно болеть станешь...

Рутьтын встал. Высокий, гибкий, со своим измятым ежином, с лихорадочным блеском запавших глаз, он, казалось, всем своим видом говорил, что готов еще не на одно испытание.

— Ну, ладно, ладно, — успокоил его Гэмаль. — Сходи домой, а то жена твоя молодая сейчас сюда прибежит, кроильной доской нас колотить за тебя станет. Смени сырую одежду, отдохни, пока собак запрягать будем.

— Правильно решили, — облегченно вздохнул Рутьтын. — А Иляй и Гивэй пусть дома будут, пусть Оля хорошо их посмотрит. Пытто, однако, тоже незачем ехать...

Эчилин ждал Айгинто со все возрастающим нетерпением. Он знал, что председатель колхоза должен притти обязательно, только с какими словами?

И вот, наконец, Айгинто пришел. Эчилин как можно приветливее улыбнулся и тут же приказал Тимлю поставить перед гостем деревянное блюдо с жирным оленьим мясом.

— Хорошее мясо, ай хорошее! — весело сказал Айгинто, улыбаясь Тимлю. — Только вот есть мне некогда. Собрайся, Эчилин, ехать надо...

Эчилин потемнел, но овладел собой, и, скривив лицо в болезненной гримасе, схватился за поясницу.

— Не могу я, Айгинто, по торосам лазить. Как бы вам, кроме Рутьтына, Гивэя, Иляя и Пытто, и меня потом не пришлось искать!

— Все они уже дома, — спокойно ответил председатель.

Эчилин открыл от изумления рот.

— Дома? Вернулись? Куда же тогда мне собираться?

— Поедем нерпу перевозить. На льдине набили! Все охотники в море выехать должны!

— А может, я все же останусь? — улыбнулся Эчилин. — Поясница болит, и потом вот Тимлю боится с моей старухой одна, без мужчины, на ночь оставаться.

Айгинто взглянул на Тимлю и шутливо, не без умысла, сказал:

— Пора посмелей становиться ей. — И, обратившись к Эчилину, добавил: — Сам понимаешь, все охотники

едут. Нехорошее говорить станут, если ты не поедешь. Есть старики, которые куда послабее тебя, и то едут.

Эчилин немного подумал и вдруг весело согласился:

— Правильно, нехорошее о тебе говорить будут. Я это понимаю. Не хочу родственнику плохое делать; собирай, Тимлю, меня в дорогу.

Через полчаса нарты длинной цепочкой двигались по морю, залитому лунным светом. Впереди всех ехал Руль-тын, за ним Эчилин.

— О-го, го-го-ооо-оо-оо, — тянул бесконечную, монотонную песню Эчилин.

Гэмаль подогнал своих собак и, поравнявшись с Айгинто, спросил:

— Сразу поехал Эчилин?

— Нет. Хитрил сначала. Теперь веселым прикидывается. Хитрый, очень хитрый.

— Торопитесь, торопитесь, люди! Как бы ветер в другую сторону не повернул, добычу в море унесет! — выкрикнул Эчилин, ловко соскочив с нарты, и потряс над своими собаками кнутом с набором гремящих колец на конце кнутовища.

11

Караулин прожил в Январе около недели. Неутомимый, он разъезжал по охотничьим участкам, рассказывал охотникам о положении на фронтах, о трудовом энтузиазме тех, кто работал в тылу, призывал январцев еще больше выставить кашканов и приманок. Детально всматриваясь в организацию работы в колхозе, он заметил немало неполадок: не вся береговая линия заставлена кашканами, и потому песцы, мигрирующие из тундры в море и наоборот, проходят безнаказанно; нет в колхозе разведчиков по розыску наиболее густого скопления песцовых следов; заготовленная пушнина сдается в торговое отделение недостаточно быстро, тогда как в интересах государства ее нужно сдавать немедленно; неправильно ведется отчет в райзо о выполнении пушного плана.

Как только из тундры вернулся Айгинто, заведующий райзо поспешно высказал ему свои замечания. Случилось это на одном из охотничьих участков, на котором встретились Караулин и Айгинто. Председатель пытался как можно спокойнее дослушать до конца Караулина, но ему это плохо удавалось. Назидательный тон заведующего райзо, порой даже окриж были председателю далеко не по душе.

— Даю на исправление всех этих недостатков сроку три дня! — тоном приказа закончил Караулин.

— Чего это у тебя такой громкий голос? — наконец не выдержал Айгинто.

— А ты меньше прислушивайся к моему голосу, — посоветовал Караулин. — У председателя колхоза и без этого дел немало. Вон мне за тебя пришлось утром трех охотников второй бригады переселить на четвертый охотничий участок, там гораздо больше сейчас песцовых следов.

— Что? — глаза Айгинто гневно блеснули. — А кто это тебе позволил? Или не я, а ты уже здесь председатель?

— Насчет председателя так скажу: лучше бы им здесь действительно был кто-нибудь другой. А тебе подрасти еще надо бы, от мальчишества избавиться. Ну, а насчет переселения... Почему это тебе так не понравилось?

— А вот... вот почему, — уже задышался Айгинто. — Смотри, чтобы с тобой здесь не случилось вот так...

Председатель выхватил за цепь из снега кашкан, быстро ткнул в него рукавицу. Кашкан целынул, прихватив рукавицу.

— Вот так нос твой длинный кашканом прищелкнет, если совать его не в свое дело будешь.

Лицо Караулина побагровело.

— Ах ты, мальчишка! — наконец вполголоса выдавил он. — Да понимаешь ли ты, с кем разговариваешь?

— Уходи! Уходи отсюда! Не нужна нам твоя помощь! Ты не умеешь помогать! Уходи сейчас же, а то драться буду! — Айгинто вскинул над головой кулаки и двинулся на Караулина.

— Хулиган! Хулиган ты, а не председатель колхоза! — выкрикнул Караулин и с оскорбленным видом отвернулся.

Под вечер парторг Гэмаль уже был вынужден разбирать серьезный конфликт, возникший между председателем колхоза и заведующим райзо. Караулин настаивал немедленно собрать если не колхозное собрание, то заседание правления, где были бы обсуждены недостатки работы колхоза, обнаруженные им самим, а также было бы разобрано поведение Айгинто, которого он обвинял в хулиганстве. Сидя за столом в своем доме, Гэмаль минут десять внимательно вслушивался в перепалку между Караулиным и Айгинто. В спокойных глазах парторга мелькали то насмешка, то холодный огонек осуждения, то недоумение.

«Как вести себя в этом случае?» — думал Гэмаль. Симпатии его были на стороне Айгинто, а Караулин, хотя он действительно как будто справедливо указывал и на недостатки в работе колхоза и на невыдержанность в характере председателя, решительно ему не нравился. «Значит ли это, что я должен согласиться с Айгинто и, как от холодного ветра, закрыть уши от слов Караулина? Слова его неприятно слушать, это верно... но он правду говорит: почему действительно не сразу же сдаем пушнину в торговое отделение? Ты, парторг, почему сам не дотадался, что медлить с этим — преступление? Поругать, сильно поругать надо и меня и Айгинто».

— Не будет никакого заседания! Не будет никакого собрания! — кричал Айгинто Караулину. — Не хочу твой голос слышать.

— А все же придется послушать, — забрасывая ногу на ногу, отвечал Караулин.

— Да, правление колхоза надо собрать, — твердо решил Гэмаль.

Айгинто, как ошпаренный, повернулся в сторону парторга. Он, казалось, не хотел верить своим ушам.

— И ты... и ты такой же! — наконец воскликнул он. — Не будет! Не будет никакого заседания!

— Тогда я партгруппу соберу, — тихо, но с непоколебимой решимостью произнес Гэмаль.

— Ага! Партгруппу соберешь! — Айгинто почти вплотную приблизился к парторгу, обдав его своим горячим дыханием. — Перед начальником, как собачки, на задние ноги становишься...

Лицо Гэмалья потемнело. Он медленно поднялся.

— За что оскорбляешь? — бросил он в лицо председателю таким тоном, что тот невольно на мгновение протрезвел. — Ты думаешь ли, о чем говоришь?

Заметив на лице Караулина, смотревшего на него, ироническую улыбку, Айгинто взъярился снова.

— Да, да! Как собачка на задних лапках! Видишь, как начальник обрадовался, как сладко улыбается!

— Это просто сумасшедший! — вновь вступил в разговор Лев Борисович. — Я не понимаю, как ему можно доверять колхоз...

— Можно доверять, и мы будем доверять! — Гэмаль сурово посмотрел в лицо заведующего райзо. Тот смутился. — Айгинто есть за что отругать, но и вам не меньше громких слов сказать следует.

— Ну, ну, давай, режь правду-матку, — оживился Караулин.

— Вот вы приехали помочь нам... И помогли во многом... На недостатки правильно указали.

— Ну и что же в этом плохого? — вскинул брови Караулин.

— А вот что... Когда о недостатках нам говорите, мы громкий голос ваш слышим, зубы ваши видим, когда вы плохо смеетесь над нами, а вот сердца — не видим...

— А зачем оно вам, сердце мое?

— Надо, очень надо, но меньше, чем ум надо! — вдруг загорелся Гэмаль. — А без сердца и ум слабее. Вот оно голове вашей могло бы такое подсказать: «Зачем это я приказал охотникам перетаскивать в другое место свои калканы? Зачем подменяю председателя? Не обидится ли он? Чутко ли поступаю?»

— Правильно, молодец, Гэмаль! Я вот тоже хотел такое сказать, да не сумел! — воскликнул Айгинто.

Гэмаль круто повернулся к нему.

— Можешь молодцом меня не называть! Хватит того, что ты собачкой, на задних лапках стоящей, обозвал меня!

— Так это... я... Прости меня, Гэмаль, — Айгинто конфузливо улыбнулся.

— Нет, не прощу! Я долго это помнить буду! — отрезал парторг и снова повернулся к Караулину. — Какой-то вы такой вот, как жердь, которая, где нужно изогнуться, не может и от того бестолку иногда больно зашибает тех, кто поблизости находится. Ну что вы скажете на мои слова?

— Умно, умно и горячо! — после некоторого раздумья произнес Караулин, пристально глядя на кончик своей папиросы, словно там искал ответа. — Но и ты свое сердце проверь. Почисть его немножко. А то слышал я, ходят нехорошие слухи по поселку, что ты... Одним словом, о Тэюэ тебе напомнить хочу. К лицу ли это парторгу?

Гэмаль на мгновение замер. Что-то сразу ударило в нем по самым чутким струнам в душе, ослепляя и оглушая. Ему почувствовалось, что Караулин дотронулся до чего-то нестерпимо болезненного, незащищенного в нем, да так, что захотелось закричать, застучать кулаками о стол, вышибить окно, чтобы глотнуть холодного воздуха.

— Ну, что вы на это скажете? — вкрадчиво спросил Караулин. Айгинто, чутко уловивший, что происходит на душе у Гэмалья, с тревогой поглядывал на него.

— Скажу... что у вас... и здесь получилось, как с калканами... не в свое дело... залезли! — выговаривал Гэмаль слова глухо, подыскивая их с трудом.

— Нет! Зачем же! Личная жизнь коммуниста — это далеко не только его личное дело! — возразил Караулин, снова вглядываясь в кончик своей папиросы.

— Не так! Не так все это! Вы не знаете... Вы не понимаете, что у нас происходит... Вы...

— Успокойся, Гэмаль, — перебил парторга Айгинто. — Он всегда так... смотрит далеко, а, кроме своего длинного носа, ничего не видит. Пусть лучше едет домой. А заседаний у нас никаких не будет.

— Сейчас же будет собрана партийная группа! — выговаривая каждое слово, отчеканил Гэмаль. — Придут и беспартийные! И товарищ Караулин нас с тобой там будет ругать за недостатки в работе колхоза.

Айгинто соскочил со стула, схватил в руки свой малахай.

— Я не приду! Ни за что не приду! — закричал он, направляясь к двери.

— Попробуй! — угрожающе произнес Гэмаль.

На заседание партгруппы Айгинто все же пришел. Он молча выслушал выступление Караулина, который как-то пытался избавиться от своего назидательного, приказывающего тона, так же безучастно прослушал всех других выступавших, проголосовал за проект решения и ушел, никому не сказав ни слова. Сразу же ушел и Гэмаль к себе домой. На душе у него было мрачно. Матери дома не было. Гэмаль уселся за стол, обхватив голову руками. Перед ним неотступно стояли немигающая, переполненные каким-то удивительно нежным и в то же время печальным светом глаза Тэюэ. Что-то рвалось внутри Гэмалья к этому взгляду, билось, как схваченная за ноги птица. И ему захотелось встать и закричать: «Ну что, что мне делать? Чем я виноват? Да! Я парторг! Но значит ли это, что я должен вырвать сердце, к полярной звезде поднести и в лед превратить!»

А глаза, удивительные глаза, все стояли перед ним.

Рывком расстегнув на себе ремень гимнастерки, Гэмаль с яростью запустил его куда-то в угол, распахнул дверь буфетика, вытащил бутылку с разведенным спиртом. Залпом Гэмаль выпил сразу полстакана. Спирт ожег его, и от этого стало еще больнее. «Нет, огонь и так сжигает меня до пепла!» — воскликнул Гэмаль и, схватив бутылочку, как был раздетым, выбежал на улицу. Ледяной ветер ударил ему в лицо и грудь. По небу бежала сквозь легкие облака, как будто чем-то испуганная, луна.

Гэмаль зашел за угол дома и с яростью бросил бутылку о торчащий из-под снега камень. Осколки вспыхнули в воздухе лунными искорками. Гэмалю захотелось движения, стремительного, как ветер. Он быстро вошел в дом, оделся и, хлопнув дверью, направился к собакам. Вскоре он мчался на нарте к своим приманкам, с ожесточением потрясая над собаками кнутом с набором гремящих колец. Малахай его был сброшен на спину. Седая, тяжелая шапка инея образовалась на голове. Гэмаль гнал собак, а сам мучительно думал, как найти ему выход из того тупика, в котором он очутился. А по небу, как и прежде, сквозь перистые облака бежала испуганная луна.

Состояние здоровья Гивэя очень встревожило Солнцеву.

«Как знать, не воспаление ли легких у него? Врача надо из Илринэ вызвать», — думала она, прислушиваясь к тяжелому, жаркому дыханию Гивэя.

Юноша не отрывал немигающих, с лихорадочным блеском глаз от учительницы. Счастливая улыбка на его лице часто сменялась болезненной гримасой.

Оля принялась выслушивать Гивэя. Юноша схватил ее руку, крепко прижал ко лбу. Мать Гивэя, с тревогой смотревшая на сына, смущенно затопталась на одном месте, пошла что-то разыскивать в самый дальний угол комнаты.

— Минуточку, Гивэй, мне надо тебя послушать, не мешай, — я же не врач, могу ничего не понять, — просто сказала девушка. Гивэй выпустил ее руку и затаил дыхание.

Поставив больному компресс, Оля поспешила к Иляю.

— Уже ушла? — спросил у матери юноша, с трудом отрывая голову от подушки.

— Лежи, лежи, Гивэй, — ласково сказала мать, поправляя изголовье. «Вот так же лежал больной второй мой сын, Крылатый человек», — думала она, печально скрестив руки на груди.

Гивэй неожиданно сел на кровати. В глазах его был восторг, запершиися губы улыбались.

— Вот хорошо! — произнес он мечтательно.

— Что, что хорошо? Ложись! — с тревогой сказала мать, думая, что сын ее бредит.

— Разве ты не понимаешь? — удивился Гивэй. — Теперь Оля лечить меня будет... — Мать невольно улыбнулась сквозь слезы и пробормотала, не столько для того, чтобы возразить сыну, сколько для самой себя:

— Разве ты не знаешь, она же не нашего рода человек, она же не нашего языка человек.

— Болеть я долго не буду, — уверенно заявил Гивэй. — Но я все равно буду говорить, что больной, пусть только лечит Оля.

— Тебе нельзя разговаривать, спи! — уже недовольно нахмурилась мать.

— Вот только охотиться надо, а то бы я целый месяц болел бы...

— Спи! А то сейчас Олю позову! — пригрозила мать.

— Хо! — обрадовался Гивэй, приподымаясь над подушкой. — Правда позовешь? Зови! Скорее зови!

Старушка мать вздохнула и решила молчать.

Приехавший на вторые сутки из Иллирнея врач нашел у Гивэя воспаление легких. Болезнь свою юноша переносил легко. Когда приходила Оля, он много шутил, смеялся.

Когда Гивэй был уже почти здоров, Оля однажды забежала в его дом и застала юношу за странным занятием. Сидя на кровати, он с увлечением ловил маленькие капли ртути. На столе лежал разбитый градусник. Крупинки то дробились, то опять сливались, ни одна не попадала в ладонь Гивэя.

— Смотри, как интересно получается, — пораженный неожиданным открытием, обратился он к Оле. — Живая вода и, понимаешь, не мокрая, как же это получается, а?

— Ты что, нарочно градусник разбил? — строго спросила Оля. Гивэй смутился.

— Такая, знаешь, жаркая температура у меня появилась, что градусник лопнул! — попытался он отделаться шуткой.

— А что, если бы ни у врача, ни у меня запасного градусника не было? — с упреком спросила Оля. — А там еще Иляй болеет, Пытто нездоров, им тоже помочь надо... Пора тебе серьезным быть, за ум братья.

Гивэй густо покраснел, опустил голову. Он лег на подушку и закрыл глаза.

— Ты что, обиделся? — мягко спросила Оля, дотрагиваясь до лба юноши рукою.

— Совсем не обиделся, — серьезно возразил Гивэй, — так просто... думаю... думаю, почему глупым меня назвала?..

— Глупым я тебя не называла.

— Ну, все равно, как ты сказала? За ум братья надо? — тем же тоном продолжал юноша. — А вот как это за ум братья? Много раз от тебя слышал, что тот, кто много знает, — умный человек. Вот я и хочу... понимаешь, Оля, много знать хочу!

Гивэй приподнялся на кровати.

— Мало я пока знаю, Оля. Вот ты с учениками какую-то траву в ящичках на окошке выращиваешь, мне тоже захотелось траву выращивать. Понимаешь, зима... ой, какая злая зима, а тут — трава зеленая! А то вот все думал, почему в одном месте льдина из морской воды соленая бывает, а в другом — совсем не соленая. Лед колл... в кастрюле таял его, кипятил его... Мать сильно ругалась, боялась, что морского духа разгневаю. Потом решил книгу найти про это, прочитать. Не нашел пока.

Оля внимательно вслушивалась в быструю, взволнованную речь Гивэя, и ей очень хотелось прикоснуться к его голове рукою, быть может погладить, как это иногда она делала со своими учениками.

— Но больше всего мне машины всякие понять хочется. — Гивэй закашлялся. Оля просила его не разговаривать, но остановить юношу было не так просто.

— Вот понимаешь, когда я смотрю на какую-нибудь машину или на вещь какую-нибудь, которую никогда не видел, мне хочется в самую-самую середину ее посмотреть... кажется, что там и есть самое главное. Да, да, это верно: самое главное всегда внутри! — убежденно закончил он свою мысль.

— Правильно, Гивэй, но скажи, понял ли ты, что такое градусник, после того, как заглянул ему внутрь?

— Нет, не понял, — признался юноша.

— Значит, что выходит? Дальше учиться тебе надо. Четыре класса ты кончил, но этого мало.

— Верно, Оля, учиться надо! Физику, химию знать надо. А вот кто учить будет, а?

— Я учить буду, — просто сказала девушка. — Только знай, трудно, очень трудно и тебе и мне будет.

— Зачем тебе? Мне пусть будет трудно!.. Задавай больше уроков! — еще сильнее заволновался Гивэй. — Чтобы, знаешь, башка от них, словно земля в мороз, трещала!

— Ложись, тебе нельзя разговаривать, — попросила Оля.

Она хотела еще что-то добавить, но в это время дверь в дом отворилась и тотчас захлопнулась.

— Оро! — закричал Гивэй. — Оро, иди сюда!

Солнцева глянула на часы, нахмурилась: Оро без ее спросу покинул интернат как раз тогда, когда школьники в интернате уже должны были готовиться ко сну. Мать Гивэя вышла в тамбур и ввела в комнату смущенного Оро. Мальчик сконфуженно поглядывал то на учительницу, то на Гивэя.

— Я... сильно-сильно хотел... Гивэя увидеть. Слышал я, что он уже выздоравливает... очень обрадовался... — наконец промолвил он.

— Ну-ну, посмотри, только спрашиваться надо, — сказала Оля, с трудом придавая своему лицу строгое выражение: учительница знала, какая крепкая дружба возникла между Гивэем и ее учеником Оро.

Да и не только одному Оро Гивэй казался человеком, достойным подражания. Его любили все ученики. Когда Гивэй долго не появлялся в школе, многие мальчики по нему тосковали. Неутомимый, с массой самых неожиданных затей, Гивэй вносил с собой в школу бурю веселья.

— Тебе воспитателем надо бы в школу поступить! — сказала как-то ему Оля. — Вот только самого еще немножко повоспитывать надо.

Заметив, какими глазами смотрит Оро на Гивэя, Оля позвала его к кровати.

— Ну-ну, подойди ближе, полюбуйтесь друг на друга! — ласково сказала она.

Стремительный и легкий, Оро подбежал к Гивэю, схватил за руки.

— Ну как, скрипку сделал уже?

Гивэй провел снизу вверх по стриженным жестким волосам Оро, заглянул ему в глаза.

— Нет еще. Болезнь помешала...

— Ой, как там ждут у нас все скрипку твою! — воскликнул Оро, видимо испытывая огромное удовольствие от того, что Гивэй прикоснулся к его голове.

Оля наблюдала за встречей друзей и думала: «Это совсем не случайно, что школьники так тянутся к Гивэю и особенно наиболее живые, способные. Уж очень много в нем обаятельности, новизны, свежести... Смотри, как бы он и тебя не обворожил, этот неутомимый человек».

Оля улыбнулась своей мысли, однако поймала себя на том, что невольно любитесь выразительным, мужественным лицом юноши, его удивительными глазами, в которых отражались малейшие душевные движения.

«А что, если мне научить его танцевать! Вот отвела бы душу. Так давно не танцевала!»

13

Иляй лежал на мягких шкурах в своем пологе, думая о той славе, которая выпала и на его долю после блуждания на оторванной льдине по морю. Было ясно, что о нем говорили так же, как о Рутьтыне, о Гивэе, о Пытто. Иляй наблюдал, как Тэюнэ чинила его торбаза, меховые чулки. «Хорошая она у меня в эти дни, — размышлял Иляй, не отрывая ласкового взгляда от жены. — Вот всегда бы она такая была, заботливая, послушная. Вчера даже в школу не пошла из-за того, что я все еще больной и за мной ухаживать надо. Конечно же, в том, что она плохой иногда бывала, я во многом виноват. Может ли быть, чтобы жена уважала мужа-лентяя? Но сейчас я другим, совсем другим человеком стану. Приятно, когда о тебе с уважением говорят, думают, что ты смелый, настоящий охотник. Вот полежу еще денька два-три, сил наберусь, тогда за работу возьмусь. Оро! Они еще узнают, кто такой Иляй! Вот только встану как следует на ноги!

Через неделю все насмешники, кто раньше проходу мне не давал, языки свои откусят и собакам выбросят».

— Ну, как голова твоя? — с участием, за которым Иляй услышал уже что-то новое, спросила Тэюнэ.

— Да так, — неопределенно ответил Иляй. — Шумит еще, гудит, даже свист какой-то временами в ушах.

— Свист? Первый раз такое слышу! — изумилась Тэюнэ и, немного подумав, добавила, не глядя на мужа. — Пытто вон уже три дня как встал, двух песцов за это время поймал. А Рутьтын так совсем не ложился.

Иляй поморщился: слова жены портили ему то приятное настроение, которым он упивался.

— Не жалеешь ты меня, — обиженно отозвался он. — Ждешь, наверное, чтобы я подох поскорее, чтобы потом к этому Гэмалю пойти.

Тэюнэ отложила в сторону торбаза Иляя и принялась чинить свои.

«Зачем это она свои торбаза чинит? Не собирается ли уходить куда-нибудь, — с тревогой подумал Иляй. — Однако все же скверная жена у меня, все собираюсь проучить ее и никак не соберусь. Уж очень доброе сердце у меня».

Когда наступил вечер, Тэюнэ собрала свои книги и, ни слова не сказав мужу, ушла в школу. После занятий она вошла в комнату Солнцевоы.

— Почему не веселая? — заинтересовалась Оля, предлагая гостье стул. — В классе ты о чем-то постороннем думала, задачу не решила.

Тэюнэ опустила голову.

«Что-то тяжелое на душе у нее, — подумала Оля, — видно, не зря зашла».

— Давай чай пить? — предложила учительница.

Тэюнэ промолчала. Оля быстро накрыла стол.

— Почему твой Иляй на занятия не ходит?

— Опять Иляй в спячке медвежьей. Ему кажется, что он больной, а на самом-то деле он просто лентяй. Все хватается, как на льдине плавал. Охотником настоящим себя называет, а за приманками не ходит. Какой же это охотник? — невесело ответила Тэюнэ, подвигая к себе блюдо с чаем.

«Да. Тяжело ей с Иляём. Обогнала она его, далеко обогнала, — сочувственно подумала Оля. — Помочь ей надо, но как?..»

— Не обижайся, Тэюнэ, если я у тебя лишнее спрошу. Скажи, ты любишь Иляя?

Тэюнэ медленно подняла на Солнцеву печальные глаза, без тени смущения сказала:

— Не люблю. Никогда не любила. Ты же знаешь, обычай такой у нас был, плохой обычай: родители детей своих сватали, когда они еще и на свет не родились. Так и со мной получилось.

— Да. Невеселое ты мне рассказала... Ну, а он тебя любит?

— Не знаю... Сильно к Гэмалю ревнует.

— Почему к Гэмалю? — изумилась Оля.

Тэюнэ испытующе посмотрела в глаза учительницы и с той же серьезностью и спокойствием сказала:

— Все в поселке знают, что я сильно Гэмалю люблю. Одна ты этого не знаешь.

Солнцева покраснела, точно она действительно была виновата, что до сих пор не догадывалась о чувствах Тэюнэ к Гэмалю.

— Ну, тогда уж, раз мы, как сестра с сестрой, о таком важном заговорили, скажи мне, Тэюна, Гэмаль знает о любви твоей?.. Сам-то он что говорит тебе?

— Ничего не говорит, — грустно ответила Тэюна. — Думаю, прячет он в сердце тоску свою по мне, как подо льдом в море прячет. Стороной обходит меня, не хочет встречаться. Наверное, боится, что плохо о нем говорить будут, парторг же, а сам другой раз смотрит, смотрит на меня так, что я с места двинуться не могу, будто ноги к земле примерзают. И у него в глазах тоскливый огонь горит.

Оля чисто по-женски прижала голову Тэюне к своей щеке и долго сидела неподвижно, глядя куда-то в угол немигающими глазами.

— Не может Илья жить, как другие. Чего я только не делала, чтобы его по своей тропе направить. А он пройдет шагов несколько и снова отдыхать садится, — тихо говорила Тэюна, перебирая в руках бахрому шали, которая была накинута на плечи Солнцевой. — Ну что ж, раз так получается, я сама пойду по своей тропе: завтра вместо Илья капканы проверю. У меня уже давно в голове мысль появилась за этот промысел взяться. Охотиться начну, как мужчина. Потом, быть может, и других женщин на такое дело собью.

— А знаешь, это здорово! — встрепелась Оля, сбрасывая со своих плеч пуховую шаль. — Давай, Тэюна, давай, милая, действуй!.. А я помогу тебе бригаду женщин-охотниц организовать.

Когда Тэюна ушла, Солнцева быстро разобрала постель, потушила лампу и легла спать. Но сон не приходил. Девушка смотрела широко раскрытыми глазами в темноту.

Мерно тикал будильник. Лунный свет едва освещал стол, заложённый тетрадами и книгами. Оля смотрела на зеленые искры раздробившегося в окне лунного света и думала о том, как холодно сейчас путникам, которых ночь застала в пути. Неожиданно вспомнила о Журбе. «Холодно ему сейчас там, в тундре. Тоскливо, наверное. А хороший он, очень хороший. Вот полюбить бы такого... — Оля замерла, как будто чутко прислушиваясь к самой себе. — Нет, это что-то совсем, совсем другое, когда знаешь, что любовь живет в тебе».

Оля закрыла глаза, приложила ко лбу руки и долго лежала неподвижно, будто снова и снова пытаясь погрузиться в себя и понять — чем же богата ее душа, какие волны выйдут в ней, зреет ли там буря, через которую должно пройти каждое молодое сердце? Непонятное ощущение, похожее на пьянящую дрему, овладело девушкой. Словно Оля ждала, что ее вот-вот пригreet первыми лучами восходящего солнца и она откроет глаза и тут же поймет что-то такое, отчего и качнется, замирая, ее сердце навстречу другому сердцу.

«А может, этого у меня никогда и не будет? — вдруг спросила себя Оля, подымаясь над кроватью. — Может, я такая вот... ненормальная... с душой-пустоцветом? А может, если бы я была где-нибудь там, в городе, в институте, где так много молодежи, то уже встретила бы его?..»

Оля снова уронила голову на подушку и чисто по-детски, уютно подложив вложенные одна в другую ладони под щеку, снова закрыла глаза. И перед ней опять встал

Журба. Оля вдруг вспомнилось до мельчайших подробностей, как она однажды на учительской конференции крепко поспорила с Владимиром из-за одной прочитанной книги, Владимир тогда сумел доказать ей, что она не права. С каким трудом она нашла в себе силы, в присутствии всех любопытных, прислушивавшихся к их спору, признать свое поражение и как смутился от этого Журба.

Представив себе всегда улыбающуюся и в то же время как-то по-своему серьезное, с чувством собственного достоинства лицо Журбы, Оля вдруг села на кровати и тихо сказала:

— Письмо ему написать, что ли?

Солнцевой стало очень хорошо от мысли, что у нее есть товарищ, которому хотя бы в письме могла рассказать о самом сокровенном. Не задумываясь, девушка соскочила с постели, зажгла лампу и, накинув халат, принялась писать письмо.

«...И знаешь, Володя, я хорошо понимаю Тэюна. Она уйдет от Илья, обязательно уйдет. Он потерял на нее свое право. Да скорее всего он никогда не имел на нее этих прав. У нее такая глубокая, человеческая душа, она так рвется ко всему новому. Она у меня лучшая ученица на либлезных занятиях. Вот я порой ее сравниваю с Тимлю. Какие это разные люди. Тимлю страшно пассивна, она еще спит. И нужно немало, видно, усилий, чтобы по-настоящему разбудить ее. А Тэюна смело рвет вековые оковы старых обычаев. В ней уже очень сильно высокое самосознание советской женщины, которая хочет любить, работать, жить, а не просто существовать!

Я знаю, ты скажешь, что Илья тоже надо тащить вверх. Да, это правильно, и его тащить вверх надо, но пока вот именно, к сожалению, тащить! А Тэюна сама идет, и не просто идет, — бежит, а Илья хватается ее за ноги, назад тащит! Я как советский человек, как учительница, как просто женщина не могу оставить Тэюна один на один со своей печалью!»

Где-то за окном послышался скрип нарты. Оля не донесла перо до чернильницы.

«Может, это Петр Иванович приехал?» — с радостью подумала девушка. Нарта проехала мимо. Оля еще мгновение прислушивалась к тишине ночи и вдруг как-то по-особому остро почувствовала себя одинокой. Она осмотрела комнату, как бы разыскивая кого-то, чтобы не оставаться в одиночестве, привычно остановила свой взгляд на портрете брата.

Сколько раз вот в такие минуты одиночества, когда в окно смотрелась холодная полярная ночь, она брала в руки этот портрет, и ей становилось легче. Тогда они были вдвоем. Тогда пусть в воспоминаниях, но он входил в ее комнату, как самый живой из живых, со своим заразительным смехом, неиссякаемыми шутками. Тогда он входил к своей любимой сестре с ласковым и необыкновенно умным взглядом больших серых глаз под высоким выпуклым лбом, за которым было столько дерзких планов на будущее и столько светлых, горячих мыслей о жизненном пути настоящего человека. Как самому близкому другу, он говорил ей о своей любви к ее подруге Зое.

— Человек не может трудиться, жить без любви, потому что природа одарила человека способностью любить

так же, как и способностью мыслить, — убежденно говорил он, чуть наклонив лобастую голову вперед. — И если человек не хочет знать, что такое настоящая любовь, — это ущербленный человек, это обворованный самим собой человек, — с юношеской запальчивостью продолжал Виктор и вдруг, схватив сестру за руки, начинал кружить ее легко и быстро, словно в руках у него была пушинка.

Вот таким входил к ней в воспоминаниях ее брат, друг еще совсем недавно, когда Оля пыталась освободиться от гнетущего чувства одиночества. А сейчас...

Оля всмотрелась в портрет Виктора и вдруг совершенно отчетливо представила себе глаза его закрытыми, закрытыми навсегда. Девушка чуть вскрикнула, поднесла руку ко рту, осмотрелась вокруг. В окно попрежнему заглядывала холодным безучастным оком луны полярная ночь. Оля упала на кровать лицом в подушку. И вот уже перед ее глазами брат лежит, вытянувшись во весь рост, со сложенными руками на груди, и над ним развеваются полковые знамена с черными траурными лентами.

— Нет! Нет! Нет! — вырвалось у нее. Но тут же, беспощадная в своей трезвости мысль, что это вполне могло случиться, что это уже случилось с десятками, с сотнями тысяч советских людей, совершенно ее обессилела.

Долго плакала девушка, а легче ей не становилось. Полярная ночь попрежнему смотрелась в окно, на этот раз уже далекими, перемигивающимися звездами.

14

После уроков Оля обожала весь поселок, сособо задержалась в семьях комсомольцев-охотников, подробно расспрашивая, как одевают их, как собирают на охоту, даже как борят.

Жена Рультына, молоденькая, кокетливо разнаряженная в бусы, серьги, браслеты, долго и терпеливо отвечала на вопросы Оли, потом обиженно надула пухлые губки и сказала:

— Ты что, думаешь, что у Рультына такая плохая жена, что и еду не может ему приготовить?

— Не обижайся, Айнэ, — мягко попросила Ольга. — Я комсорг и поэтому должна о своих комсомольцах заботиться, они фронтное задание выполняют.

В яранге Илья учительница задержалась недолго. Узнав, что Тэюнэ ушла к кашканам, Оля укоризненно посмотрела на хозяйина, приложила руку к его лбу и вполне авторитетно, с сознанием, что она здесь считается признанным доктором, сказала:

— Ты, Илий, был здоров еще три дня назад. Я это по голове твоей чувствую. Принимайся за охоту. А то, смотри, как бы Тэюнэ не обогнала тебя на охоте, посмешищем на весь район станешь.

— Не обгонит, — обиженно насупилась Илий. — Вот подождите, как встану на ноги, тогда не только всех январайцев, но и всех илирнэйцев обгону, — не очень уверенно погрозились он.

— Ого! — воскликнула Оля. — Сейчас же по всем домам и ярангам слова твои передам.

— Зачем? Не надо! — испуганно встрепенулся Илий.

— Передам, передам! Потом только попробуй плохо охотиться! — уже с улицы кричала Оля.

К вечеру поднялась пурга. Солнцева снова побежала в ярангу Илья. Узнав, что Тэюнэ еще не вернулась домой, Оля забеспокоилась и строго наказала, чтобы Илий немедленно пришел к ней, как только Тэюнэ вернется с охоты.

— Расскажешь, какая у нее была сегодня удача.

— Ладно. Хотя я и больной еще, но приду, — хмуро пообещал Илий.

Долго ждал он Тэюнэ, ворочаясь с боку на бок. Совесть мучила его.

«Неужели я такой плохой человек? Жена где-то в пурге сейчас бредет, а я вот тут, как слабая женщина, в пологе валяюсь. Нельзя так дальше жить. Раньше, лет десять назад, еще не было сильно заметно для других, что я такой жизнью живу. А сейчас я на нерпу похож, которая вылезла на чистое ледяное поле на солнце греться. Далеко такую нерпу видно, всем видно... Ай, жалко Тэюнэ, сильно жалко. Быть может, пойти поискать ее? Но кто мне сейчас даст упряжку?»

А Тэюнэ в это время пробивалась сквозь пургу домой. Ветер дул ей в спину. Тэюнэ шла наугад. Порой она спотыкалась, падала и снова двигалась дальше.

Путь для Тэюнэ казался бесконечно долгим. Дрожали от усталости ноги, нестерпимо хотелось пить. Она снимала рукавицу, брала в рот снег. На плечах у нее был песок. С каждым шагом песок казался все тяжелее. Тэюнэ готова была сбросить ношу со спины, но крепилась: ей очень хотелось швырнуть этого песка под ноги мужа, чтобы тот покраснел от стыда, чтобы подняли его насмех все охотники в поселке. Никогда еще муж не казался ей таким постылым, как сейчас.

И вдруг в снежной мгле что-то задело за ногу.

«Нарта!» — мелькнуло в голове Тэюнэ. От страха, что нарта проходит мимо, перехватило голос.

— Э-ге-гей! — наконец закричала она, громко, до боли напрягая горло. А вздыбленный снег попрежнему валил ее с ног, захватывал дыхание, то прижимал огромной тяжестью книзу, то вдруг как бы подымал вверх.

Рванувшись в отчаянии куда-то наугад, Тэюнэ снова закричала и тут же почувствовала, что ее кто-то ухватил за плечи. Она вздрогнула от неожиданности и послушно пошла рядом с человеком, который, как ей казалось, должен был повести ее к нарте.

Так оно и вышло. Человек посадил ее на нарту. Тэюнэ прижалась к спине своего спасителя, не зная и не думая, кто он такой и куда едет.

Тэюнэ клонило ко сну. Переваливая через сугробы, нарта в любую минуту могла перевернуться, но ловкий и неутомимый каюр во-время поддерживал ее.

Находясь без движения, Тэюнэ сильно продрогла. Сон и холод сковывали ее сознание.

«Надо встать... пробежаться», — думала она, не в силах сделать малейшего движения. Нарта остановилась. Тэюнэ попыталась осмотреться, но кругом была лишь косматая, бушующая тьма.

Человек взял Тэюнэ за руки и повел за собой. Затекавшие ноги плохо слушались Тэюнэ. Человек заботливо поддерживал ее сильными руками.

Через несколько минут Тэюнэ очутилась в каком-то затишье. Не валил с ног ветер, не хлестало снегом в лицо. Захотелось, не сходя с места, повалиться на землю и уснуть. Но тут отворилась дверь, и Тэюнэ увидела осве-

ценную, теплую, уютную комнату. Тэюна, как во сне, перешагнула порог и замерла, пораженная: она узнала дом Гэмалы.

«Что это? Может, я замерзаю?» — с испугом оглянулась она вокруг.

— Раздевайтесь, скорее раздевайтесь, — донесся до ее слуха голос матери Гэмалы. Тэюна быстро повернулась в сторону человека, который нашел ее в пурге.

— Гэмаль! — тихо воскликнула она. — Так это был ты?

Гэмаль снял малахай и радостно сверкнул своей бело-зубой улыбкой.

— Да, я, — ответил он, снимая со спины Тэюна пса. — Ехал с самой дальней охотничьей избушки и вот тебя нашел.

Гэмаль не сознался, что выехал специально на поиски Тэюны.

— Раздевайся, сейчас чайку поьем, — ласково обратилась к Тэюне мать Гэмалы.

— Нет, нет! — испуганно замахала руками Тэюна, хотя раздеться и остаться в этом чистом, уютном доме навсегда казалось ей ни с чем не сравнимым счастьем. Гэмаль укоризненно посмотрел на нее и, тяжело вздохнув, сказал, снова надевая на голову свой огромный волчий малахай:

— Ну что ж, идем, я отвезу тебя к Иляю.

— К Иляю не надо! Нет, нет! — снова замахала руками Тэюна. — Вези меня к Оле, сейчас же вези.

В разогретое, размякшее лицо снова безжалостно хлестнуло снегом. Тэюна закрыла лицо рукавицами, усе-лась на нарту. Собаки тронулись. Удаляясь от дома Гэмалы, Тэюна чувствовала, что внутри у нее что-то обрывается.

«Почему я не осталась там! Надо было остаться, — думала она. — Я бы согрелась, поела и там же легла бы спать. А что, если вернуться?! Он не удивится, поймет. Он тоже любит меня, сильно любит! И тогда мы уже навсегда остались бы вместе...»

Сердце Тэюны билось необыкновенно часто. Дыхание захватывало. Тэюна уже дотронулась рукой до плеча Гэмалы, чтобы крикнуть ему на ухо: «Поворачивай назад!» Но нарта остановилась, и Гэмаль прокричал ей в самое лицо, пытаясь пересилить шум пурги:

— Школа! Идем к Оле!

«А что, если сказать, чтобы он повернул нарту назад? — Сердце у Тэюны упало. Несколько секунд она отчаянно боролась с собой. — Нет. Нельзя назад! Надо к Оле!»

Солнцева обрадовалась, захопотала около Тэюны.

— Сейчас, сейчас согреешься... Сейчас чайку вскипачу. Я так ждала тебя! Раздевайся. Вон там мой теплый халат висит. Да что же это я... Не вставай, сама подам!

Тэюна, опустошенная еще не закончившейся душевной борьбой, неподвижно сидела на стуле.

Гулко трескалась от мороза земля. Трещали скалы, лед на реках и озерах. Декабрьские морозы доходили до пятидесяти градусов. Утренние сумерки сразу сменялись вечерними, и снова наступала тьма. Полярная ночь стояла над окоченевшей землей. Луна заменяла людям солнце.

Холодная, надменная, она не покидала неба круглые сутки, словно упиваясь своей безграничной властью. Иногда по небу метались легкие, как дыхание, всполохи северного сияния. Внизу, по бескрайним просторам тундры и скованного льдами моря, тянулись, шипя и извиваясь, бесконечные ленты поземки. А сверху, из далекого звездного мира, сыпался и сыпался мельчайший порошок изморози, невидимый, но раскаленный, как опилки железа.

Коченея от стужи, янрайцы пробивали пешнями лунки на реке, протягивали подо льдом сети.

Трудный был подледный лов рыбы в эти жгучие морозы, но колхозникам нужно было много свежей рыбы. С появлением мышей псец стал очень привередлив. Пока он еще охотно шел на свежую рыбу, реже — на свежую нерпу, на все остальные приманки не хотел и смотреть. А план и фронтное задание нужно было выполнить во что бы то ни стало.

Стучат пещни, со звоном отскакивая ото льда, словно это не лед, а твердейшая сталь.

В руках Гэмалы самая тяжелая пещня. Он с силой врывается в лед, чуть оскалив свои крепкие зубы. Мелкие ледяшки брызгами разлетаются во все стороны. Айгинто оглядывается на Гэмалы и с еще большей энергией продолжает орудовать пещней. Не обращая внимания на нестерпимую боль в усталых плечах, он думает о том, что его колхоз отстал от илирнэйского колхоза на целых сорок псецов.

«Надо их догнать, — думает Айгинто. — Время еще есть, но торопиться все равно надо. Вот наловим сегодня рыбы, поставим новые приманки, и тогда за несколько дней можно будет догнать илирнэйцев. Вчера на свежую рыбу попало восемь псецов. Если илирнэйцы до сих пор только на нерпу ловят псецов, то возможно, что они далеко позади останутся...»

От этой мысли Айгинто даже улыбнулся, но тут же что-то неприятное кольнуло его.

«Но почему илирнэйцы подо льдом рыбу не ловят? У них тоже близко река, хорошая, рыбная река. Написать, что ли?..» Другой внутренний голос сердито возразил:

«Пусть сами догадываются, не маленькие. А то, если обгонят нас, опять смеяться будут. Опять скажут нам: «Разве может худой, слабый детеныш здорового, сильного мужчину победить?»

Как ни отгонял Айгинто эту мысль прочь, она назойливо приходила на ум.

Разозлившись, Айгинто с такой силой ударил пещней о лед, что даже расколол у самого основания древко. Отбросив поломанную пещню в сторону, председатель пошел к палаткам за второй, но по пути остановился возле Гэмалы.

— Как думаешь, почему илирнэйцы до сих пор рыбу для приманок не ловят? — сердито спросил он. — Надо написать им, пусть у нас учатся...

Гэмаль расправил ноющую спину, вытер рукой вспотевший под малахаем лоб и сказал:

— Хорошая мысль пришла тебе в голову. Надо обязательно сообщить им, что за один день мы на рыбных приманках восемь псецов поймали.

Взяв новую пещню, Айгинто снова принялся за работу. От сознания, что он поборол в себе подлые чувства, как он их назвал, Айгинто стало весело и легко:

«Ничего! Пусть смеются илирнэйцы. Как бы потом не пришлось им стыдиться своего смеха. Еще все может быть!»

Мысли Айгинто прервал звонкий голос Эттына:

— Рультын едет! И с ним еще кто-то, на второй упряжке.

Председатель повернулся и увидел подбегжающего к палатке Рультына, которого он посылал в Янрай за продовольствием и запасной меховой одеждой для охотников. Чуть дальше ехала вторая упряжка, которой правил Митенко.

— Ну, как дела, рыбаки? — громко спросил Петр Иванович, останавливая свою упряжку. — Что-то у тебя, Иляй, нос сильно посинел?

Иляй погрел оголенной рукой нос, затем подул на охоченевшие пальцы и, болезненно поморщившись, быстро надел заолодевшую на морозе рукавицу.

— Приехал помочь вам, — обратился Митенко к председателю колхоза, слезая с нарты и уже торопясь осмотреть, правильно ли охотники протягивают подо льдом сети.

— Сможешь ли ты, Айгинто, сейчас охотника три выделить? Пусть со мной едут. Пока вы ловите рыбу, надо здесь вблизи больше приманок поставить.

— Верно, верно, Петр Иванович! Эй, Тиркин, Нотат, Эттын, идите сюда!

Охотники прибежали на зов председателя.

— Поезжайте с Петром Ивановичем приманки рыбные ставить.

Рультын между тем раздавал охотникам запасную меховую одежду, переданную их женами и матерями. Отозвав в сторону Гэмалю, он протянул сверток.

— Тэюнэ прислала. Сказано было так отдать, чтобы Иляй не знал.

Гэмаль был готов провалиться сквозь землю. Впервые он страшно разозлился на Тэюнэ, но сверток взял, развернул и увидел сшитые из белоснежного камуса рукавицы и новенькие меховые чулки. Гэмалю приятно было смотреть на эти вещи, но в то же время горькое чувство досады и острого стыда, что приходится от кого-то таиться, совсем испортило ему настроение.

— Ну что же я буду делать с этими рукавицами и чулками? — невесело спросил он себя и, оглянувшись на Иляя, сбивавшего с пещни лед, торопливо подошел к нему.

— На вот, возьми, — сказал он, отводя от Иляя взгляд. — Это тебе Тэюнэ прислала.

Иляй подозрительно покосился на Гэмалю, недоверчиво покрутил в руках поданные ему вещи и, шмыгнув посиневшим носом, ответил:

— То, что она мне прислала, я уже взял у Рультына, а это она тебе передала...

Гэмаль протестующе замахал руками, с досадой замечая, что за ними наблюдают охотники. Круто повернувшись, он пошел к своим лункам, намереваясь вытащить сеть.

Долго крутил Иляй в руках рукавицы и меховые чулки, переданные ему Гэмалем. «Ишь, как хорошо работала, рукавицы какие мягкие, швов почти незаметно, — с горечью думал он. — Но почему Гэмаль отдал мне? Ему же Тэюнэ послала... Я бы, пожалуй, не сделал так...»

Спрятав меховые чулки и рукавицы в шерпичий мешок, лежавший в палатке, Иляй вяло побрел к своей пещне. Снова пришла в голову мысль, которая не давала ему покоя, — бежать домой.

Первые дни, когда Иляй отправился на подледный лов рыбы, он все время говорил себе, что выдержит все невзгоды и будет работать так, что даже самые лучшие охотники разинут рты от изумления.

Работал он сначала действительно сколько хватало у него сил. Но никто рта от изумления не открывал, потому что и все остальные работали, не щадя сил.

Постепенно воля Иляя сдавала. Снова стало казаться, что в голове его не только шумит что-то, но даже свистит, что спину колет и ломит, а на ногах нестерпимо жжет большие пальцы, которые он подморозил, плавая в море на льдине.

«Уйти домой надо, — все чаще думал он. — Больной же я. Всякому ясно, что больному, чтобы не умереть, надо лежать, лечиться надо. Но как уйдешь? Хотя бы еще кто-нибудь, кроме меня, ушел, ну вот Нотат, что ли. Бывали же случаи, когда он уходил с работы точно так же, как я. А сейчас мерзнет и как будто готов еще целый год здесь мерзнуть».

Иляй чувствовал, что уйти одному ему в Янрай не решиться.

И вот сейчас ему показалось, что терпению его пришел конец. «Не могу больше, — с отчаянием сказал он себе. — Больной я, совсем больной. Сейчас подойду к Айгинто и скажу, что сильно заболел».

Минуты шли, а Иляй стоял у своей лунки, не решаясь подойти к председателю.

И вдруг он почувствовал, что из рук его кто-то берет пещню. Он вздрогнул, выходя из оцепенения, и увидел рядом с собой Рультына.

— Дай-ка я помогу додолбить твою лунку, свою я уже закончил, сейчас начнем сетку протаскивать. Я-то еще молодой, сильный, — подзадоривал Рультын Иляя.

— А я что, старый, что ли, — хмуро отозвался Иляй, но пещню все-таки отдал.

Сильными и мягкими были удары Рультына. Иляй наблюдал за его работой, за его возбужденным, энергичным лицом и откровенно ему завидовал.

«Рультын что, ему хорошо...» — подумал он. Но почему именно Рультыну хорошо, а ему, Иляю, плохо, сказать не мог.

— Тяжело на морозе с водой и льдом возиться! — выпрямился комсомолец. — Но мы же с тобой недавно не такое видали, когда по морю на льдине плавали! Там куда тяжелее было.

— Дай-ка пещню, а то ты устал, я вижу, — буркнул Иляй.

«Нет, нельзя мне домой итти, никак нельзя. Женщины засмеют, ночной горшок на голову наденут», — с отчаянием подумал он.

Схватив пещню, Иляй с ожесточением стал долбить лед. И ему казалось, что это не лед так упруго не поддается его усилиям, а что-то другое, что находится у него внутри. Но лунка все же становилась глубже и глубже. Вскоре показалась и вода. Иляй вздохнул, вытер вспотевший лоб. По телу разливалось приятное тепло. Чувствуя облегчение, Иляй снова принялся долбить лед.

«Ничего, как-нибудь пересилю я свою болезнь. Вот как будто я в голове уже перестало шуметь», — думал он, учащая удары пешней.

— Молодец, Иляй! — услышал он голос Айгинто. — Сегодня ты настоящий ударник!

«Ничего, ничего, я еще покажу тебе, как может работать Иляй!»

— А ты, Эчилин, чего так долго сидишь и трубку свою куришь, — снова послышался голос Айгинто. — Видишь, как Иляй работает, у него учишься!

«У-у-у, проклятый щенок волчицы! — озлобленно подумал Эчилин, подымаясь на ноги. — Не увидишь ты у меня Тимлю, как прошлогоднего лета».

Когда совсем стемнело, охотники забрались в палатки, вскипятили на примусе чай. Долго пили, стараясь согреться, прислушивались, как трещит от мороза лед на реке. Когда чайники опустели, улеглись спать.

В отсыревшей меховой одежде было неудобно и холодно. Выли, не выдерживая лютого мороза, собаки.

— Впустим собак в палатки. Пусть прямо на нас ложатся, и нам теплее будет! — предложил Иляй, который не мог относиться равнодушно к страданиям собак.

— Верно. Давайте впустим! — согласился Пытто.

Собаки одна за другой, дрожа и поскуливая, забежали в палатки и улеглись прямо на людей, свернувшись калачиком. Утильгин сразу нашел своего хозяина. Прижимая к себе дрожащее тело собаки, Иляй приговаривал:

— Ничего, Утильгин! Сейчас согреемся! Пусть от мороза земля лопается, а мы вот выдержим!

Эчилин лежал рядом с самым юным охотником, который переносил все наравне со взрослыми.

— Бежал бы ты, Эттын, домой, спрятался бы к матери за пазуху, быть может хоть немного согрелся бы, — не в силах скрыть своего раздражения, сказал Эчилин.

Эттын не привык грубить взрослым, но тут не стерпел:

— Это тебе, я вижу, хочется в меховой чулок сейчас влезть, — сказал он, поправляя свое изголовье.

— Ах ты, щенок сопливый! — дал выход своему озлоблению Эчилин. — Чему тебя твои родители учили? Разве может мальчишка так со стариком разговаривать?

Эттын промолчал. Долго он еще слушал, как брюзжал Эчилин, наконец, не выдержав, вылез из палатки. То, что Эчилин назвал его сопливым щенком, оскорбило его до глубины души.

«Пойду проверю приманки, которые сегодня с Петром Ивановичем ставили. Быть может, песка сниму». Эттын затыкнул ремешок на кухлянке и зашагал широко, размеренно, походкой бывалого пешехода.

А Эчилин, поворачиваясь с боку на бок, мысленно проклинал свою жизнь, призывая злых духов на тех, кто заставлял его мерзнуть в этой холодной палатке.

Эттын вернулся с песком. Как молодой олень, забыв усталость, мчался он к палаткам. Это был последний песец в его плане. Радость его была так велика, что он не мог не поделиться ею с кем-нибудь. Остановившись у палаток, он подставил разгоряченное лицо обжигающему ветру.

«Гэмалья, Гэмалья разбудить надо, — решил он. — Парторг сильно обрадуется».

Гэмаль быстро оцупал руками песка, подтольнул шуточно Эттына в бок и сказал:

— Ну, ложись со мной рядом. Надо бы заметку о тебе в районную газету дать. Напишу!

— Заметку это, конечно, хорошо, но спать мне не хочется, — заметил в ответ Эттын. — Был я сейчас на реке, на лунки смотрел. Мороз очень сильный. К утру все лунки заморозит.

Гэмаль забеспокоился.

— Пойду раздолблю лед, а то плохо будет.

Вместе с парторгом вышел и Эттын.

Бруглая светлая луна залила речную долину зеленоватым светом. Еле заметный ветер был нестерпимо жгуч. Гул трескающегося льда, доносившийся из-за сопки, напоминал орудийные выстрелы.

— Ай, мороз! Сильный мороз! — весело сказал Гэмаль и, схватив пешню, побежал к лункам, стремясь на ходу размяться, освободиться от ноющей боли в плечах, в пояснице.

16

Шельбицкий стоял на коленях посреди своей комнаты, глядя на вынутые из чемодана вещи. Костюмы, платья, всевозможные ткани — все это лежало на табуретах, кровати и просто на полу. Шельбицкий медленно поворачивался то влево, то вправо, порой брал в руки-какую-нибудь вещь и тут же со вздохом клал ее на старое место. Шельбицкий решал трудную для себя задачу — что из этих вещей отдать для помощи пострадавшим от войны. Он знал, что через какой-нибудь час в клубе соберутся все жители Кэрвука на собрание. И конечно же, многие из них принесут уже приготовленные вещи.

«Надо пойти, да, да, надо пойти... Они все, все видят, они все берут на заметку», — приговаривал он, все чаще и чаще вытаскивая из кармана старинные серебряные часы. — Ну что же все-таки мне выбрать?»

Худые руки Шельбицкого потянулись к добротной паре чесанок.

— Нет! Нет! Что ты! — вслух воскликнул он и отдернул руки, словно от огня. — Это же вещь! Да, да, вещь!

Костлявым коленкам было нестерпимо больно на полу. Шельбицкий подложил под них меховые торбаза и снова погрузился в раздумье. «Быть может, вон ту меховую жилетку? Или лучше вот эти шерстяные носки?»

Долго рассматривал носки Шельбицкий, один из них натянул на руку, отвел в сторону, полюбовался издали. «Нет. Шерстяные нельзя. Надо вот эти простенькие, бумажные».

Но тут же Шельбицкому пришло в голову, что бумажных носков слишком мало, чтобы показать свою заботу о пострадавших от войны соотечественниках. «Смеяться будут, скажут, что лучше бы совсем ничего не принесли... еще в газете нарисуют, как это было недавно!»

Во взгляде Шельбицкого опять появился мучительный вопрос, а на длинном, с впалыми щеками лице застыло болезненное выражение. На глаза ему попала стопка носовых платков. Шельбицкий выбрал один из них, тот, что попроще, и со вздохом прибавил к носкам.

— Ладно! Пусть будет вот это! — наконец решил он, завертывая в аккуратный пакетик из газеты бумажные носки и носовой платок.

Глянув на часы, Шельбицкий заторопился. Предстояла немалая работа снова запаковать все свои вещи в чемоданы. Не будь собрания, работа эта Шельбицкому ставила бы немало удовольствия: он часто любил вот так, закрывшись на прочный засов, переложить, перетряхнуть свои вещи, все потрогать собственными руками, обласкать взглядом. Но теперь надо было торопиться.

И все же Шельбицкий опоздал. К его счастью, люди, собравшиеся в клубе, были так поглощены речью секретаря райкома, что на опоздавшего бухгалтера никто и не взглянул. Шельбицкий встал в самых задних рядах, попытался вслушаться в то, о чем говорит Ковалев. «Да, говорить он умеет, — подумал Шельбицкий. — Слова, слова-то совсем обыкновенные, какие все они говорят, а вот лицо, глаза, жесты производят впечатление...»

Перед бухгалтером стояла худенькая, щупленькая женщина с огромным свертком в руках. Шельбицкий невольно полез в карман, где лежал его тощий пакетик. «Смеяться будут... надо было найти что-нибудь хотя и дешевое, но солидное на вид». Шельбицкий принялся лихорадочно копать в памяти, припоминая, что же он может подобрать из своих вещей, чтобы не стыдно было подойти к приемочной комиссии рядом вот с этой женщиной, притаившей с собой огромный узел. «Что там у нее? Судя по всему — полушубок. А ведь у меня тоже... Нет! Нет! Нет!» — тут же запротестовал Шельбицкий, снова впиваясь глазами в узел худенькой женщины.

Гром аплодисментов вывел его из оцепенения. К столу, где сидела приемочная комиссия, повалили люди. Двинулся в общем потоке и Шельбицкий. Насколько мог, он все оттискивался в задние ряды, боясь встретиться глазами с Ковалевым.

«Брось, — успокаивал он себя, — была нужда ему присматриваться, с чем ты пришел».

Не успел бухгалтер об этом подумать, как секретарь райкома направился прямо к нему.

Сердце у Шельбицкого упало. Он мгновенно почувствовал, как ладони его вспотели.

— Здравствуйте, Венедикт Петрович! — громко приветствовал его Ковалев. — Рад вас здесь видеть! — И, окинув толпившихся у приемочного стола людей задумчивым взглядом, он добавил таким тоном, словно никогда не сомневался в глубоких и мучительных переживаниях бухгалтера за судьбу родины и советских людей: — Понимаете, Венедикт Петрович, никогда человек так не познает себя и других, как вот в такие минуты... Посмотрите, какие взгляды, какие лица. Кажется, дай винтовку и скажи: «Иди! Умри или победи!» — И каждый пойдет!

— Да, да! — поспешил отозваться Шельбицкий, и ему показалось, что он уловил на короткий миг во взгляде Ковалева такое, что совсем, совсем было не похоже на тон его голоса. «Испытывает!» — пронзило Шельбицкого.

— Я вот... тоже хочу... — Бухгалтер залпнулся и вдруг, к своему ужасу, вопреки всему, о чем думал и что испытывал, всхлипнул: — Хочу полушубок записать! Пожалуй, даже сначала схожу... принесу и сразу сдам!

— Ну что ж! Идите, идите, Венедикт Петрович, — словно где-то за стенкой услышал он в ответ голос Ковалева. — Заходите как-нибудь ко мне, побеседуем.

О, как ненавидел сейчас Ковалева Шельбицкий. «Это демон! сатана, а не человек! Что он со мной сделал! Ограбил, просто ограбил!»

Но делать было нечего: Шельбицкий знал, очень хорошо знал, что Ковалев обязательно проверит, принес ли он приемочной комиссии то, что пообещал.

«О проклятье! И дернул же меня черт! Не мог сказать что-нибудь другое! Но он же, дьявол, испытывает, он же все, все видит!»

Полушубок Шельбицкий сдал и не находил после этого себе места весь день. Не лучше ему было и ночью. В жарко натопленной комнате было душно. Шельбицкому нехватало дыхания. Он сбросил с себя одеяло и, заложив сомкнутые руки под затылок, долго смотрел в темноту, порой бормоча проклятия. Сейчас уже не только злополучный полушубок занимал его. Шельбицкий смотрел дальше. Его пугала та пристальность, с которой к нему приглядывался Ковалев. «Да и один ли только Ковалев? — спрашивал себя бухгалтер. — А что, если они уже наступили на след? О, это ужасно! Как, как мне избавиться от этой страшной тяжести?! Ведь я думал, что только несколько поручений, и тогда все... Как я не мог понять, что меня не оставят в покое, что я попал в трясины, которая может засосать с головой».

Шельбицкий со стоном приподнялся над кроватью, пошарил рукой по столу, схватил кружку с водой. Теплая вода не утолила жажды. В подполье где-то назойливо скреблась мышь.

«Вот так, как эта мышь, теперь страх вгрызается в мою душу...»

Нащупав на столе ложку, Шельбицкий с яростью запустил ее в тот угол, где скреблась мышь, и обессиленный упал на подушку. Мышь на минуту притихла, а затем снова принялась за свое.

— Да она же изведет меня! — вслух воскликнул Шельбицкий и сам испугался собственного голоса.

«Нет, я, кажется, теряю рассудок, я становлюсь больным, совсем больным человеком, — с отчаянием думал он. — И как же это я... Я, который так любил тишину, спокойствие, пошел на такой шаг?! Как они ловко работают! Сначала помог списать, а потом продать эти... меховые вещи. Вот с того и началось!»

Шельбицкому отчетливо вспомнились и слова, и голос, и жесты того страшного человека, от которого теперь зависели и жизнь его и смерть...

— Смеем задержать ваше внимание еще на несколько минут. Я хочу сказать, что нам удалось списать всю партию меховой одежды, хотя на семьдесят процентов там были годные вещи. На фронт, в армию они не попадут, зато попадут вот в этом виде...

Он не договорил и достал из кармана толстую пачку денег, положил на стол. Шельбицкий поспешно прижал рукой пачку к столу и сказал:

— Значит, как и договаривались, пятьдесят на пятьдесят!

— Сто! — воскликнул тот.

— Что? Что вы сказали? — изумился Шельбицкий.

— Успокойтесь, Венедикт Петрович, не мне, а вам все сто.

Голос у него был ласковый, вкрадчивый.

— Позвольте, позвольте, я... не понимаю, — пробормотал Шельбицкий, расстегивая дрожащими руками пуго-

вицы на рубашке. Он почувствовал что-то недоброе. — Почему же это мне одному... все сто... сто процентов?

— Да потому, что я вас очень люблю. Ах, Венедикт Петрович, знали бы вы, как я вас люблю!

Он так и ушел, оставив Шельбицкого терзаться в своих догадках. О чем только тогда не передумал бухгалтер, разглядывая толстую пачку денег.

«Пойти отдать эти деньги кому следует и заявить, что я чувствую что-то недоброе? Но это же все равно — трибунал! А может, это он хочет просто задобрить меня, чтобы я, как бухгалтер-ревизор, не придирался к нему? Хотел развязать себе руки для больших коммерческих дел? О! Если это так, то тогда есть смысл пойти с ним на самый тесный союз... Ну, что ж! Наверное, оно так и есть! Чему же быть другому!»

Но вот через полмесяца он явился снова и ошеломил его этим проклятым дядюшкой.

«О, теперь-то я знаю, кто он такой, этот мой дядюшка! Теперь я понимаю, почему он оказался таким щедрым! «Мы с тобой больше не враги, — писал дядюшка в своем письме. — Теперь наши страны союзницы. Я знаю, как вам там тяжело, я от чистого сердца стремлюсь помочь тебе. Я богат... очень богат. И то, что даю — для меня суцкая безделица».

Шельбицкому тогда сразу стало все ясно. И первым движением его было — пойти и все сказать! Но он, этот страшный человек, он очень хорошо знал, что делал. Он напомнил ему о проданной партии меховой одежды, предназначенной для фронта, напомнил о трибунале, наконец обратил его особое внимание на самое главное... на деньги! Да! Он слишком хорошо уже знал характер Шельбицкого! Он покупал его, будучи твердо убежденным, что сделка состоится. Он, наконец, очень тонко ему намекнул, что, в случае поражения советской власти, у него, Шельбицкого, будет весьма и весьма большие преимущества перед другими.

И вот сейчас Шельбицкого больше всего терзало не то, что он продал родину, об этом он почти не думал. Его терзало то, что он продал свое спокойствие. Его мучил страх, его уже изнуряла мания преследования.

«Ну хорошо, я помог ему собрать картотеку всех видных людей района, я достал ему маршрут геологической экспедиции. Я сумел составить ему список всех чукчей-единоличников по Кэрвукскому району, я, наконец, сам... да, да, сам, без его поручения, сообщил ему... об этом аэродроме, хотя он, кажется, и без меня уже знал о нем. Ну, а что дальше? Оставит ли он меня когда-нибудь в покое? Достаточно ли тонко он работает сам, чтобы не провалиться и не погубить меня вместе с собой?»

Мышь всё скреблась и скреблась под полом. Шельбицкий беспомощно поглядывал в ту сторону, хватался за сердце. Ему казалось, что он никогда не дождет утра.

Изнуренный до изнеможения, он, наконец, стал думать, как взять себя в руки, как успокоиться. И тут его осенила мысль. Да, да! Он сейчас откроет свой сейфик! Там, только там, его спасение! Он посмотрит на то, что уже удалось ему скопить, и ему сразу станет легче!

Довольно проворно спрыгнув с кровати, Шельбицкий зажгёт свечу, проверил, хорошо ли завешены окна, и полез

под кровать, где хранилась заветная шкатулка. Наткнувшись на большой чемодан, из которого он недавно вытащил полушубок, Шельбицкий сел прямо на пол и снова задумался. «Эх, надо было бы отдать деньгами. Деньги — бумага... все может быть... а вещи есть вещи!»

По тундре на лыжах шел человек. Огромный малахай его с опушкой из шкуры россомахи, кухлянка и меховые штаны были густо покрыты инеем. Заиндевели брови и ресницы человека. Монотонно поскрипывали лыжи, а человек вполголоса читал стихи. Закончив одно стихотворение, он принимался за другое. И так бесконечно долго. Порой голос его подымался высоко, а порой почти замирал.

Будучи уверенным, что его никто не слышит, он не стесняясь читал так, как ему подсказывала душа. Обветренное лицо его было грустно, а в синих глазах — сложное выражение тоски, и чего-то немощно насмешливого, и чуть-чуть восторженного.

Человек не заметил, как слева от него, метрах в десяти, раздвинулись заиндевелые кусты, за которыми стояли двое чукчей: один из них был старик Ятто, а другой — Воопка.

— Журба! — шопотом воскликнул Воопка.

— Чего это он сам с собой разговаривает? — с тревогой спросил Ятто. — Как шаман все равно заклинания произносит!

— Просто на своем языке ему поговорить не с кем, вот он разговаривает сам с собой, — попытался успокоить старика Воопка.

— Да. Тоскует, наверное, — согласился Ятто и сочувственно вздохнул. — Трудно ему у нас: к жилищу нашему не привык, к нашей жизни не привык, мороза такого сильного не знал, наверное. И потом — совсем еще молодой...

— Позвать его, что ли? — спросил Воопка.

— Нет, не надо. Пусть сам с собой поговорит, может легче станет, — посоветовал Ятто и тут же впрягся в нарту, нагруженную сухим хворостом. — Ну, пойдём, а то наши женщины сидят у потухших костров, им хворост нужен.

Чукчи повезли свои нарты, нагруженные хворостом, к стойбищу, а Владимир Журба пошел дальше, вверх по руслу речки. Он все еще продолжал читать стихи. Тут были Пушкин и Маяковский, Гете и Шиллер, Блок и Есенин, Кольцов и Шевченко, и многие другие.

Жгучий ветер словно наждаком обдирав лицо Журбы. Схватившись голый рукой за нос, Владимир попытался отогреть его. «И зачем только нужен человеку этот проклятый нос? Совершенно ничемная вещь, — сказал он вслух полусерьезно, полусутоливо. — Не написать ли в противоположность Гоголю повесть, где герой будет в восторге от исчезновения носа?»

Ветер на мгновение утих. Журба пошел дальше. На память всплыли новые стихи, и он опять принялся за чтение.

Разгоревшись от быстрого шага, Владимир снял лыжи, присел на твердый снежный заструг, с наслаждением вытянул ноги, чувствуя, как им тепло и приятно в меховых

торбазах. Но не прошло и пятнадцати минут, как в пальцах на ногах опять появилось хорошо знакомое Владимиру болезненное ощущение колючей стужи. Постукивая ногою о ногу, Журба думал о том, что только здесь, в тундре, ему удалось по-настоящему узнать, что такое полярная зима, с ее непроглядной тьмой и холодными живописными зорями, и бескрайные чукотские просторы, и северное ледяное безмолвие, и многое другое, без чего не может быть истинного представления о заполярье. Куда ни смотрел он — все как бы говорило ему: это север, это седой, лютый север.

От мороза, казалось, все остекленело. Остекленел покрытый ином кустарник на реке; снег под ногами казался битым в мелкий порошок стеклом; маленькие тундровые озера были похожи на опрокинутые на землю зеркала, покрытые матовым налетом инея; мелкий, колючий порошок изморози, сыпавшийся сверху с еле уловимым звоном, поблескивал стеклянными искорками.

Когда сидеть на одном месте больше уже было невозможно, Владимир встал на лыжи и пошел в обратный путь — к стойбищу.

— А зори, зори здесь какие живописные! — с восхищением воскликнул он останавливаясь. — Обратите внимание, Владимир Александрович, какие нежные, успокаивающие тона. Сюда бы нервными людьми ездить, на эти чудесные зори любоваться!

А зори действительно были живописными. Занимались они не в одной какой-нибудь части неба, а сразу по всему кольцу горизонта. Сначала бледное кольцо постепенно раскалялось, полыхая чистым холодным огнем самых различных оттенков, от густобагряного до бледнорозового, от темнофиолетового до нежнозеленого, потом бледнело. Не успевала выцвести утренняя заря, как с ней смыкалась вечерняя. Утро сразу сменялось вечером, за которым наступала долгая ночь.

Опершись на лыжные палки, Владимир долго наблюдал за потухающей зарей. Из-за остро очерченной зубчатой гряды сопок взошла полная багровая луна. Была она огромной, неправильной формы, словно расплющенный медный пятак. Журба, словно замороженный, смотрел на луну, и ему чудилось, что он вдруг как бы провалился куда-то на многие миллионы лет назад, когда и планеты выглядели совсем по-другому. Что-то горькое, терпкое захлестнуло его. С калейдоскопической быстротой промелькнули отрывки самых различных мыслей: что все книги, которые сумел увести с собой, прочитаны от корки до корки, вплоть до цены, тиража и технического редактора; что ему очень хочется увидеть Олю, поговорить, пошутить, поспорить с нею; что все продукты кончились и теперь приходится жить на одном сыром или полусваренном мясе; что ему страшно хочется на берег, в поселок, в настоящий дом, в конце концов — в город, где горит электрический свет, где есть кино и театры; что из дому, от матери, отца и сестер, нет долго писем и он очень тоскует по родным. А багровая расплющенная луна все стояла и стояла перед его глазами. И у Владимира вдруг появилось дикое желание — завтыть на луну по-волчьи. Конфузливо улыбувшись, он воровато огляделся и сразу же подумал о другом: «Ты что, сдаешься? Безвольно раскрываешь душу, чтобы в нее заглянул вот этот багровый свет раздавленной луны?»

Журба отвернулся от луны и, как он уже привык, сказал вслух:

— Брось, братишка, хорохориться! На луну ты, конечно, выть не будешь, но согласишься — кто не умеет грустить, тот не умеет и смеяться! А сейчас на лыжи!

Возле самого стойбища дорога пошла под гору, и Журба стремительно полетел вниз на лыжах. Заметив, что за ним наблюдают чукчи, Владимир умышленно направил лыжи на самую крутизну. В одном месте его вынесло на довольно высокий снежный заструг и подбросило в воздух, как с трамплина. Ударившись о снег, Владимир сумел устоять на ногах и влетел в самое стойбище. Заметив восхищенные взгляды чукчей, он улыбнулся, заботливо очистил лыжные крепления от снега и вошел в ярангу Ятто.

В яранге горел костер. Было очень дымно. Жена Ятто — старушка Навыль — постлала гостю белую оленью шкуру, поставила перед ним на фанерной дощечке фарфоровое блюдце и такую же хрусткую чашечку, пригласила пить чай.

— Да, чайку сейчас выпить хорошо! — сказал Владимир, пригибая голову как можно ниже, где дыму было поменьше.

— А не попробовать ли тебе, Владимир Александрович, попить чаю лежа? Ведь пьют же иногда кофе в постели!.. — подтрунивал он над собой, вытирая слезящиеся глаза.

Навыль поставила перед гостем продолговатое деревянное блюдо, наполненное сырым, мелко битым мерзлым мясом.

— Поешь перед чаем, — сказала она.

С трудом пережевывая пристававшие к языку и небу кусочки мяса, Владимир безуспешно пытался унять слезы.

— И лились из его глаз слезы в три ручья, — бормотал он, изумляясь тому, что Навыль, казалось, и не замечала, что в яранге ее полно дыму.

Сырой кустарник не хотел гореть. Пламя было тусклым, не жарким. Владимир знал, что хозяйке потребуется добрых два часа, чтобы разморозить в котле мясо и хотя бы наполовину сварить его. Кроме того, надо было натаять изо льда воды, налить для ужина чаю, сварить горячую пищу собакам.

«Вот бы поставить на место этой старухи хозяйку, привыкшую к коммунальным удобствам, — подумал Владимир. — Смогла бы она остаться такой, как Навыль, — выдержанной, терпеливой, а главное — опрятной?.. Да, да, опрятной, насколько это возможно здесь! Попробуйте сейчас мне сказать, что чукчи не понимают чистоты!.. Нет, я на себе испытал, что значит здесь следить за собой, быть опрятным, не распускаться. Легко умыться в теплой, уютной комнате, вычистить зубы, мурлыча песенку под нос, побриться, освежиться одеколоном. Там это делается машинально, а вот здесь, в крошечном пологе, и так повернуться негде — шкуры обрызгаешь, а в шатре, на морозе, не успеешь умыться, как у тебя лопаются губы».

После холодного мяса Владимир отхлебнул горячего чаю. Нестерпимо заныл больной зуб. Не допив кружки, Журба вышел на улицу, схватившись рукой за щеку. Долго ходил он в стороне от стойбища, но зубная боль не унималась.

«Попробуй стихи сочинять, вдруг поможет?» — глумился он над собой, и он вправду стал рифмовать что-то, закрыв рот рукавицей.

Владимир чувствовал, что зубная боль может длиться бесконечно, а дел у него было немало.

— К чорту зуб! — сказал он себе и пошел по стойбищу, чтобы узнать, кто из оленеводов поймал сегодня песца.

В яранге Майна-Воопки Журба увидел бригадира Кумчу. Широкое, изъеденное оспой лицо его, с реденькими усиками и такой же редкой бородкой, было злым. Не успел инструктор райисполкома заговорить о выполнении оленеводами плана по пушнине, как бригадир насмешливо уставился на него и сказал ехидно:

— Ты так о песцах и лисицах говоришь, словно самым лучшим охотником здесь являешься. Интересно знать, сколько у тебя самого капканов стоит?

Владимир смутился, чувствуя, что сказать в ответ решительно ничего не может. Зубная боль от этого, казалось, стала еще мучительнее.

— Хорошо говорить о песцах и лисицах, когда не нужно к капканам ходить, — продолжал все с той же ехидной улыбкой Кумчу. — А вот попробуй-ка сам капканы поставить. Это тебе не картинки в Красной яранге развешивать, не новости за чаем рассказывать, не разговору по бумаге учить.

— Что ж, поменяем делом: ты будешь людей разговору по бумаге учить, а я попробую вместо тебя капканы ставить, — весело предложил Владимир.

На этот раз смутился Кумчу.

— Ну, согласен, что ли?

— Вот подожди немножко. Сам научусь читать-писать, потом других учить стану.

— Дай и мне охотничьему делу поучиться. Возможно, и я не хуже тебя буду песцов ловить, — тут же ответил Владимир.

— Что, Кумчу, облизнулся? — не без злорадства спросил Майна-Воопка.

Кумчу хмуро глянул на пастуха, встал, собираясь уходить.

— А сколько твоя бригада песцов ловит, об этом я все время спрашивать буду, — снова обратился к бригадире Журба. — Буду спрашивать, потому что мне это правление вашего колхоза поручило, потому что это мне райисполком, райком партии поручили. О тебе придется написать, что ты меньше всех в своей бригаде песцов и лисиц поймал. А о бригадире Мэвэте напишу, что он первый в Янрайской тундре план свой по добыче пушнины выполнил, теперь — перевыполняет.

Кумчу промолчал; нахлобучив на голову малахай, он вышел из яранги.

— Правильным голосом ты с ним разговаривал, — сказал Владимиру Майна-Воопка. — Он любит других обижать, а когда ему на обиды отвечают — злится очень.

Но слова Майна-Воопки не успокоили Журбу. Как ни тяжело ему было, как ни досадно, он все же спросил себя: не прав ли Кумчу хотя бы в малой степени?

«Да, мне холодно. Я не привык жить на одном мясе. Я не могу жить без бани. Проклятый зуб день и ночь ноет. Но какое дело до всего этого Кумчу? Ему нужно, чтобы он видел наглядно мою работу. И перестанет уко-

рять он меня лишь тогда, когда почувствует, что я нужен здесь, как воздух! Вот Оля — учительница, а не хуже заправского фельдшера людей лечит. Почему же меня не позвали ни в одну ярангу к больному, как зовут Олю? Почему до сих пор я не вытащил паяльника, которым собирался чинить посуду чукчам? Времени еще не было?.. Не успел освоиться? Зуб болит?.. Нет, братишка, на больной зуб ссылаться смешно! Не выйдет, товарищ Журба!» Так рассуждал Владимир, шагая к своей яранге.

Красная яранга, в которой работал Журба, по своему устройству отличалась от всех остальных тем, что не имела полога. Кроме того, пол Журба заботливо устлал шкурами, чтобы на них было мягко и удобно сидеть оленеводам, когда они собирались на его беседы; на перекладинах и палках остова яранги развесил плакаты, портреты, лозунги.

— Что ж, этот дворец культуры был бы совсем не плох, не будь в нем так холодно. Не находите ли вы, товарищ Журба, что для занятий нужна не яранга, а утепленная палатка? — спрашивал сам себя Владимир. Он тут же зажег свечу, уселся за фанерный ящик, который служил ему столом, чтобы в письме напомнить району, что ему обещали прислать в тундру большую палатку с печкой, с окнами из небьющегося стекла, с раскладной мебелью. Пальцы деревенели от холода. Журба дул на руки, грел их в рукавицах и снова склонялся над бумагой.

«Нужно так сделать, чтобы в мою Красную ярангу приезжали из самых далеких стойбищ, — думал он, пока руки отогревались в рукавицах. — Нужно, чтобы оленеводы любили ее, стремились здесь проводить свободное время, шли именно сюда за полезным советом, за помощью, за ответом на непонятный вопрос. Тогда Кумчу не скажет обидных слов, которые сказал сегодня».

В ярангу вошел Ятто.

— Можешь записать, что Ятто сегодня поймал чернобурую лисицу. Вот на, посмотри! — весело сказал старик.

— Хорошая, очень хорошая лиса, — с восхищением заметил Владимир, проводя ладонью по нежному ворсу дорогого зверька.

— Я знал, что ты сильно обрадуешься, — у глаз Ятто собрались густым пучком добрые морщинки.

— Да, ты меня очень обрадовал, Ятто. Это будет уже сорок первый пушной зверь, которого поймали оленеводы нашего колхоза. Так в Янрай и напишу.

— Напиши еще вот что, — став деловитым и важным, попросил Ятто. — Напиши, что лису эту я сдаю в фонд обороны.

— О, это совсем хорошо! — обрадовался Владимир. — Именно вот сейчас запишу это, — торопился он, разыскивая в своем фанерном ящике нужную папку. Ятто попыхивал трубкой, с довольной улыбкой наблюдал за Журбой.

— Кто сказал, что ты здесь никому не нужен? — вдруг весело спросил себя Владимир по-русски. — Кумчу сказал? А? Нет, неправду сказал Кумчу. Будем выражаться точнее, — врет Кумчу. Ятто, например, совсем не так думает. Верно ли я рассуждаю, старик?

Не понимая ни слова по-русски, Ятто пристально посмотрел на Владимира. Потом он вспомнил, как с Вооп-

кой случайно подслушал разговор русского с самим собой, печально улыбнулся и промолвил, предостерегающе подъяв палец:

— Ты только тоску к себе не пускай! Тоска, как лед, может сердце заморозить. Приходи сегодня в мою ярангу, я оленя молодого заколол, хорошо поужинаем.

Ятто вышел из яранги. Владимир проводил его долгим взглядом. «Тоска, как лед, может сердце заморозить!» — мысленно повторил он и вдруг, широко улыбувшись, сказал вслух:

— Нет! С такими людьми, как ты, Ятто, сердце от тоски не замерзнет! А ну, где мой паяльник? Сейчас я всем докажу, каких я железных дел мастер!

Вскоре чукчи стойбища бригады Кумчу были немало удивлены и обрадованы тем, что русский взялся чинить их посуду. Особенно обрадовались женщины. Они возбужденно передавали новость из яранги в ярангу, гремели дырявой посудой, зывали мастера каждая к себе.

18

В пологе яранги Ятто собрались гости. Навыльправляла огонь жирника. Тонкой палочкой она сдвигала на край площадки, наполненной перпичьим жиром, болотный мох, служивший фитилем. Огонь получался широкий, яркий и почти без копоти.

Было пока еще холодно. Мужчины сидели на корточках, одетые в кухлянки, покуривали свои трубки. Журба постукивал по торбозам кулаками, стремясь отогреть ооченевшие ноги. Порой ему хотелось вылезть из тесного полога, чтобы потоптаться, согреться по-настоящему.

«Буда вы пойдете, Владимир Александрович? Лучше рассказали бы людям веселую сказку, пока не подали чай», — с издевкой, словно обращаясь к кому-то другому, мысленно предложил он себе.

— Вот послушайте, люди, историю чудесную, — вдруг и в самом деле обратился он к оленеводам.

Журба начал рассказывать на чукотском языке пушкинскую сказку о рыбаке и золотой рыбке, слегка переиначивая ее, чтобы приблизить к чукотскому быту. Вместо разбитого корыта у него фигурировала расколотая кройльная доска, вместо хором столбовой дворянки — многотысячное оленье стадо. Выразительное лицо его изображало то печаль и покорность старика, то деспотичность старухи. Схватившись за животы, оленеводы показывались от хохота, приговаривая:

— Ну и жадная старуха!

— Побил бы ее старик арканом как следует.

Смеялась и Навыль, продолжая готовить ужин.

— Ой, боюсь, старуха, что и ты скоро такой станешь, — толкнул в бок жену Ятто.

— В самом деле, кройльная доска у меня давно раскололась, — вспомнила Навыль.

Это вызвало новый взрыв хохота. Смеялся до слез и Майна-Воопка, который тоже был среди гостей, хотя на суровом лице его редко кто видел улыбку. А маленький Воопка, запрокидывая голову, заходился в таком заразительном смехе, что люди уже смеялись не столько из-за сказки, сколько над ним.

— Приду домой, жене эту сказку расскажу и тут же поволочу, чтобы не стала, как та старуха, — сказал

Воопка, наконец успокоившись от неудержимого хохота.

Навыль внесла в полог огромный горячий чайник, достала из небольшого ящичка блюдца, переложенные замшей, поставила перед гостями на дощечку, разлила чай. Пар густым туманом наполнил полог. Владимир жадно пил чай без сахара и думал о том, что еще никогда он не казался ему таким вкусным. Ноги постепенно отходили, по телу разливалось приятное тепло.

После первого же чайника оленеводы сняли кухлянки: в пологе стало жарко. Навыль подала второй чайник. Когда и его выпили, хозяйка подала в длинном деревянном блюде вареное мясо молодого оленя.

После ужина Журба проводил свои обычные занятия по ликбезу. В тундре было уже много грамотных людей. В каждом стойбище оленеводческой бригады инструктор подготовил культармейцев, которые вели такие занятия под его руководством. С бригадой Кумчу занимался сам Журба.

Старик Ятто с любопытством наблюдал, как пишут в тетрадах какие-то непонятные знаки Воопка, Майна-Воопка, бригадир Кумчу, и изредка задавал вопросы.

— Ты вот мне рассказывал однажды, какой в других землях ягель растет, какие олени там имеются, как олени люди живут. Понять хочу, откуда знаешь все это? По лицу ты молодой еще. Когда успел увидеть так много? — спросил Ятто, как только заметил, что Журба закончил свои объяснения.

— По книгам, Ятто, узнал все это. Книги все рассказать могут, — ответил Владимир.

— Хранителем мудрости только человеческая голова может быть. Понять трудно, как это листочки бумаги заменить голову человеческую могут, — скептически заметил Ятто. И, наклонившись к лицу Владимира, таинственно, почти шопотом спросил: — Не живут ли в говорящей бумаге вещице духи? — Поднятые кверху косматые брови, сморщенный лоб Ятто и чуть оттопыренная нижняя губа — все выражало вопрос.

Владимир расстегнул ворот гимнастерки, вытер платком вспотевшее лицо.

— Могу тебе объяснить, почему бумага, как человек, рассказывает, — после минутного раздумья сказал он. Оленеводы отложили в сторону свои дощечки, заменявшие им парты, приготовились слушать, хотя большинство из них никакой тайны в грамоте уже давно не замечало.

— Вот, допустим, ты ночью едешь, дорогу правильную ищешь, на звезды смотришь, и звезды для глаз твоих рассказывают: вправо тебе поворачивать или влево, а может быть, прямо итти. Вот так немного похоже и здесь получается.

Младший Воопка, который уже давно свободно читал по букварю, не без важности поглядывал на старика Ятто, иногда даже пытался вставить свои соображения в объяснение учителя.

— И ты, Ятто, тоже смог бы грамоте научиться. Это совсем не важно, что ты старик. Посмотри-ка на этот знак, — Владимир указал на букву «О», — а теперь запой песню, какую ты всегда любишь петь, когда на оленях едешь.

Ятто смущенно улыбнулся, потрогал чуть дрожащей рукой кадык.

— Ну, ну, пой, — попросил Журба.

— Вот еще какой ты, Ятто, пугливый человек, — вмешался Воопка и вдруг, набрав полные легкие воздуха, громко зашел: — О-о, ооо-го-го-го-ооо.

— Смотри, смотри, Ятто, на его рот, видишь — у Воопки такой же круглый рот, как знак этот.

— Хо! Очень сильно похоже, — изумился Ятто и вдруг зашел сам. Пастухи засмеялись. Засмеялся и Ятто.

— А ну-ка давай мне всякие твои вещи, которыми ты разговору по бумаге учишь, — попросил он, сразу осмелев.

Журба немедленно достал из своего объемистого портфеля букварь, тетради, карандаш и подал старику.

Время шло. Пастухи, склонившись над тетрадами, тщательно выписывали буквы. Многим из них они уже успели дать свои названия.

— О, много я уже ртов поющих написал, — вздохнул, как после тяжелой работы, Ятто. — Только они у меня чего-то разные очень. Одни маленькие, другие побольше.

— Ну так что ж, такое и в жизни бывает, — ответил Воопка. — У кого рот маленький, у кого большой. Я однажды у одного человека такой огромный рот видел, что в него свободно на оленях с нартой въехать можно.

— Это у тебя он широкий такой, — не отрываясь от тетради, ответил Майна-Воопка. — Иначе ты не говорил бы бестолку пустые слова, когда учение идет.

Воопка не обиделся на старшего брата. Он привык получать от него резкие замечания. Иногда они даже шумно ругались. Но всем было известно, как любили друг друга братья, совсем не похожие один на другого.

После занятий пастухи разошлись по своим ярангам.

— Ну что ж, еще чайку попьем? — обратился к жене Ятто, лукаво подмигивая Журбе.

В это время в шатре яранги послышались чьи-то шаги и хлопанье снеговывалки. Ятто высунул голову из полога и тут же громко объявил:

— Хо! Сын Мэвэта приехал!

Тымнэро снял кухлянку, оголив до пояса свое красиво сложенное, смуглое тело. На концах тоненьких косичек его, сползавших из-за ушей на шею, болталось по две медных, ярко вычищенных пуговицы с якорями. Голову юноши, чуть повыше венчика жестких волос, опоясывал красный ремешок, расписанный бисером.

«Щеголь, парень!» — подумал Владимир, наблюдая за Тымнэро.

Необыкновенно важный, серьезный, Тымнэро с достоинством извлек из нерпичьей сумки стопу замусоленных тетрадей, подал Владимиру.

— На, посмотри, как мои ученики учатся. На проверку тебе привез, чтобы сказал, правильно ли учу их.

Навыль подвинула гостю в маленьком деревянном блюде вареное мясо. Тымнэро жадно взглянул на мясо, проглотил слюну и, отвернувшись в сторону, сказал:

— Нельзя мне. Уже два дня не ел. И еще один день нельзя есть.

— Это почему же? — удивился Журба.

— Отец так сказал.

Заметив в лице Владимира недоумение, Тымнэро пояснил:

— Не думай, что отец мой жадный человек. Такое

бывает у нас, чукчей. Отец сына беду переносить приучает. Вот еще день не поем, потом снова есть стану. А на следующий год четыре дня подряд не поем: Если на ногах устою, настоящим мужчиной стану.

— Вот это закалка! — воскликнул изумленный Владимир. — Спартанцы настоящие!

Ятто с улыбкой наблюдал за его изумлением. Шепнув что-то на ухо жене, он снова подвинул мясо Тымнэро.

— Ешь, Тымнэро. Мясо жирное, вкусное мясо, — игривым тоном предложила старуха с явной целью испытать волю юноши.

— Ешь, ешь, Тымнэро, мясо свежее, молодое, вкусное мясо, — тем же тоном промолвила Ятто.

Юноша сидел неподвижно, с бесстрастным лицом, как будто хозяева обращались не к нему.

А Ятто и Навыль не унимались. Старуха порой подносила к лицу юноши самые жирные куски, смешно прищелкивая языком, причмокивала губами.

— Ешь, ешь, Тымнэро.

— Да что же это такое, — еще более изумился Владимир. — Видимо, и это в обычай входит.

А Тымнэро между тем сидел все с тем же невозмутимым видом. Убедившись, что воля юноши несокрушима, Ятто сладко зевнул и сказал:

— Ну хватит, старуха, убери мясо. Завтра Мэвэту о Тымнэро хорошие слова скажу.

Выпив кружку горячего кипятку, Тымнэро полез во внутренний карман кухлянки, достал аккуратно завернутый в толстую бумагу комсомольский билет.

— На вот, посмотри, как там у меня с членскими взносами, все ли хорошо? — обращаясь к Журбе, важно спросил он, хотя прекрасно знал, что комсомольские взносы у него заплачены за два месяца вперед.

— Что ж, с комсомольскими взносами у тебя хорошо, — улыбнулся Владимир.

В шатре яранги снова послышались чьи-то шаги. Навыль зажгла от жирника палочку, которой обычноправляла фитиль, подняла чобьргын полога, освещая шатер.

— Кувлюк! — воскликнула она.

С русским, приехавшим в тундру, Кувлюк еще не встречался. На Тымнэро он и не взглянул, зато долго и бесцеремонно разглядывал Журбу.

— Ну, сколько вшей имеет в своем стаде этот новый человек олений? — кивнул он головой на Владимира, полагая, что все слухи о том, что русский хорошо понимает по-чукотски, выдуманы.

Ятто нахмурился и промолчал. Владимир, прямо глядя гостю в глаза, насмешливо сказал:

— Ты бы этих оленей у себя посчитал. За десять лет работы у Чымнэ настоящих-то оленей ты пока ни одного не заработал.

Кувлюк смутился, замигал глазами. Его поразило, что русский ответил ему на чистом чукотском языке. Но еще больше поразило его, что русский знает, у кого он работает и даже то, что у него нет ни одного своего оленя.

— Откуда знаешь меня? Наши глаза еще ни разу не видели друг друга.

— Слава о тебе такая ходит, нехорошая слава ходит, что ты у хозяина своего научился обидные слова людям говорить. Потому-то я и узнал тебя.

Кувлюк смутился еще сильнее. Встретившись с осуждающим взглядом Ятто, он насунился и молча принял кусочек мяса, поданный хозяйкой. Владимир заметил, что Тымнэро смотрит на Кувлюка с нескрываемой неприязнью.

— По делу я сюда от Чымнэ приехал, — заторопился Кувлюк, вытирая рот сухим пучком мягкой травы. — Просил Чымнэ вас на праздник к нему приехать. Просил, если сможете, сейчас выехать, чтобы завтра при первом рассвете встать, в стаде помочь.

Ятто нахмурил косматые брови, подумал и согласился.

— Пусть так будет. Сейчас вместе поедем. Все поедем. И ты поедешь, — обратился он к Владимиру. — Не видел еще праздников наших. Посмотреть, наверно, хочешь.

Кувлюк кинул недобрый взгляд на Журбу и сказал:

— Ну ладно, в другие яранги схожу, других приглашу. Он направился к чоыргыну. И, как бы что-то вспомнив, остановился. На лице его появилась ехидная улыбка.

— Новость забыл сообщить. Скоро олени люди очень счастливы будут: олений доктор — девушка, береговая девушка, — подчеркнул Кувлюк, — дочь Митенко — к нам в тундру прибудет.

— Олений доктор — девушка! — изумился Ятто. Брови его поползли на морщинистый лоб.

— Да, уши твои именно такую новость услышали, — уже без ухмылки, почти злобно подтвердил Кувлюк. — Боюсь, что бык какой на нее в стаде прыгнет, раздавит, — грубо пошутил он и ушел из полога.

Владимир выслушал этот разговор не без волнения. Он знал, что в тундру должна прибыть девушка, ветеринарный врач, дочь Митенко, — ждал ее приезда, надеясь увидеть в ней надежного товарища по работе. О том, что ветврача могут здесь принять не так, как его самого, ему и в голову не приходило.

— Олений доктор — женщина! — с тяжелым вздохом промолвил Ятто. — Чему она оленьих людей научить может? Так понимаю, кто-то посмеяться захотел над нами.

— То, что олений доктор придет, — хорошо, — серьезно заметил Тымнэро. — Но вот то, что женщина она, береговая женщина, — плохо, совсем плохо. Через месяц же убежит.

«Тяжело тебе будет, девушка — олений доктор, — подумал Журба, — не знаю, кто ты, какой характер у тебя, устоишь ли?»

— А может, шутка все это. Может, это дурной голове Кувлюка приснилось, — сказал Ятто. — Соберайтесь. Сейчас луна взойдет, оленей ловить пойдём, к Чымнэ поедём.

19

В стойбище Чымнэ начинался праздник зимнего пастбища. Гостей было много. Мужчины, женщины, разодетые в полосатые и цветастые камлейки, рассказывали по стойбищу, громко переговаривались, шутили, смеялись.

Всего три яранги стойбища Чымнэ стояли на обширной горной террасе у подножья сопки. С террасы далеко была видна широкая долина реки. Разделенная на множество рукавов, как и все чукотские реки, Малевэем местами поблескивала оголенным от снега льдом. То там, то здесь на реке виднелись высокие холмы вспученного морозами

льда. Иные из них, как далекие вулканические сопки, курились черным дымом пара. Вдоль противоположного берега реки тянулась, уходя в мгlistую даль, бесконечная горная цепь, за которой возвышались темносиние ярусы Анадырского хребта.

Втянув озябшие руки по-чукотски через рукава за пазуху кухлянки, Журба задумчиво расхаживал по тропинке от стойбища к зарослям кустарника, где молодежь заготавливала хворост для костров. Стаи белоснежных куропаток порой садилась почти у самых ног Владимира, доверчиво поглядывая на него черными бусинками глаз. Только по шаре движущихся черных точек глаз да по острому треугольнику клюва Владимир и угадывал сидящую перед ним куропатку, настолько сливалась она с ослепительным фоном снежного покрова.

Где-то за сопкой слышался нарастающий шум оленьего стада. Вскоре стадо черной лавиной перевалило сопку и широко разлилось у ее подножья. Белые конусы яранг теперь казались небольшими островками в живом, шумном море оленей.

— Гок! Гок! Гок! — слышались разноголосые возгласы пастухов, от самого тонкого до басовито-хриплого. Волна оленьего стада черным языком лизнула самый край горной террасы, изогнулась и закружилась на месте, образуя огромный вертящийся круг. Лес ветвистых рогов стал настолько густым, что казалось, олени все до одного переплелись друг с другом узорчатыми отростками роскошных жорон и уже никакая сила не сможет их разъединить.

Распорядитель праздника, Чымнэ, в белоснежной кухлянке, отороченной пушистой шкурой росомахи, собирал в кольцо аркан, направляясь от стойбища к стаду.

Началась забой оленей. Юноши, чуть пригибаясь, бесшумно, как тени, бродили по стаду. У каждого из них в правой руке, занесенной назад для броска, поскрипывали упругие кольца аркана. Свистел аркан. Заарканенный олень становился на дыбы, хралел... Юноши тащили мечущееся в страхе животное к ярангам. Старики выбирали момент, когда приведенный для забоя олень замирал в неподвижности, почти неуловимым движением руки били узким ножом точно в сердце. Женщины с заиндевелыми, непокрытыми головами, тут же, на улице, быстро раздвигали оленьи туши так, как подсказывал вековой обычай.

Журба знал, что после забоя должны будут начаться оленьи бега. «Неужели и Тымнэро поедет?» — спросил он себя и поискал юношу глазами.

Тымнэро возился у своей нарты. Подвешенный где-то снизу за копыла¹, тонко позванивал нежный колокольчик. Неподалеку от Тымнэро стоял его отец Мэвэт. Покуривая длинную трубку, он смотрел на стадо Чымнэ, в котором не один год проработал батраком... Сколько оленей он сам лично принимал в этом стаде при отеле! Сколько спас от волков!.. А вон того безрогого, с белым пятном на лбу, он, Мэвэт, собственными руками научил в нарте ходить. Тяжело было, ай как тяжело было жить когда-то в батраках!

Размышления Мэвэта прервал Журба.

— Слышал я, что сын твой Тымнэро лучший наездник здесь.

Мэвэт покосился на сына: не слышит ли?

¹ К о п ы л — вертикальные стойки на нарте.

— Да. Сын у меня очень ловкий. Точно таким и я был когда-то в молодости.

— Послушай, Мэвэт, быть может, я сейчас своим вопросом как песец в калкан попаду, но я хочу что-то сказать тебе, — тихо, чтобы не слышали посторонние, обратился Владимир к Мэвэту. — Слышал я, что ты сына выносливости учишь, мужиной настоящим быть учишь. Сегодня еще целый день ему есть не полагается. Но олени бега сил много требуют. Сможет ли Тымнэро первым притти? Быть может, ему следует хоть немного поест чего-нибудь, а? Не честно другим будет состязаться с человеком, который вот уже третьи сутки не ест.

Лицо Мэвэта, выжавшее до сих пор острое любопытство, стало бесстрастным, каменным.

— Научиться настоящим мужиной быть — трудно очень, — сказал он после некоторого молчания, не глядя на Владимира. — Пусть так будет, как я сказал. Если Тымнэро и сегодня, как всегда, на оленьих гонках первым придет, тогда я пойму, что из него обязательно мужина выйдет.

Владимир неодобрительно покачал головой. Мэвэт вдруг как-то очень тепло посмотрел ему в глаза и заметил:

— Не сердись на меня. Пусть все же так будет, как я сказал.

Несколько десятков упряжек стали в ряд на снежной поляне. В каждой нарте по паре оленей. Упряжка Тымнэро стояла рядом с упряжкой Кувлюка. В нарту Кувлюка были впряжены лучшие бегуны Чымнэ. Сам Чымнэ, сославшись на недомогание, в бегах участия не принимал.

Надев на руки петли от коольгытов, Тымнэро ждал команды. Чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд, юноша повернулся. На него смотрела жаркими, любящими глазами Аймынэ. Взгляд этот, казалось, удесятирил силы Тымнэро. Кувлюк тоже глянул на девушку, скользнул глазами по счастливому лицу Тымнэро и помрачнел: они были соперниками не только в оленьих гонках.

Кувлюк, которому Чымнэ поручил начать бега, осторожно тронул свою упряжку. И сразу же десятка три упряжек, взвихрив за собой снежную пыль, соскакали по ровной поверхности бескрайнего горного плато.

Вскоре наездники скрылись в темной туче пара и снежной пыли. Женщины принялись раскладывать на улице костры. Возбужденные дети, в заиндевелых меховых одеждах, бегали по стойбищу, нахлестывая друг друга погоньями, воображая себя лихими наездниками в оленьих гонках.

Журба пристально наблюдал за всем, что происходило вокруг него. Зоркий глаз его не упускал ни одной подробности. Он чутко прислушивался к разговору чукчей, и как только попадалось ему неизвестное слово или даже целый оборот, незаметно записывал в книжку. «Много народу собралось, надо уловить момент и провести беседу», — думал он.

— Едут! — раздался чей-то пронзительный, взволнованный голос. Люди замерли, всматриваясь в быстро движущуюся к стойбищу тучу, еще скрывающую наездников.

Но вот показалась первая упряжка, за ней, чуть сзади, — вторая.

— Кувлюк, Кувлюк впереди! — пронеслось в толпе.

— За ним Тымнэро! — подхватил второй голос.

Кувлюк чувствовал почти у самых ушей своих горячее дыхание оленей Тымнэро. Свистящий, с костяным набал-

дашником на конце погоньч в руках его уже до крови разбил крупы оленей. В глазах у него темнело, в груди нехватало дыхания, немело в плечах. А горячее дыхание оленей Тымнэро было все так же близко, словно животные, взбешенные дикой гонкой, собирались вцепиться в него оскаленными зубами.

Огромным напряжением воли Кувлюк собрал все силы, чтобы, наконец, оторваться от Тымнэро. Он должен притти первым! Сам хозяин дал ему своих лучших оленей. В конце концов там и Аймынэ, затаив дыхание, наблюдает за состязанием двух соперников. Какой позор будет, если сейчас, перед самыми ярангами, Тымнэро вдруг обгонит его!..

Тымнэро тоже волновался. Он видел, как полыхало пламя костров у финиша. Стремительное приближение этого пламени юноша ощущал, как близкую катастрофу. Неужели он, Тымнэро, лучший наездник в Янрайской тундре, сегодня придет не первым? Что скажет тогда Аймынэ? Конечно, с презрением отвернется, навсегда забудет о нем? А может, она кусает сейчас до крови губы от того, что не он, Тымнэро, а Кувлюк идет первым? Пламя костров было уже почти рядом. Обогнать, обогнать Кувлюка!

Тымнэро чуть приподнялся, страшно тикнул. Нарта дернулась, словно машина, переключенная на предельную скорость. Кувлюк в страхе оглянулся и на какую-то долю секунды не выдержал огромного волевого напряжения. И это решило его участь. Олени соперника вихрем промчались мимо него. Мелькнул перед глазами Кувлюка оскал на разгоряченном лице Тымнэро. Кувлюк, с помутившимся сознанием, в беспомоществе обрушил град ударов погоньяча на крупы оленей.

Но было уже поздно. Молнией вспыхнуло рядом пламя костра. Упряжка с ходу вылетела за стойбище. Передовой олень упал на колени. Глаза у него стали мутными. То вздымались, то опускались покрытые пеной влажные бока. Кувлюк соскочил с нарты и пошатнулся от изнеможения. Но он все же увидел, как подбежала к оленям Тымнэро Аймынэ, ловко отстегнула шлеи от потягов. Бешенство снова овладело Кувлюком. Он хотел крикнуть что-нибудь злобное, страшное, чтобы все ужаснулись, но голос перехватило, и вырвался только хрипящий звук.

— Оленей распрягай! — вдруг услышал он негодующий окрик Чымнэ.

Кувлюк глубоко вдохнул морозный воздух, стремясь унять бешеный стук сердца, снова пошатнулся и, наклонившись, приниженный, подавленный, почти машинально распряг оленей. Коренной вскочил на ноги, шархнулся в сторону, а затем плавно, временами встряхиваясь, не побежал, а поплыл, почти не касаясь ногами земли, к стаду.

Подъезжали к стойбищу один за другим остальные наездники, принимавшие участие в оленьих гонках.

Счастливый, с горячим, возбужденным лицом, с лихорадочно блестящими глазами, Тымнэро отвязал от огромной трузовой нарты Чымнэ крупного белоснежного оленя и подвел его к отцу. Это был первый приз, который принадлежал ему. Спрятав под маской бесстрастия рвущуюся изнутри улыбку радости и гордости за сына, Мэвэт принял оленя.

Аймынэ, не скрывая своего восхищения, не отрывала от юноши глаз. Миловидное лицо ее, с яркочерными в заиндевелых ресницах глазами, было таким же счастливым,

как и у Тымнэро. На девушке был широкий пятнистый кэркэр с богатой опушкой россомахи и замшевая ярко-красная камлейка; разукрашенная бахромой и хвостиками из выкрашенной в красный и зеленый цвет шерсти нерпичьих выворотков.

Едва сдерживая негодование, Чымнэ подошел тяжелой походкой к Аймынэ и тихо, но так, что у девушки побегали мурашки по коже, сказал:

— Глаза твои почему-то ослепли, и ты не видишь, чем заняты сейчас женщины!

Аймынэ покраснела до корней волос и, обидчиво закусив нижнюю губу, быстро направилась к женщинам, выносившим из яранг на улицу котлы с вареной оленьей кровью, длинные деревянные блюда со строганиной из жирного оленьего мяса осеннего забоя.

«Все равно снова убегу к Тымнэро, — упрямо твердила она. — Вместе с сестрой убегу...»

Мысль о новом побеге от Чымнэ не выходила у Аймынэ из головы ни на один час. Всем сердцем она по-прежнему стремилась к любимому не только потому, что он был красивый и ловкий парень, лучший наездник в тундре, но еще и потому, что он был в ее глазах удивительным человеком, который живет необыкновенно интересной жизнью там, в своей замечательной колхозной бригаде!

Она уже была в той бригаде, она жила там почти полмесяца. Там такие хорошие люди: дружные, смелые, веселые. Там никогда нет такой ругани, как дома. Там не дрожат из-за каждого куска мяса, как дрожит Чымнэ... Здесь, в его стойбище, никогда не бывает таких собраний, какие она видела там. Здесь никто не учит ее разговору по бумаге, как учили там. Здесь никто не говорит ей, что она тоже должна стать комсомолкой, как говорили там. Что толку, что Чымнэ дает ей красивые наряды, что он бережет ее от работы. Работы она не боится. Но она хочет работать так, как работают парни и девушки в бригаде Мэвэга.

Нет, она, Аймынэ, не глупая девчонка, у которой голова, как у молодой нерпы. Она хорошо понимает, в чем разница между оленьим стадом Чымнэ и колхозным стадом, где работает ее Тымнэро. Там пастухи, все до одного, оленей как детей родных любят; там они каждому новому теленку рады. А здесь только сам Чымнэ радуется, да и то радость свою никому показывать не хочет. Рождение каждого теленка в тайне держит от всех. Прячет свою радость, как чужую, украденную вещь.

Нет, не хочет, не может Аймынэ жить так, как сестра ее живет, как этот противный, ненавистный Кувлюк живет, которого она, как и прежде, на длину растянутого аркана к себе не пустит. И потом не зря, кажется, сам Чымнэ к ней с нарядами лезет: не думает ли он ее сделать своей второй женой? Нет, она не станет покорно подчиняться ему, как, говорят, подчиняется своему отчиму Тимлю.

Суетятся, спешат с угощением женщины. Девушка машинально берется то за одно, то за другое дело, удивляя сестру нерасторопностью и равнодушием.

Стойбище шумело. Громко перешучивались мужчины, рассказывая друг другу отдельные случаи оленьих гонок, звонко хохотали возбужденные дети. Женщины раскладывали угощения у костров. Кроме пищи, некоторые из них тащили к кострам закопченных деревянных божков.

Когда люди тронулись к кострам, чтобы приняться за еду, Владимир почувствовал, что его осторожно кто-то взял за руку. Он повернулся и увидел старика Ятто.

— Идем есть. Нехорошо, если гость не ест пищи, для добрых духов предназначенной.

— Пойдем! — весело согласился Владимир.

Незаметно подкрадывалась ночь. Вечерняя заря выцветала. Борьбу и состязание в прыжках пришлось перенести на следующий день праздника.

Гости и хозяева разошлись по ярангам. Журба вместе с Ятто попал в просторный полог яранги Чымнэ. Долго пили чай, ели вареное оленьё мясо. Именно сейчас и началось настоящее пиршество.

«Вот когда можно было бы вызвать людей на беседу», — подумал Владимир, прислушиваясь к шуткам гостей. Случай пришел ему на помощь: кто-то пожаловался, что стало очень плохо с покупкой посуды, патронов, табака, инструментов.

— Да. До войны лучше было. До войны совсем хорошо было, — заметил Ятто, посасывая пустую трубку. — Долго ли она, война эта, длиться будет? — обратился он к Владимиру. Оленеводы умолкли, ожидая ответа учителя. Владимир уселся поудобнее и, не спеша, не повышая голоса, чтобы не нарушить общий тон простой, непринужденной беседы, стал объяснять, от чего зависят сроки окончания войны.

Вскоре Журба стал центром внимания.

«Как это получилось? — вдруг спросил себя Чымнэ. — В моей же яранге, мои же гости с открытыми ртами слушают русского, который явился в тундру неизвестно зачем и для кого».

Но, присмотревшись, с каким вниманием слушают Журбу оленеводы, Чымнэ признался себе, что он хорошо понимает, зачем прибыл русский в тундру и кому этот русский нужен.

Глухое раздражение, не покидавшее Чымнэ с самого утра, усиливалось. Ему стало трудно дышать. Он неожиданно вспомнил другого белолицего.

Много лет назад тот белолицый приехал в стойбище Чымнэ в день точно такого же праздника. У белолицего гостя была тяжело нагруженная нарта. Чымнэ узнал в нем американского купца Стэнли, имевшего свою факторию на берегу, в поселке Яирае. Дрожа от холода, бормоча что-то сердитое на своем языке, купец забрался в полог яранги Чымнэ.

Вскоре полог точно так же, как и в этот вечер, был переполнен гостями. Вышло так, что американец тоже очутился в центре внимания гостей Чымнэ. Но тогда все это происходило совсем по-иному. Кочевники рассматривали красную бороду купца, вытянувшего свои длинные ноги через весь полог, и удивлялись: неужели этому краснобородому не понятно, что ему нужно немножко потесниться, чтобы удобнее было сидеть другим? Или его в детстве уважать людей не учили? Или он настолько глуп, что не смог запомнить, что гость должен стараться показать свое уважение хозяевам?

Но краснобородый не был глуп. В этом хорошо убедился Чымнэ. Краснобородый был хитер, как лиса. Он приказал принести огненную воду, попробовал ее сам, стал угощать Чымнэ и его гостей. Многие из кочевников еще ни разу не пили спирта. Выпив по глотку, они испуганно смо-

трели на Чымнэ, как бы спрашивая: не отравил ли он нас, твой гость краснобородый?

У Чымнэ, уже знавшего вкус и спирта и виски, приятно кружилась голова.

— Эх вы, глупые нерпы! — выкрикнул он и зашелся в хохоте. — Зачем так думать, что огненной водой можно отравиться? Разве вы не видите, что сам торгующий человек пьет вместе с нами из одной посуды?

Вскоре в яранге стало так шумно и весело, как никогда не бывало ни на одном празднике у Чымнэ. Уже никто не обижался, что краснобородый своими длинными ногами занял половину полога. Да и сам американец, насколько мог, подобрался, стал добродушным, веселым. Опьяневший Чымнэ не заметил, когда американец успел принести в полог свои товары. Краснобородый тряс перед глазами кочевников бусами, браслетами, показывал напильники, ложки, сверкающие красной медью чайники. Гости Чымнэ то выходили из полога, то появлялись вновь со шкурами лисиц, песцов, оленьих выпоротков.

Ранним утром американец уехал в следующее стойбище. Нарта его, казалось, была так же тяжело загружена, как и прежде. Кочевники один за другим выходили из яранг и, жалуюсь на головную боль, спрашивали друг друга, что происходило вчера вечером. И вот Ятто, этот самый Ятто, который сегодня привез к нему на праздник русского, объяснил недоумевающим сородичам:

— Не знаете, что вчера происходило? Приехал торгующий человек, краснобородый американец, наполнил всех оглупляющей водой и, когда у нас головы стали, как у самых дурных нерп, почти задаром забрал всю пушнину, оленьи шкуры и поехал дальше.

«Да, то был другой белолицый, совсем другой, — размышлял Чымнэ, прислушиваясь к словам Журбы. — Нечестно поступил краснобородый. Этот не ездит с оглупляющей водой, и все же лучше бы глаза мои его не видели, лучше бы уши мои слов его не слышали».

И вдруг чыргын полога приподнялся, показалась чья-то голова.

— Новых гостей принимайте! — сказал человек, стаскивая с головы малахай. Люди потеснились.

В полог забрался сначала молодой парень, пастух бригады Мэвэта Раале, за ним девушка. На девушке была длинная расшитая кухлянка, белоснежная длинноухая шапка. Широко раскрытые черные глаза ее скользнули по лицам оленеводов, остановились на Владимире.

— Вот не ждала, что здесь именно вас встречу, — сказала она на чистом русском языке и, протянув Журбе руку, добавила: — Будем знакомы. Нина Митенко, а почукотски Нояно.

— Будем знакомы, — не сразу ответил Владимир, всматриваясь в лицо девушки.

— А, дочь Митенко в гости к нам прибыла? — приветливо сказал Ятто.

Нояно улыбнулась и протянула ему руку, а за ним еще одному оленеводу. Когда очередь дошла до Чымнэ, хозяин яранги руку не подал и, криво усмехнувшись, сказал:

— По-русски не умею за руку трогаться. Не научился еще.

Нояно смутилась, хотела что-то ответить, но в это время послышался голос Кувлюка, который неизменно бывал при своем хозяине, если тот не гнал его прочь.

— Как оленям ноги, так людям руки олений доктор грощупывает: не заболели ли копыткой?

Нояно быстро повернула голову в сторону Кувлюка, внимательно посмотрела в него.

— Я знаю тебя, девушка, — вмешался в разговор Ятто. — Ты дочь человека, которого я очень уважаю. Но верно ли это, что ты сюда приехала нас учить, как за оленями смотреть, как от болезней их спасать? — спросил Ятто. Говорил он это подчеркнуто учтиво, чтобы сгладить впечатление, произведенное грубостью Чымнэ и Кувлюка.

Девушка смело посмотрела ему в глаза и ответила:

— Я приехала, чтобы у вас поучиться, как за оленями смотреть.

«Ага! Хорошо, очень хорошо», — мысленно оценил ответ девушки Владимир.

— Хо! Интересно как! — вдруг воскликнул Кувлюк. — Разве отец твой бросил быть торгующим человеком? Разве у него появилось стадо олень? Зачем тебе делу оленьего человека учиться?

И тут, неожиданно для всех гостей, в разговор вступила Аймынэ, до сих пор безмолвно возившаяся с чайной посудой.

— Разве у тебя, Кувлюк, есть олень стадо? Нет же у тебя ни одного оленя! А ты вот до сих пор учишься оленьему делу!

Чымнэ чуть приподнялся на колени, с негодованием глядя на девушку.

— Что это сон мне дурной снится: женщины, у которых есть одно лишь настоящее дело — молчать, когда к ним не обращаются, мужчин поучать стали.

Аймынэ отвернулась в сторону и снова принялась за посуду. А Кувлюк, прикусив язык, смотрел на девушку с укором, по-рабски приниженно, с мучительной жадностью.

Долго тянулось молчание. Старик Ятто задумчиво пощипывал свою бородку.

— Спать пора. Здесь нам всем не уместиться. Пойдем в другую ярангу, — предложил он Журбе. — И ты, девушка, иди со мной. Я хочу расспросить о делах и здоровье твоего отца.

— Пойдем, — согласился Владимир.

Нояно приветливо улыбнулась Аймынэ и надела на голову свою длинноухую шапку.

20

После уроков все школьники выбежали порезвиться на улицу. В классе остался один Оро. Забывшись в угол, он задумчиво смотрел на чистый лист бумаги.

Солнцева вошла в класс, пристально посмотрела на мальчика.

— О, да ты загрустил чего-то, — тихо промолвила она.

Оро слабо улыбнулся и ничего не ответил.

— Я знаю, чего ты грустишь: ты очень соскучился по дедушке, по бабушке, так, что ли?

На лице мальчика появилось сложное выражение: казалось, ему хотелось и заплакать, и от души поблагодарить за внимание учительницу, которую он очень любил, и попытаться бодро вскинуть голову, чтобы доказать, что он не какая-нибудь плаксивая девочка, а... хотя и маленький, но все же мужчина.

— Ну, ну, я тебя понимаю, можешь мне ничего не рассказывать, — промолвила Оля, обдумывая, чем разве-селить и успокоить мальчика.

— Я вот сижу и так думаю: плохо, что дедушка мой читать и писать не умеет; письмо написал бы ему, — по-говорить с ним очень хочется!

— А ты пиши! Пиши! — обрадовалась Оля прекрас-ному случаю помочь мальчику. — Ты так хорошо уже пишешь! Расскажи дедушке, как живешь в школе, как учишься, обрадуй его, ободрь: он ведь тоже сильно ску-чаёт по тебе!

— Так он же совсем не знает разговора по бумаге.

— Но там уже немало грамотных людей! Ему про-чтут, все до слова прочтут.

Лицо Оро вмиг преобразилось, глаза его загорелись.

— Да. Это верно! Прочтут! Теперь я каждый день по письму ему писать буду! — Оро схватил карандаш, по-правил на парте лист бумаги. — А еще... я буду ему ри-сунки рисовать! Пусть посмотрит, какую елку мы из бумаги и дерева сделали, какой у нас пионерский барабан, какой горн! Как же вот у нас парты, доска! А потом я оленей рисовать буду, маленьких оленочков, потому что сильно, сильно видеть их хочу.

— Правильно, это ты очень хорошо придумал, — одобрила учительница. — А чтобы рисунки были краси-выми, я сейчас тебе кое-что подарю.

Солнцева подошла к шкафу, достала альбом для рисо-вания, пачку цветных карандашей.

У Оро от восхищения захватило дыхание. Он схватил карандаши, бережно открыл коробку.

Вскоре мальчик был поглощен работой над рисунками. Оля оставила его одного. Войдя в комнату, она выбрала из стопки тетрадей по арифметике тетрадь Оро, внима-тельно проверила ее и с большим удовольствием акку-ратно вывела «5». Этот мальчик был одним из лучших ее учеников.

Шли дни. Оро действительно часто писал письма, за-клеивал их в конверты, подаренные ему учительницей, складывал в стопку, дожидаясь, когда в тундру уйдут нарты. Он так увлекся своим занятием, что попытался, как сказал своим товарищам, обходиться разговором только по бумаге. Объясняться же вслух он решил только с учительницей. Вскоре Солнцеву удивило то, что маль-чик не отвечал на переменах на вопросы товарищей, а когда у него прорывалось хоть одно слово, дети хохотали до слез. Обычно же, если возникала потребность погово-рить с кем-нибудь из ребят, Оро забивался в угол, писал записку, протягивал собеседнику.

Вскоре Солнцева разгадала все это и решила не ме-шать мальчишеской проделке. Ученики один за другим на переменах или после занятий подходили к учитель-нице и сообщали о промахах Оро: не выдержал, дескать, три слова сказал! Смешливый и любопытный Тотык не отставал от Оро ни на шаг, пытаясь вырвать у него хоть слово.

— У тебя рубаха сзади в чернилах! Я видел в твоей тетради двойку! Ты совсем не умеешь аркан метать!

Оро отвечал просто: он снимал с себя рубаху и, видя, что никаких чернил на ней нет, укориженно качал голо-вой, прикладывая ко рту кисть руки и выразительно ше-вела ею: дескать, язык у тебя длинноват и потому такой дживый. А на замечание, что он аркан метать не умеет,

хватал аркан, отбегал от Тотыка в сторону и ловко на-брасывал на него петлю. Но однажды Тотык с совершенно серьезным видом заявил на перемене, что в сумке Оро нет подаренных учительницей цветных карандашей. А каран-даши ребята действительно спрятали. Оро бросился к сумке, глянул в нее и закричал:

— Кто забрал карандаши? Отдайте карандаши!

Школьники захохотали. Оро сообразил, что промах-нулся, и всердцах полез с кулаками на Тотыка. Тотык с хохотом оборонялся.

В класс вошла учительница. Поняв, что происходит, она решила, что проделка Оро может пойти слишком да-леко, и попросила мальчика закончить свою игру в мол-чанку. Но было уже поздно.

В поселок Янрай как-то на один день приехал шаман Тэкыль. Эчилин посоветовал ему пустить по тундре слух, что Оро, учась в школе, начинает забывать человеческий язык. И чем лучше он понимает разговор по бумаге, тем хуже говорит языком.

— Пусть об этом старик Ятто услышит! Пусть он взбесится от страха! — сказал он шаману в своей яранге. Тэкыль посмотрел в лицо Эчилину и вдруг зашелся в без-звучном смехе, сотрясаясь всем своим немощным, дряб-лым телом.

Весть, распространенная шаманом, быстро облетела все стойбища тундры.

Мало кто верил тому, что сказал шаман. Но суеверный старик Ятто страшно обеспокоился. Напрасно его уговари-вали и Владимир, и Воопка, и Майна-Воопка не верить вздорному слуху. Старик немедленно запрят оленей, взял с собой запас пищи на несколько дней и отправился в Ян-рай. По пути к нему присоединилось еще три таких же суеверных оленевода, дети которых учились в школе.

И вот однажды, когда уже угасали сумерки, Солнцева увидела в свое окно, что к поселку скачет несколько оле-неводов на оленях. Оленеводы подъехали прямо к школе, вошли в класс.

— Где Оро? — тревожно оглядывая учеников, громко спросил Ятто, стаскивая со своей головы огромный вол-чий малахай.

Обрадованный Оро со всех ног бросился к своему деду.

— Покажи язык! — приказал Ятто.

Оро удивленно посмотрел на деда, послушно выполнил приказание. Вокруг него, касаясь друг друга потными го-ловами, наклонились и остальные оленеводы. Глядя в их тревожные лица, Оро опешил и несколько минут в самом деле не мог вымолвить ни слова, хотя оленеводы попере-бой задавали ему самые невероятные вопросы.

Насторожившись, Оля готова была вмешаться в раз-говор в любую минуту.

— Собирайся домой! — приказал Ятто.

Пораженный Оро стоял, как вкопанный.

— Собирайся домой! — повторил Ятто. — Ты слы-шишь, или уши твои тоже не работают? Где твоя кух-лянка?

— Зачем кухлянка? Куда кухлянка? Я не поеду. Я хочу учиться! — вдруг выпалил Оро.

Оленеводы изумленно переглянулись.

— А ну-ка еще чего-нибудь скажи! — обрадованно и просительно предложил Ятто.

— Да что вы думаете, я разговаривать разучился? — очнулся Оро, смущенно оглядывая взрослых. — Это я просто с ребятами шутил, чтобы интересно было! Знаете, как это интересно? Все хотят, чтобы я разговаривал, а я молчу.

Солнцева облегченно вздохнула. А Тотык, испугавшись первое время не меньше, чем Оро, вдруг фыркнул в книгу, с трудом сдерживая смех. Ятто глянул в его сторону, перевел взгляд на улыбающуюся учительницу, и вдруг сам захохотал громко, раскатисто. Засмеялась и учительница вместе с оленеводами и школьниками. Смущенный Оро исподлобья поглядывал в разные стороны, неловко переступая с ноги на ногу. Теперь он не очень рад был своей выдумке.

Минут через десять оленеводы пили чай в комнате Оли. Разговаривали все о том же — о проделке Оро.

— Я очень испугался, — говорил Ятто, со свистом прихлебывая чай. — Сама понимаешь, — обратился он к учительнице. — Что я делал бы с ним, если бы он человеческим языком говорить разучился? Ну, мог бы он по бумаге разговаривать. А если крикнуть надо, поругаться или громко позвать кого-нибудь, как бы он это делал?

А потом вот с оленями, с собаками человеку иногда разговаривать приходится. Не напишешь же собакам бумажку, чтобы они влево, вправо поворачивали, чтобы поторапливались?

Оля хохотала, смеялись и оленеводы. А Ятто все говорил и говорил о самых невероятных, страшно неудобных обстоятельствах, в которых мог бы очутиться Оро, разучись он говорить языком. Старик понимал, что суеверный страх завел его слишком далеко и он попал в очень смешное положение, и потому пытался сейчас как-то все сгладить шуткой.

— Ну, а теперь скажи, рад ли ты бываешь письмам Оро? — спросила Оля, подливая старику чаю в стакан.

Ятто поставил в сторону блюдце и сказал тихо и ласково:

— Когда прочли мне его первое письмо — я, как женщина, заплакал. Жена моя Навыль тоже заплакала. Оба мы очень обрадовались. Только потом я никак не мог сообразить: как это Оро, совсем еще мальчик, и такому научился? Сам вот я сейчас тоже учусь. Но разговаривать по бумаге пока не умею. А голова-то моя, посмотри, не то что у Оро, — совсем седея! А седина, говорят, — мудрость. Как же так получается?

— Если захочешь — научишься грамоте и ты, — сказала Оля, глядя на старика задумчивым, серьезным взглядом: нет, Ятто не казался ей смешным, не казался он ей примитивным человеком, скорее он напоминал ей просыпающегося, который после тяжелого сна все еще никак не может разобраться, что перед глазами его сон, а что явь.

— Не уезжайте сегодня домой, дети по вас сильно соскучились, — сказала она оленеводам. — А вот и они, — добавила Оля; у раскрытой двери стояло несколько мальчиков и девочек по главе с Оро. В горячих глазенках их была радость. «Вот этих уже никогда не сморит кошмарный сон, от которого с таким трудом освобождаются их родители», — думала учительница, глядя на своих учеников.

Подойдя к зеркалу, Айгинто удивился:

— А верно люди говорят, что я похудел сильно. Ай, какой худой, какой некрасивый стал...

Но тут же забыв об этом, председатель быстро убрал со стола лишние бумаги, принялся писать в район рапорт о ходе выполнения пушного плана.

Ему было что сказать о своем колхозе районному руководству. До конца сезона охоты еще оставалось два месяца — февраль и март, — а до выполнения плана вместе с фронтovým заданием нехватало всего двадцати восьми песцов.

Устало потянувшись, Айгинто впервые за эту напряженную зиму почувствовал себя успокоенным, удовлетворенным. Тепло родного дома, в котором он последнее время бывал редко, разморило его. Айгинто временами даже поглядывал на мягкую, застланную пушистым одеялом кровать: не вздремнуть ли часок-другой? Но спать днем ему казалось зазорным.

Соблазн был все же велик. Айгинто встал, еще раз потянулся, ашпетитно зевнул. В доме было тихо. Старушка мать ушла к соседям, Гивэй уехал на охотничий участок. Ничего не стоило прилечь на кровать и поспать хотя бы полчаса. Конфузливо улыбаясь, словно делая что-то невероятно постыдное, Айгинто нерешительно снял торбаза, прилег на кровать. Закрыв глаза, он представил себе лицо Тимлю. «Как она испугалась вчера, когда я застал ее в яранге одну и поцеловал. Странная она все же. Я думал, что рассержу ее, что она даже ругаться станет. А она просто испугалась и все... И ни чем, ни чем не ответила мне. Как будто я совсем чужой для нее; неужели так будет всегда?» Айгинто привстал с постели. Последняя мысль ему показалась просто дикой, и он поспешил прогнать ее прочь.

Представив себе Тимлю в роли хозяйки своего дома, Айгинто мечтательно улыбнулся.

И вдруг дверь открылась и на пороге показался Рультын. Худощавое лицо его с темным пушком над верхней губой было необычайно возбужденным. Скопфуженный, что застал председателя днем на кровати, он неловко переступил с ноги на ногу, растерял меховую куртку, потрогал руками свои многочисленные нагрудные значки. Айгинто смутился не меньше Рультына.

— Может, я не во-время пришел, может, ты заболел? — прокашливаясь, спросил бригадир-комсомолец.

Айгинто мгновение подумал и честно признался:

— Знаешь, сам удивляюсь, как такое получилось... стыдно даже.

— Тогда новость слушай, важную новость! — повеселел Рультын. — Илирнэйцы план выполнили! Вчера... вместе с фронтovým заданием выполнили, и даже уже одного песца сверх плана поймали!

Айгинто, будто его кто ужалил, соскочил с кровати, схватил торбаза.

— Так чего же ты молчишь, чего тут про мое зловое спрашиваешь?! — почти закричал он, не попадая ногами в торбаза. — К Гэмалю скорей, потом к Петру Ивановичу!.. Разлежся тут, как морж на льдине, отдохнуть захотелось! — язвительно протянул он. — Сними вон в углу кухлянку, чего стоишь!

— Ты забыл, наверное: это не я, а ты на кровати разлежся, — усмехнулся Рультын.

— Без тебя это знаю... Конечно, я морж!.. О себе, не о тебе говорю! — поспешно натягивая на себя кухлянку, отвстил Айгинто.

Исчезло, словно его и не было, минутное успокоение, удовлетворенность. Опять председатель колхоза лихорадочно заспешил, забывая о еде и сне.

— Тиркин, собери себе в дорогу еды дня на два, на три, осмотри еще раз все места охотничьи, надо определить, где песцов больше всего скопляется, — приказал он лучшему охотнику, забежав в его ярангу.

— Собери сумку, побольше мяса сушеного положи, — уже в свою очередь приказывал Тиркин жене.

— Ну вот, спасибо тебе, Тиркин, за то, что ты сразу понял меня, — облегченно вздохнул Айгинто и тут же стал думать уже о другом: «Одну бригаду надо за шерсвал послать, пожалуй, и вторую бригаду туда же, но кто будет проверять капканы на прежнем участке?.. А Тэюнэ! — вдруг обрадовался Айгинто. — Тэюнэ собирается женскую бригаду организовать. К ней пойду...»

Дома Тэюнэ не оказалось. Айгинто сказали, что она ушла к Тимлю.

— К Тимлю? — переспросил Айгинто и, не задумываясь, быстро направился к яранге Эчилина.

Затаив дыхание, Айгинто остановился перед самым пологом, прислушиваясь к голосам.

«Учительница тоже здесь», — узнал он по голосу Солнцева.

Кроме Тимлю, Оли и Тэюнэ, в пологе больше никого не было. Лицо у Тимлю было растерянным, сконфуженным.

— Я никак не могу тебя понять, Тимлю! — сказала Оля, продолжая свой разговор с падчерицей Эчилина. — Ты же в школе училась, четыре класса окончила. Наверное, и пионеркой была...

— Нет, не была я пионеркой, — глядя на недошитую рукавицу, подавленно ответила Тимлю. — Эчилин не велел и в школу хотел не пускать, да его поругали. Давно это было. Лет десять назад.

— Ну, ладно, Эчилина я хорошо знаю. Но неужели ты думаешь так и прожить всю жизнь, с мыслью как бы не сделать что-нибудь такое, что не нравился Эчилину? Ты посмотри, как живет молодежь наша. Все учатся, ходят на собрания, в самодеятельности участвуют. А ты вот сидишь все время в яранге своей да рукавицы Эчилину шьешь. Что за жизнь это?

— Да, да! Оля хорошие слова говорит. Ты слушай, Тимлю, внимательно слушай слова эти, — вступила в разговор и Тэюнэ. — Я тоже сначала такой, как ты, была. Дома все сидела, Илью чай кипятила. А потом не смогла так жить дальше. Слышу, все люди о чем-то новом говорят, о чем-то очень интересном говорят, вижу, лица у них веселые, глаза горячие! Завидно мне стало, ай как завидно! И вот решила я, что не буду больше в яранге своей, как глухая нерпа на льдине, сидеть. К настоящим людям побежала. В клуб, в школу побежала...

Тимлю смотрела в раскрасневшееся, взволнованное лицо Тэюнэ и невольно сама заражалась ее волнением.

— Так ты слушаешь нас или нет? — вдруг донесся до Тимлю голос Оли.

Девушка вздрогнула, словно очнувшись от забытья, и все с тем же выражением растерянности посмотрела сначала на Олю, потом на Тэюнэ.

— Я слушаю. Слушаю и думаю, — быстро сказала она, тревожно поглядывая на чыыргын: не пришел ли Эчилин?

— Так вот, иди в мою бригаду, — не унималась Тэюнэ. — Многие женщины, у которых дети есть, и те ко мне в бригаду собираются. Девушки, кроме тебя, все до одной будут в бригаде моей. Одна ты пока собираешься попрежнему в яранге сидеть.

— Не знаю... Еще раз спрошу у Эчилина... Вчера он говорил мне, что у меня дома всяких дел полно. Вот и Айгинто мне об охоте говорил... Но как я пойду, если Эчилин не хочет, чтобы я за мужское дело бралась? — Тимлю беспомощно развела руками. — Но я подумаю. Я хорошо подумаю. Вы приходите ко мне, почаще приходите, когда Эчилина дома не будет.

— Ты сама чаще в школу, в клуб приходи, — предложила Оля. — Там мы с тобой найдем такое место для разговора, что Эчилин не услышит нас.

— Хорошо, приходите буду, — пообещала Тимлю и тут же подумала: «А что, конечно туда к ним ходить буду. Попробую обмануть Эчилина...»

Не успели Тэюнэ и Оля выбраться из полога, как Айгинто и след простыл. Встретил он их на улице. И все же скрыть, что слышал их разговор с Тимлю, не мог.

— Ай, спасибо вам! — засмеялся он. — Хорошие, очень хорошие слова вы ей говорили...

— А ты откуда знаешь? — изумилась Оля.

— У меня вот здесь, — Айгинто приложил руку к сердцу, — такое особое радио есть... все слышит!

Оля и Тэюнэ многозначительно переглянулись, затем рассмеялись.

— Вот что, Тэюнэ, — вдруг нахмурился Айгинто. — Собери сейчас же свою бригаду, пойду учить вас капканы ставить... Сам учить буду! — И тут же упрекнул себя: «Опять сам, как будто, кроме меня, некому пойти. Правильно меня Гэмаль ругает».

22

Когда оставалось поймать всего двенадцать песцов, чтобы снова догнать илирнэйцев, разразилась затяжная пурга. Люди отсиживались дома. Проходили сутки за сутками, а пурга не утихала.

— Давай-ка партгруппу вместе с правлением колхоза собирать, — сказал однажды Гэмаль председателю колхоза.

— Зачем это? Не думаешь ли ты на собрании партгруппы решение такое вынести, чтобы пурга остановилась, — мрачно отозвался Айгинто и, улыбнувшись, шутливо добавил: — Запиши в протокол, что пурге объявляется строгий выговор с занесением в личное дело...

— Разве ты не знаешь, сколько дней у нас пурга отняла? — строго спросил Гэмаль. — И потом откуда известно тебе, сколько дней она у нас еще отнимет? Много, очень много полезных дней мы потеряли. Заранее подумать надо, что еще мы можем сделать, чтобы догнать потерянное время?

— Да, об этом подумать надо заранее.

Из дома в дом, из яранги в ярангу передавалась весть, что партгруппа и правление колхоза решили собраться для важного охотничьего разговора. Дошла эта весть и до старика Анкоче. Волнуется у старика охотничья кровь. Иногда ему кажется, что он помолодел на добрых двадцать — тридцать лет. Кажется, встал как, натянул на ноги снегоступы и пошел бы, встал в дни далекой молодости, с кошем прямо на медведя. Но нельзя, к сожалению, итти на медведя. Хорошо хоть, что ноги его, которые год назад совсем отказывались служить, теперь по поселку старика носят. Хорошо, что руки хоть посох как следует еще держат.

Тепло, светло в доме. Анкоче сидит в своем углу на белоснежной медвежьей шкуре, перевязывает оленьими жилами правильки для пушнина. Сын Рультын и его молодая жена Айне сидят за учебниками, выполняют домашнее задание.

— Рультын, поди-ка сюда! — просит Анкоче. — Сходи скорее к Митенко, скажи, чтобы ко мне зашел. Слышал я, что все самые большие люди поселка сегодня для охотничьего разговора собираются. Совет один очень важный дать хочу.

Ни слова не говоря, Рультын поспешно одевается. Он хорошо знает — раз отец зовет к себе Петра Ивановича для совета, значит действительно скажет что-то очень важное.

Рультын не ошибся. Поговорив с Митенко о дурной погоде, Анкоче протянул ему свою трубку и сказал:

— Помнишь, когда мы с тобой еще молодыми были, пурга однажды нас на кашканах застала? Дня три-четыре мы тогда с тобой в палатке прожили.

— Это за перевалом, что ли? — спросил Петр Иванович, силясь вспомнить этот случай.

— Да, да! — подхватил Анкоче. — Так вот тогда заметили мы с тобой, что песцы в пургу особенно часто к приманкам ходят. Холод и голод гонит их в пургу к приманкам. Если забитые снегом кашканы часто перезаряжать — много песцов поймать можно.

— Ай, какой хороший совет! — не выдержал Рультын, соскакивая со своего места. — Сейчас же к комсомольцам пойду, в пургу песцов ловить будем!

— Совет хороший, замечательный совет, — согласился Петр Иванович. — Только к комсомольцам итти рано. Сначала пойдешь со мной на собрание партгруппы. Сначала там все дело обсудим.

— Пошел бы и я с вами, да пурга сильная, свалит меня с ног, — тяжело вздохнул Анкоче.

Митенко проницательно посмотрел на своего друга, что-то обдумывая, и вдруг, повернувшись к Рультыну, сказал:

— А ну-ка иди, передай Гэмалю и Айгынто, что собрание хорошо бы устроить здесь, в твоём доме. Пусть придут слушать мудрый совет старого охотника.

Рультын шелнул жене, чтобы она прибрала в доме, и снова вышел на улицу, в бушующую пургу.

Айне сначала подошла к зеркалу, поправила свои браслеты, бусы, серьги, потом осмотрела критическим взглядом комнату.

«Стол надо поставить посредине, — решила она. — Где-то в ящике красный сатин у меня лежит. Накрою

стол красным сатином, чтобы как в клубе было. Что же мне еще сделать надо? Ах, да, для Анкоче особое место приготовить надо. Это же его совет партгруппа придет слушать... А потом надену-ка я свое самое лучшее красное платье из шелка!»

Не успела Айне переодеться, как дверь створилась и в дом вошло сразу до десятка мужчин.

— О! Смотри-ка, что сделала Айне! — восхищенно воскликнул Гэмаль. — Красная скатерть на столе!

Изумленный Рультын посмотрел на свою разнаряженную жену и не сдержал восхищения, сказал:

— Ну и жена у меня, ай, хорошая жена!..

— Ну, что ж, садитесь, люди, за наш красный стол, — легко поднялся на ноги Анкоче. — Садитесь, будем важный охотничий разговор вести!

Не скоро потух в тот вечер огонь в окнах дома Рультына. А наутро из яранги в ярангу, из дома в дом пошла весть: партгруппа вместе с правлением колхоза решила, что январцы должны ловить песцов в пургу.

Ловить песцов в пургу! Когда такое было, чтобы все до одного охотника выходили ловить песцов в пургу?! Трудно это, очень трудно! Считалось до сих пор, что это невозможно. Ну, что ж! Много уже в этом году писали о смелых охотниках, живущих в Январе. Пусть еще одна новость по району пойдет, новость о том, что январцы умеют ловить песцов и в пургу!

23

Но не все думали так в Январе. Узнав, что надо собираться на кашканы в пургу, Эчилин долго сидел ошеломленный и вдруг в ярости изломал на куски правильку, которую держал в руках. Пурге он был рад. «Наконец-то и отдохнуть можно», — думал он, блаженно вытягиваясь на шкурах в яранге. И вот оказалось, что пурга не спасение, а еще более беспощадное испытание.

— Это что же такое получается! — почти закричал он, приводя в смятение свою падчерицу. — Они совсем лишились ума!..

Быстро собравшись, Эчилин вынырнул из тепла яранги в пургу, направляясь к Иляю.

Иляй в это время сидел в своем пологе и тоже ругался на чем свет стоит. Итти ловить песцов в пургу для него казалось безумием. И хуже всего было то, что не итти вместе со всеми он не мог.

«Что-то случилось такое для меня непонятное, что я не могу, как прежде, взять да и не пойти, — с досадой думал он, собираясь в дорогу. — Вон Тэюнэ, кажется, совсем сходит с ума. Пошла звать женщин, чтобы они тоже отправились с ней в пургу песцов ловить. Как же я буду дома сидеть, если даже жена моя уходит? Ох, и беда же мне с ней! И зачем только жена моя женщиной родилась? Если б мужчиной была — пусть бы шла тогда в пургу песцов ловить, а я и дома посидел бы».

И вдруг Иляй увидел, что в полог к нему забирается Эчилин.

Осмотрев полог, Эчилин пощипал волоски на своей бороде и сказал:

— Жена твоя, как видно, о каких-то посторонних делах думает. Хозяйством не занимается: стекло на лампе

грязное, полог от снега плохо выбит, в шатре беспорядок. Не знаю, как ты терпишь...

Иляй досадливо поморщился.

— В пургу всегда так бывает. В твоей яранге сейчас не лучше. И потом ей некогда, она уходит...

— Как уходит? Куда уходит? К Гэмалю, так, что ли?

— Почему к Гэмалю? Зачем такое говоришь? — смутился Иляй.

Эчилин наклонился к Иляю и, словно поверяя глубокую тайну, сказал вкрадчиво:

— А разве тебе неизвестно, что Тэюна и Гэмаль давно уже снюхались?

Круглое лицо Иляя постепенно наливалось кровью. Узенькие глазки его стали злыми, колючими.

— Не говори мне слов таких. Мне и без тебя волком выть хочется. И если ты знать хочешь — Гэмаль здесь ни при чем. Это она все время на тропу его становится, а он из-за этого в глаза мне смотреть стыдится. Вот я ее когда-нибудь схвачу за волосы, чтобы не позорила мужа своего!

— Приятно настоящего мужчину в гневе видеть! — воскликнул Эчилин. — Но слепой ты, Иляй, как старуха. Не видишь, что Гэмаль только притворяется добрым. Он уже давно сделал так, чтобы жена твоя на тебя смотреть перестала. Я не однажды видел их летом на берегу морском, у маяка, где овраги, где много травы сухой. Если у тебя голова, а не горшок на плечах, ты понимать должен, почему они это место для своих встреч выбирали.

Судорожно глотая что-то, вдруг застрявшее в горле, Иляй хмуро слушал каждое слово Эчилина. До сих пор у него еще теплилась надежда, что жена забудет Гэмалья, что она рано или поздно как следует оценит его, Иляя, но вот Эчилин говорит такие слова, от которых темнеет в голове, а руки сжимаются в кулаки. И в самом деле, почему это он, Иляй, до сих пор верил Гэмалю? Почему он ни разу не подумал о том, что Тэюна и Гэмаль уже давно его обманывают?

Схватив Эчилина за шиворот кухлянки, Иляй близко наклонил к себе его холодное, бесстрастное лицо с тяжелыми челюстями.

— Скажи, ты правду говоришь, а? Это правда, что они там, у маяка?..

Эчилин мягко, но настойчиво отцепил от своего воротника руки Иляя и с видом оскорбленного человека, которого подозревают в клевете, сказал:

— Жалко, что я тогда не взял тебя за шиворот и не ткнул носом в то место, где они лежали.

— Я убью Тэюна! — мрачно заявил Иляй и, вдруг вскинув вверх одну ногу, начал торопливо подвязывать болтающиеся тесемки торбазов. Носок правого торбаза был порван, и из него торчала травяная стельга.

Эчилин презрительно усмехнулся:

— Голова у тебя, наверное, как этот торбаз, дырявая! Разве женщина что-нибудь понимает? Женщина, как пещец, — увидит приманку и бежит прямо на капкан.

— Значит, по-твоему, не Тэюна, а Гэмалья убить надо? — полуиспуганно спросил Иляй.

— Что это ты говоришь такое? — с наигранным ужасом воскликнул Эчилин. — Разве можно человека убивать, да еще такого человека, как Гэмаль!..

— А что же мне делать?

— Терпеть, терпеть надо!

Сказал это Эчилин таким тоном, что лицо у Иляя снова побагровело.

— Да, да, терпеть надо, — повторил Эчилин. — Гэмаль начальник, парторг, значит гордиться тебе надо...

— Замолчи! — закричал Иляй. — Замолчи, а то я тебя сейчас убью!

— Не убьешь, — спокойно возразил Эчилин. — Это тебе не старая жизнь, когда человека, как собаку, убить можно было. Как раньше бывало? Накинет один человек на шею другого аркан в пургу, так и оставит, чтобы морозом прикончило. Так в старину было. А тебе, Иляй, терпеть надо. Да ты чего это так разозлился? Разве тебе Тэюна вдвоем с Гэмалем нехватит?

Этого Иляй уже не мог вынести.

— Я их убью! Обоих убью! Они еще узнают, как обманывать меня! — зарычал он и так заметался по пологу, что-то разыскивая, что едва не разрушил его.

— Ну, ну, ты потише слова такие говори, а то сейчас всем расскажу, — погрозились Эчилин, как бы стирая с лица рукой едва заметную ухмылку. — Разве можно человека убивать!

— Эй, Иляй! — послышался чей-то голос в шатре яранги, — быстрее собирайся, наша бригада через час на капканы уходит!

24

Охотники вышли в тундру, оставив собак дома. Пурга была такая, что ее не смогла бы одолеть ни одна упряжка. Но люди все же решили одолеть пургу. И хотя выбрали они всего один, притом самый близкий, участок, задача была необычайно трудной. Стремительный ветер, словно взбешенный дерзостью людей, которые посмели с ним спорить, сбивал их с ног, обрушивал на них тучи вздыбленного снега. Охотники, сутулясь под своими ношами, в которых были палатки, примусы, чайники, недельный запас пищи, карабкались на сугробы, падали, снова подымались и упрямо двигались вперед, руководствуясь в своем необыкновенно тяжелом пути каким-то шестым чувством испытанных следопытов...

Гэмаль стал на колени возле приманки, сорвал зубами рукавицу с правой руки, пытаясь оголенной ладонью отогреть лицо. И вдруг порывом ветра рукавицу швырнуло куда-то в бушующий снег. Гэмаль вскочил на ноги, сделал прыжок, второй, споткнулся о заструги, упал, больно зашиб локоть.

— О, проклятая пурга! — выругался парторг и раскашлялся, захлебнувшись ветром.

Втянув руку внутрь кухлянки, Гэмаль снова подошел к приманке. Вытащив рывком забитый снегом капкан, он выхватил из чехла нож, попытался сделать лунку, но это было не так просто: лунку тут же забивало снегом. На какое-то мгновение мелькнула мысль, что перезаряжать капканы в пургу нехватит никаких сил. Но это только подстегнуло Гэмалья. Он тут же принялся орудовать обеими руками. Однако не помогло и это.

Словно обожженные, пальцы нестерпимо болели и не двигались.

«Как это? Неужели я не смогу перезарядить капканы? Что же тогда скажут другие?»

Всегда спокойный и выдержанный, сейчас Гэмаль был близок к отчаянию. А беспощадный ветер толкал его в грудь, бил в лицо колючим снегом, не позволял выкрикнуть в ответ пурге даже ругательства.

В бессильном бешенстве вскочил Гэмаль и стал разбрасывать ногой сугроб, который уже начал расти как раз там, где нужно было ставить капканы.

Задыхаясь, Гэмаль снова упал на колени, просунул лицо в головной вырез кухлянки. Минуты две он сидел неподвижно, пока не вспомнил о своем непобедимом оружии — спокойствию.

Конечно, он сейчас успокоится, он победит эту проклятую пургу. Вот пусть только сердце перестанет так часто биться, пусть горячий туман уйдет из головы.

Прошло еще несколько минут.

— А что, если сделать так! — вдруг воскликнул Гэмаль.

Парторг расстегнул на верхней кухлянке ремень и подпоясал им только нижнюю кухлянку. Повернувшись спиной к ветру, он втянул руки вместе с рукавами нижней кухлянки внутрь верхней, просунул в головной вырез лицо, сделав таким образом что-то наподобие крошечной меховой палатки.

«Ого! Пусть теперь помешает мне ветер перезарядить капканы! — торжествуя подумал он. — Правда, совсем темно и неудобно, ну да что поделаешь...»

Но это было еще не все. Гэмаль чувствовал, что голой рукой капкан ему все-таки не перезарядить. Спокойствие выручило и на этот раз. Он вспомнил, что кисет его шит из пыжиковой шкуры. Не задумываясь, он быстро высыпал табак во внутренний карман кухлянки, а кисет вместо рукавицы надел на руку.

Когда капканы у первой приманки были, наконец, перезаряжены, Гэмаль облегченно вздохнул, встал на ноги.

Но и это было еще не все. Надо было проследить, как долго могли оставаться капканы не забитыми снегом. К своему огорчению, Гэмаль убедился, что если ничего не предпринять, то через десять минут капканы снова будут под снегом.

«Придется перетаскивать приманки вместе с капканами на те места, где не задерживается снег, — решил он. — Большая работа, но сделать так все же придется, иначе ничего не получится. Схожу в палатку, может у Айгинто есть запасные рукавицы».

Палатка находилась не более как в километре от первой приманки Гэмалья. Тяжело проваливаясь в снег, парторг шел, с трудом преодолевая встречный напор ветра.

И вдруг лицом к лицу столкнулся с Иляем.

— Ты чего здесь? — наклонился Гэмаль к уху Илая, силясь перекричать шум пурги.

— Да вот заблудился, не могу свои капканы найти.

— Давай помогу! — предложил с готовностью Гэмаль.

— Нет, нет, я сам! Я сейчас хорошо вспомнил! — закричал Илай и нерешительно отступил назад.

Гэмаль повернулся и пошел навстречу ветру.

Илай судорожно обхватил кольца аркана, тяжело дыша, прошел несколько шагов вслед за Гэмалем, все еще не веря, что перед ним именно тот человек, которого он собирался убить. Спина Гэмалья слилась с тучей снега, мелькнула опять, потом еще раз и исчезла совсем. Облегченно вздохнув, Илай отвернулся от ветра, вытер руками мокрое, залепленное снегом лицо и долго-долго стоял на месте, как бы не понимая, зачем он здесь и по какой причине в руках его оказался аркан.

— Ну прямо как мальчишка! — наконец сказал он и снова вздохнул облегченно. У него было такое ощущение, словно ему удалось избежать какого-то огромного несчастья.

«Надо аркан этот куда-нибудь выбросить, а то еще Эчилин увидит, догадается, людям расскажет, — подумал Илай и тут же швырнул собранный в кольца аркан куда-то в пургу. — О, эта проклятая Тэюна! Взять бы ее за волосы и поколотить, как собаку. Так я и сделаю! Я ее проучу! Только сначала хорошо проверить надо — не врет ли Эчилин. А он мог наврать. Что я не знаю Эчилина, что ли? И почему это я так сразу поверил ему?.. Ай, ну просто как мальчишка поступаю!..»

В палатке Гэмаль застал одного Айгинто. Председатель сидел мрачный, покуривая трубку. Отряхнувшись от снега, Гэмаль присел на корточки.

— Гивэй, значит, еще не приходил? Он же с тобой в одну палатку просился.

— Нет еще, — угрюмо отозвался Айгинто.

— Нет ли у тебя рукавиц запасных? — спросил Гэмаль, показывая свою окоченевшую от холода руку. — Пургой вырвало, унесло... Еле перезарядил капканы.

— Тебе удалось перезарядить капканы, да еще без рукавицы? — изумленно спросил Айгинто и тут же засуетился, роясь в своем вещевом мешке.

— На вот, бери, — протянул он ему рукавицы. — Обо всем, я вижу, председатель колхоза заботиться должен...

— Примус разжег бы, чайку вскипятить, — устало сказал Гэмаль, надевая новые рукавицы. — А пальцы я все же подморозил, — добавил он, чувствуя боль, похожую на ожог.

Айгинто взялся за примус.

— Ни с чем вернулся в палатку, — хмуро сказал он. — Что только не делал с капканами, а перезарядить не смог. Все ругательные слова перебрал, какие только вспомнил, все равно не помогло.

В это время в палатку просунулся весь заснеженный Гивэй. Отряхнув с остервенением малахай от снега, он снова нахлобучил его на голову и, стараясь не смотреть в глаза ни Гэмалю, ни Айгинто, сказал:

— Ничего у нас не получится с охотой в пургу. Только зря измучаются да перемерзнут люди...

Гэмаль крепко затыкнул трубку и подумал: «Медлить нельзя. Надо идти по всем палаткам, помогать охотникам. Иначе все сорвется».

— Я тоже не смог перезарядить капканы, — вздохнул Айгинто. — А вот Гэмаль перезарядил, да еще без одной рукавицы.

Гивэй недоверчиво посмотрел на Гэмалья.

— Как? Расскажи!

Гэмаль быстро докурив трубку, спрятал ее и сказал: — Сейчас втроем пойдем учить людей, как переза-

ряжать в пургу капканы. Сначала у меня тоже ничего не получалось. Злой я был, сильно злой, а потом успокоился и все же придумал, что делать надо. Вот послушайте.

Айгинто и Гивэй жадно слушали каждое слово парт-орга.

— Пойдем теперь по палаткам, докажем охотникам, что песцов и в пургу ловить можно, — повеселел председатель.

Переходя от палатки к палатке, Айгинто и Гэмаль всюду находили охотников мрачными, унылыми.

— Неразумное старик Анкоче выдумал. А вы послушали его, в пургу людей повели, — простуженным голосом сказал в одной из палаток Нотат. Пожилому охотнику нездоровилось, но он никому не говорил об этом.

— А мы давно уже или умом мальчишек, или умом стариков полоумных живем, — злорадно подхватил Эчили.

Айгинто хотел было ответить не менее резко, но Гэмаль дернул его за рукав.

— Да, пока плохо получается, — вздохнул парт-орг, — мы вот с Айгинто тоже были сердитые. Я так сильно рассердился, когда капканы перезаряжал, что кусать рукав кухлянки стал, снег ногами копать.

Охотники с любопытством и недоумением посмотрели на Гэмаль. То, что он честно и прямо рассказал о своем отчаянье, которое оказалось таким же, как и у них, понравилось многим: не ругается, не стыдит, силой своей не хвастается, честно сознался, что и ему тяжело.

— Плохо, друзья, нам не потому, что мы пурги испугались, — продолжал Гэмаль. — Беда в том, что пока пользы нет от того, что сидим мы здесь в пурге.

— Вот-вот, ты, Гэмаль, всегда умеешь сказать, о чем люди думают, — оживился Нотат. — Бестолку мучаемся!

— А Гэмаль вот добился толку, теперь всех научит, как обмануть пургу! — выкрикнул из-за спины брата Гивэй. — Из собственной кухлянки он как бы палатку делает: на колени встанет, руки в рукава просунет и так внизу, под кухлянкой, перезаряжает капканы. Вот посмотрите, как получается!

Гивэй схватил лежавший в палатке капкан, упал на колени и в точности все проделал так, как только что рассказывал. Охотники повеселели. Некоторые из них и сами попытались тут же повторить опыт Гэмалья.

На следующий день от мрачного уныния, которым были охвачены янрайцы накануне, не осталось и следа. Теперь они уже могли справиться с метелью. К тому же старик Анкоче оказался глубоко прав. Голодные песцы, лишённые возможности охотиться в пургу за мышами, слепо шли на приманки. К вечеру не было охотника, который не вернулся бы в палатку без песка.

25

В бушующую пургу вышел из Янрая самый молодой охотник, Эттын. Сбиваемый ветром, он часто падал, с трудом подымался и шел дальше. Всего час назад Эттын чувствовал себя несчастным человеком. Шутка сказать, как раз именно тогда, когда все охотники, несмотря на пургу, пошли ловить песцов, его оставили дома лишь потому, что он немножко простудился. Ну, что ж такого, что в голове

его жар. Пурга ее быстро остудит. И Эттын все же удрал от матери. Не такой он человек, чтобы оставаться дома, когда все комсомольцы вышли на капканы.

Все чаще и чаще останавливался Эттын, чтобы отдышаться. Иногда ему казалось, что он заблудился, но юноша гнал тревожную мысль прочь и упрямо двигался вперед, разыскивая палатку бригады Рультына.

Сотни вихревых столбов, ввинчиваясь в снег спиралью, выписывая концентрические круги, мчались по снежной долине. Эттын, задыхаясь, отворачивал от ветра лицо, но казалось, что ветер дует со всех сторон.

Наконец Эттын убедился, что окончательно сбился с пути.

«Что же мне делать?» — в растерянности подумал он. Мысль о том, что он может бесполезно проблуждать, тогда как его друзья будут ловить песцов, приводила Эттына в отчаяние.

«Охотник называется, комсомолец, в пургу заблудился! Дома такому сидеть надо! Из мамкиных рук чаек пить!» — не щадил себя Эттын, шагая куда-то наугад.

Когда ноги совсем отказались идти, Эттын лег прямо на снег, засунул голову и руки внутрь кухлянки. Таяли от дыхания сосульки на опушке малахая, холодные капли ползли по лицу. Облизывая пересохшие, жаркие губы, Эттын прикладывал руки к горячему лбу, чувствуя, как голова его разламывается от боли.

Постепенно юношу занесло снегом, и он погрузился в тяжелый, зыбкий сон.

Проснулся Эттын, когда у него затёкли и замерзли ноги. Надо было встать, потоптаться, чтобы как-нибудь согреться. Но вверху, над снежным сугробом, с прежней силой бесновалась метель. «А может, так полежать, может, ничего с ногами не случится? Померзнут-померзнут, да и согреются?» И чем дольше Эттын лежал без движения, тем сильнее всем существом его овладевала эта страшная мысль. Боль в ногах была нестерпимо резкой. «Как же так? Что же это получается? Не меня ли настоящие охотники учили ноги беречь? Вот перестану их чувствовать, станет тепло им, и тогда я никогда не выберусь из своей снежной берлоги».

Эттыну вспомнился рассказ Ковалева о сталинградском бойце, как тот полз и полз под огнем. С какой жадностью вслушивался тогда Эттын в каждое слово секретаря райкома. Захваченный его рассказом, Эттын представлял себя тогда на месте бойца и думал, что он, комсомолец, молодой бесстрашный охотник, сделал бы то же самое — дополз бы до цели.

Собрав все силы, Эттын повернулся вправо, влево, взломал снежную корку, вскочил на ноги. В размякшее, обмороженное лицо жестко ударило колючим снегом. Эттын трясся и, чтобы унять дрожь, стал топтаться на одном месте, выстукивая зубами дробь.

Задохнувшись, Эттын упал на колени, втянул голову в плечи. «Нельзя сидеть!.. Двигаться! Двигаться! — кричал он себе. На миг ему представилась заботливая, встревоженная его болезнь мать. — Обманул. Обманул я ее. Больной в пургу ушел. Плачет, сильно плачет она теперь».

Жажда борьбы охватила Эттына. Он завертелся на снегу комком, задыхаясь, хватаясь руками за грудь, па-

дая, подымаясь снова. Постепенно отходили заочневшие ноги, унималась дрожь. Зубы уже не так больно выстукивали дробь. А Эттын все топтался и топтался, стремясь еще больше согреться. Разогревшись, он снова лег в снежную берлогу...

Долго ли спал Эттын, или всего несколько минут, он не мог сказать. Проснулся он от резкой боли в ногах и долго не мог сообразить, что с ним происходит. В сознании смутно возникла мысль, что ему надо напрячь все усилия и от чего-то обезопасить себя. «Надо опять встать! Согреться надо!» — наконец вспомнил он. Но в то же время он знал, что на этот раз подняться на ноги его уже не заставят никакие силы. А боль в ногах становилась все резче и резче. Голова казалась тяжелой, расплющенной у висков.

По мере того как утихала боль, все более туманилось сознание. Временами, где-то глубоко-глубоко, смутно мелькала предостерегающая, тревожная мысль, но от чего она предостерегала, Эттын уже понять не мог.

Очнулся юноша не скоро. Открыв глаза, он увидел высоко над собой синее небо и совсем близко — тревожные и вместе с тем радостные глаза Гэмалья.

— Жив! — словно из-за стены донеслось до слуха юноши.

— Жив! — повторил кто-то другой.

— Жив! — прошептал и Эттын, и вдруг сознание его стало предельно точным. Он вспомнил все, что произошло с ним, рванулся и сразу почувствовал, что ноги его стали необыкновенно тяжелыми, чужими.

— Как далеко он ушел в сторону Илирнея, — снова послышался голос второго человека, которого Эттын никак не мог узнать. «Да это же Илай!» — наконец узнал он.

Эттына уложили на легкую нарту, прикрыли теплыми шкурами.

— В Янрай заезжать будешь? — спросил Илай.

— Нет. Повезу прямо в илирнейскую больницу. Часов через пять буду там, — ответил Гэмаль и сдвинул с места нарту.

26

Через двое суток Гэмаль вернулся из Илирнея в Янрай. Не одну весть привез он, но сообщил людям прежде всего самую радостную — весть о великой Сталинградской победе, которую он узнал по радио в Илирне.

— Слушайте, люди, меня! Слушайте весть великую! — изменив своей привычной сдержанности, крикнул он, становясь на нарту.

Сбив на спину малахай, не чувствуя жгучего мороза, Гэмаль рассказывал собравшимся у школы янрайцам все, что было ему известно о великой победе.

Улыбалось на небе недавно взшедшее после долгой полярной ночи пока еще холодное, но ласковое солнце; трепетал на ветру над школой красный флаг, слышался звонкий, радостный смех детей.

— Далеко живем мы от Сталинграда, но понять нужно, что и мы тоже за Сталинград сражались! — сказал в конце своей речи Гэмаль. — О том, что мы в пургу семьдесят песцов добыли, план и фронтовое задание перевыполнили, уже весь район знает! На тридцать два песца

мы снова обогнали илирнейцев. Но охота еще не закончена! Илирнейцы нас снова могут обогнать. А самое главное это то, что война еще продолжается. Берлин от Сталинграда далеко, очень далеко, и нам надо помочь советским бойцам пройти этот путь!

Когда Гэмаль кончил, к нему подошла мать Эттына Рочгина и попросила, крепко прижимая руки к груди:

— О сыне скажи моем, скажи все, что знаешь...

— Да, да, расскажи, что с Эттыном! — потребовали люди.

Гэмаль нахмурился, тяжело вздохнул, поискав глазами отца Эттына Тиркина, но не нашел. Рочгина сделала еще шаг вперед, схватилась рукой за сердце. В толпе наступила тревожная, напряженная тишина.

— Много у Сталинграда наших бойцов погибло. Многие из них калеками без рук, без ног остались, — негромко сказал Гэмаль. — Самый молодой наш охотник Эттын, самый молодой комсомолец наш, на настоящего сталинградца похож! — Обветренное лицо парторга стало необыкновенно суровым. Малахай он так и не надел, волосы побелели от инея. — Должен сказать тебе, Рочгина, должен сказать вам, люди, весть очень печальную: Эттыну нашему пришлось отрезать правую ногу.

Рочгина стремительно поднесла руку ко рту, раскрытому в безмолвном крике, и вдруг, повернувшись, заплакала тонко, протяжно. Плач этот больно отозвался в сердце Гэмалья. «Вот так, в сегодняшний день великой победы, многие матери заплачут, узнав о гибели, об увечье своих сыновей», — подумал он, наблюдая за Рочгиной, которая шла к дому неверными шагами.

После митинга Гэмаль зашел в школу. Оля попросила его подробнее рассказать об Эттыне.

— Что рассказывать, — вздохнул Гэмаль. — Плохие дела с парнем. Возможно, вторую ногу придется резать. Сильно обморозился. К тому же у него воспаление легких. Очень ослаб. Главный врач сказал, что если выживет, так это будет чудом.

Солнцева отвернулась, чтобы скрыть слезы, глядя куда-то в окно влажными неподвижными глазами.

— Попробуем, Оля, выгнать на сегодня из сердца печаль и тревогу, — негромко, но твердо сказал Гэмаль. — Нужно так сделать, чтобы люди праздники почувствовали. Собери комсомольцев, вечер самодеятельности устрой. А я сейчас Журбе в тундру подробно о весте радостной напишу. Пусть узнают ее олениводы. Сегодня же и гонца туда пошлю.

— Правильно, сегодня же пошли гонца, — оживилась Солнцева. — От меня Журбе тоже будет письмо.

Рочгина, придя домой, бросилась лицом на подушки, на которых еще недавно лежал больной Эттын, и заплакала так, словно в доме ее был покойник.

— Как же он без ноги теперь будет? Какой же это охотник, если у него ноги нет! — причитала она.

— Спасибо за это скажи тем, кто погнал мальчика в пургу песцов ловить! — вдруг услышала Рочгина вкрадчивый голос Эчилина. Рочгина замерла, оторвала свое заплаканное лицо от подушки и медленно встала.

— Как ты сказал? — тихо спросила она, беспшумно ступив навстречу Эчилину. — Что ты такое сказал? — так же тихо повторила она свой вопрос и, не дожидаясь ответа, вдруг закричала, гневно потрясая своими худень-

гимн кулачками: —Его никто не гнал! Врешь!.. Эттыи сам пошел, сам!.. Сам! Слышишь?.. Пошел, потому...

Рочгина задохнулась. Губы ее дрожали. Эчилин круто повернулся.

— Все, все рассудка лишились! Случилось что-то с людьми, словно порчу кто наслал на них! — бормотал он, поспешно закрывая за собой дверь.

Заметив быстро идущего к своему дому Тиркина, только что прибывшего из охотничьего участка, Эчилин остановился.

— Знаешь ли ты печальную весть о твоём сыне? — спросил он со вздохом. — Успел ли ты поговорить с Гэмалем?

Тиркин шагнул вплотную к Эчилину, глянул суровым взглядом прямо в глаза.

— О печальной вести с таким лицом, как у тебя, не сообщают.

Эчилин невольно отступил шаг назад, словно получив пощечину. А Тиркин, втянув голову в плечи, ссутулившись, так же стремительно пошел дальше к дому.

Весть о великой победе облетела все стойбища тундры. Опережая агитаторов, переходя из яранги в ярангу, из стойбища в стойбище, счастливая весть обростала подробностями, приобретала сказочную, легендарную окраску.

— Говорят, в Сталинграде один красноармеец был огромного росту! Надо таких, как я, три человека один на один поставить, — рассказывал притихшим оленеводам в своей яранге молчун Майна-Воопка. — А силы у него было столько, сколько сто человек имеют, да еще сто, да еще и еще десять раз по сто. Красноармеец за ствол пушки берет, кверху поднимает, а затем врагов ею бьет: направо бьет! налево бьет! Вперед, назад бьет!

Журба, не прерывая, внимательно слушал рассказчика. Владимир понимал, что народом уже творится легенда. «Как знать, — думал он, — быть может, народное сказание о Сталинградской победе, переходя от поколения к поколению, из века в век, останется, как живое дыхание бессмертия наших героев, которое родилось сегодня, чтобы жить вечно».

(Продолжение следует.)

Редактор *А. Егоров*

Подписано к печати 31/III 1953 г. А-00142. Тираж 500000. Бумага 84×108^{1/32}==
2,75 бум. л. — 9,02 печ. л. Уч.-изд. л. 14,4. Заказ № 541.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства Культуры СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

2 р. 90 к.

1965
1974.92 кв. 57
ПОМАШОВОЙ К.К.
21.12 ПОМАШ